

Эрл Стенли ГАРДНЕР

СЕКРЕТ ПАДЧЕРИЦЫ

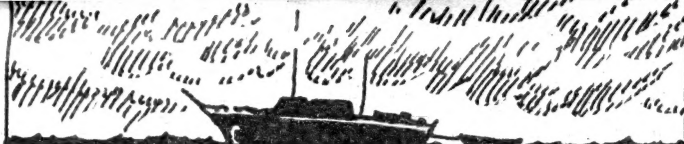

ERLE STANLEY GARDNER

**THE CASE
OF THE STEPDAUGHTER'S
SECRET**

© William Morrow edition, 1963

Эрл Стенли ГАРДНЕР

СЕКРЕТ

падчерицы

ПРЕЙСКУРАНТИЗАТ

«Маркетинг-XXI»

ББК 84.7 США
Г20

Гарднер Э. С.

Г20 Секрет падчерицы/Пер. с англ. С. Шпака. — М.: Прейскурантиздат, 1991. — 112 с.

ISBN 5-85230-038-1

Эрл Стенли Гарднер (1889—1970) — американский адвокат, ставший писателем. В своем знаменитом защитнике Перри Мейсоне, который так же популярен, как Шерлок Холмс, Мэгре, Эркюль Пуаро, он изобразил самого себя.

Шантаж, вымогательство, таинственное убийство, угроза смертного приговора — вот те сложности, с которыми приходится столкнуться Перри Мейсону в «Секрете падчерицы». Интрига достигает своей кульминации на судебном разбирательстве. Здесь под ураганным огнем вопросов знаменитого адвоката «раскалывается» преступник.

Г 4703040100—536 Без объявл.
091(02)—91

ББК 84.7 США

ISBN 5-85230-038-1

© Перевод. С. Шпак, 1991
© Художественное оформление.
Издательство «Прейскурантиздат»,
СП «Маркетинг-XXI», 1991

В

I

10.45 утра Делла Стрит в каком-то нервном напряжении стала поглядывать на часы. Перри Мейсон перестал диктовать и с улыбкой спросил ее:

— Вы что-то сильно нервничаете, Делла.

— Никак не могу успокоиться, — призналась она. — Подумать только, звонил сам мистер Бэнкрофт и просил принять его как можно скорее! А его голос?! Как он звучал по телефону!

— Вы ему сказали, что он будет принят в одиннадцать часов?

— Да, — промолвила она, утвердительно кивнув головой, — и он ответил, что будет выжимать из машины все, чтобы добраться вовремя.

— Ну что ж. Значит, Харлоу Биссинджер Бэнкрофт будет здесь ровно в одиннадцать. Он не кидает слов на ветер и умеет ценить время. Каждая минута у него на счету. Только так он и ведет свои дела.

— Не понимаю, — в задумчивости произнесла Делла, — что ему нужно от адвоката по уголовным делам? Говорят, у него больше корпораций, чем у собаки блох. Целая армия адвокатов занимается только его делами. Лишь в одном отделе налогов — семь юристов.

Мейсон взглянул на часы.

— Потерпите еще немного, и мы все узнаем. Только я...

Резкий телефонный звонок прервал его.

Делла Стрит схватила трубку и ответила секретарю в приемной:

— Да, Гёрти... минутку...

Затем, прикрыв микрофон рукой, обратилась к Мейсону:

— Мистер Бэнкрофт уже здесь. Говорит, что смог добраться раньше и подождет до одиннадцати, если вы сейчас заняты, но он очень спешит.

— Дело, видимо, — заметил Мейсон, — куда более срочное, чем я предполагал. Хорошо, пусть войдет, Делла.

Делла Стрит резво схватила блокнот для записей, вскочила и вышла в соседнюю комнату. Вскоре она возвратилась с человеком примерно лет пятидесяти. У него были коротко подстриженные пепельные усы, подчеркивавшие решительность рта, глаза серо-стального цвета и манеры человека, сознающего свое положение в обществе.

— Добрый день, мистер Мейсон, — сказал Бэнкрофт. — Благодарю вас за то, что так быстро приняли меня.

Он повернулся и недоверчиво взглянул на Деллу.

— Делла Стрит — мой доверенный секретарь, — пояснил Мейсон. — Она присутствует при всех моих разговорах и делает пометки.

— Но это чрезвычайно секретное дело, — возразил Бэнкрофт.

— Она умеет хранить секреты. Ей известны все дела, которые я вел.

Бэнкрофт сел. Неожиданно чувство решительности и уверенности в нем исчезло. Он как-то сник.

— Мистер Мейсон, — наконец сказал он, — я на краю пропасти. Все, ради чего я работал всю свою жизнь, все, что построил, рушится как картонный домик.

— Ну успокойтесь, — прервал его Мейсон. — Наверняка, все не так уж серьезно. Расскажите мне, что вас беспокоит, а там посмотрим, что можно сделать.

Бэнкрофт протянул вперед свои руки.

— Вы видите их? — спросил он трагическим голосом.

Мейсон утвердительно кивнул головой.

— Все в своей жизни я построил вот этими руками, — продолжал Бэнкрофт. — Они были моей единственной поддержкой. Я работал как вол. Боролся, чтобы идти вперед. Влезал в долги, пока не почувствовал, что больше не могу их выплачивать, что не в состоянии достичь финансового благополучия. Я сидел затаившись, когда казалось, что империя моя вот-вот рухнет. Я пробивался сквозь ряды неприятелей, вставал лицом к лицу с ними, не имея ни единого козыря в руках, одну лишь способность хитростью обойти их. Я играл, и ставкой было мое состояние. Я все скупал, в то время как все в панике всё продавали. И вот теперь эти самые руки несут мне гибель.

— Почему?

— Все дело в отпечатках пальцев.

— Продолжайте, — проговорил Мейсон, сощулив глаза.

— Если так можно сказать, я создал себя сам. Я сбежал из дома, когда меня там почти ничто не удерживало. Я попал в довольно плохую компанию и узнал много такого, чего не следовало бы знать. Я узнал, как обрезать провод зажигания в машинах, как зара-

батывать на жизнь в темных аллеях. Короче говоря, я научился воровать: шляпы, одежду и автомобили.

В конце концов меня поймали и отправили в исправительный дом. Это, возможно, лучшее, что было в моей жизни.

Оказавшись там, я затаил злобу против общества. Я полагал, что попался по неосторожности, поэтому на будущее решил быть хитрее и продолжать свои сомнительные дела с учетом прежних промахов.

В этой тюрьме был капеллан, который заинтересовался мною. Я не скажу, что он приобщил меня к религии, пожалуй, даже нет. Он просто дал мне чувство веры в себя и своих товарищей, в божественное строение Вселенной.

Он разъяснил мне, что жизнь настолько сложна, что человеку, как известно, понадобилось немало усилий, чтобы объяснить ее появление; что стремление птенцов вылупиться из яйца и, едва оперившись, вскарабкаться на край гнезда с желанием взлететь — не просто инстинкт, как мы его называем, а отражение божественного плана, средство связи творца с живыми существами.

Он советовал мне прислушиваться к собственным инстинктам, не к эгоистическим желаниям, а к чувствам, пробуждавшимся во мне, когда, умышленно не замечая ничего вокруг, я был в полной гармонии со всем миром. Он призывал меня в одиночестве ночи преклоняться перед великим сердцем Вселенной.

— И вы это делали? — спросил Мейсон.

— Да, потому что он уверял, что я боюсь этого, а я хотел доказать обратное, показать его неправоту.

— И что же, он был неправ?

— Не знаю, как сказать. На меня что-то нашло, не знаю, что именно. Чувство созидания, желания что-то сделать самому. Я стал читать, учиться и думать.

Мейсон с любопытством взглянул на него.

— Ну хорошо. Мне известно, что вы много путешествовали, мистер Бэнкрофт. Что вы делали с паспортами?

— К счастью, — ответил Бэнкрофт, — я начал жизнь, сохранив достаточно семейной гордости, и поэтому не раскрыл своего настоящего имени. В тюрьме, вообще в течение всего периода сумасбродства, я пользовался вымышленным именем. Мне удалось сохранить свое инкогнито.

— А отпечатки пальцев?

— Вот тут-то собака и зарыта. Если когда-нибудь отпечатки моих пальцев попадут в ФБР, то через несколько минут станет известно, что Харлоу Биссинджер Бэнкрофт, крупный финансист и филантроп, — на самом деле преступник, пробывший четырнадцать месяцев в заключении.

— Теперь все ясно, — сказал Мейсон. — Видимо, кто-то раскрыл секрет вашего прошлого.

Бэнкрофт утвердительно кивнул головой.

— И угрожает сделать его достоянием общественности? — спросил Мейсон. — Вас шантажируют и требуют денег?

Вместо ответа Бэнкрофт вынул из кармана лист бумаги и протянул его адвокату.

На нём было напечатано следующее:

Вложите в красную банку из-под кофе 1500 долларов в десяти- и двадцатидолларовых банкнотах, положите туда еще десять серебряных долларов. Плотнo закройте банку крышкой и ждите телефонных указаний относительно времени и места передачи. Вложите эту записку в банку, чтобы мы были уверены, что полиция не будет разыскивать нас по машинописному тексту письма. Если вы будете следовать нашим указаниям, вам нечего бояться, в противном случае вашей семье придется пережить немало неприятных минут, связанных с разоблачением: чьи отпечатки пальцев на документах и где именно.

Мейсон внимательно прочитал письмо.

— Оно было послано вам по почте?

— Не мне, а моей падчерице, Розене Эндрюс, — сказал Бэнкрофт.

Адвокат вопросительно взглянул на него.

— Семь лет назад, — стал объяснять Бэнкрофт, — я женился на вдове. У нее есть дочь, Розена. Ей тогда было шестнадцать лет, сейчас — двадцать три года. Это очень красивая, энергичная девушка. Она помолвлена с Джетсоном Блэром. Семья Блэров занимает видное положение в обществе.

Мейсон задумался.

— А почему они решили ударить по ней, а не по вам?

— Они, видимо, хотели подчеркнуть то обстоятельство, что в период помолвки она наиболее уязвима.

— Дата свадьбы назначена?

— Нет, но предполагается, что она состоится месяца через три.

— А как вы обнаружили это письмо?

— Мне показалось, что моя падчерица чем-то расстроена. Когда она вошла в дом с конвертом в руке, лицо у нее было бледным как полотно. Она собиралась днем пойти искупаться, но вдруг позвонила Джетсону Блэру и отменила встречу, заявив, что нездорова.

Я понял, что тут что-то не так.

Затем Розена под каким-то предлогом уехала в город. Я подумал, что она решила навестить мать, бывшую в то время на нашей городской квартире. Розена уехала сегодня утром. Сразу же после ее отъезда, я заглянул к ней в комнату и на столе под промокательной бумагой обнаружил вот это письмо.

— Секундочку, — прервал его Мейсон, — давайте уточним. Вы говорите, что она, по-видимому, поехала в город навестить свою мать?

— Думаю, да. Ее мать в городе: готовится к благотворительному балу. Минувшим вечером и ночью она была в городе, на нашей городской квартире, а мы с Розеной — на вилле у озера. Мать Розены обещала вернуться на виллу сегодня вечером. Вот почему я так хотел увидеть вас как можно скорее. Мне нужно вернуться на виллу и положить письмо на место до возвращения Розены.

— Вы рассказывали жене что-нибудь о вашем преступном прошлом? — спросил Мейсон.

— О боже! Конечно же нет! Мне следовало бы это сделать, но я был слишком влюблен. Я понимал, что, несмотря на свою любовь ко мне, Филлис, чтобы не повредить общественному положению Розены, никогда не выйдет замуж за человека с преступным прошлым.

Итак, мистер Мейсон, вы знаете мою тайну. Единственный человек на свете.

— Если, конечно, не считать одного или нескольких лиц, пославших это письмо, — добавил Мейсон.

Бэнкрофт утвердительно кивнул головой.

— У Розены достаточно денег, чтобы выполнить эти требования? — спросил Мейсон.

— Безусловно, — ответил Бэнкрофт. — У нее в банке вклад в несколько тысяч долларов. Кроме того, она в любое время по желанию может получить от меня нужную ей сумму.

— Вы не знаете, что она собирается сделать: ответить на это требование или же нет?

— Абсолютно уверен, что ответить.

— В таком случае, это только начало. Так нельзя отделаться от вымогателей.

— Знаю, знаю, — сказал Бэнкрофт. — Однако в конце концов через три месяца, то есть после свадьбы, давление вряд ли будет таким уж сильным.

— На нее, возможно, — пояснил Мейсон. — Но затем оно перекинется на вас. Вам не кажется, что вашей падчерице абсолютно все известно?

— Конечно, она все знает. Люди, пославшие письмо, должно быть позвонили ей, все рассказали и дали понять, что ее ожидает, если она не примет их условий. Я в этом абсолютно уверен. Именно так и обстояло дело.

— Вы говорите, что живете на озере?

— Да, на озере Мертисито, — ответил Бэнкрофт. — У нас там дача.

— Насколько я знаю, дома в этом районе малодоступны. Стоимость их доходит до нескольких тысяч долларов.

— Да, это верно, — подтвердил Бэнкрофт, — за исключением, правда, трехсотфутowego участка берега в южной части озера. Там расположен общественный пляж, есть лодочная станция, где можно взять напрокат лодку... и обстановка в целом спокойная. Лишь иногда появляются отдельные личности, которые устраивают беспорядки и тревожат постоянных жителей. Частные владения доходят до самого берега, поэтому нарушителей мы почти и не видим.

— В каком банке ваша падчерица хранит деньги? — спросил Мейсон, кивнув головой в сторону телефона. — Вам это наверняка известно. Розена уехала в город, а сейчас уже одиннадцать. Позвоните в этот банк и поинтересуйтесь ее вкладом. Представьтесь и попросите служащих банка весь разговор держать в секрете. Разузнайте: не снимала ли она сегодня утром со своего счета полторы тысячи долларов в десяти- и двадцатидолларовых купюрах.

После некоторого колебания Бэнкрофт взял телефонную трубку, протянутую ему Деллой Стрит, попросил к телефону управляющего банком, представился и сказал:

— Я хотел бы в строго конфиденциальном порядке получить некоторую информацию. Мне хотелось бы, чтобы никто не знал о моем звонке и чтобы после него ничего не предпринималось. Скажите, не снимала ли сегодня утром моя падчерица со своего счета какой-нибудь суммы... Хорошо, я подожду.

Последовало несколько минут молчания. Затем Бэнкрофт сказал в трубку:

— Алло... Да... Понимаю... Огромное спасибо... Нет, ничего об этом не говорите... Нет, никому не говорите о моем звонке и, вообще, забудьте этот разговор.

Бэнкрофт повесил трубку, повернулся к Мейсону и утвердительно кивнул головой:

— Она действительно сняла со счета полторы тысячи долларов, — сказал он, — потребовав их в десяти- и двадцатидолларовых купюрах. Она также попросила десять серебряных долларов.

Мейсон задумался, а затем промолвил:

— Позвольте, Бэнкрофт, дать вам один совет. Вполне вероятно, вы не последуете ему.

— А что за совет?

— Священник, помогавший вам исправиться, еще жив?

— Да. У него сейчас довольно большая церковь.

— Сделайте этой церкви значительное денежное пожертвование.

При этом, — пояснил Мейсон, — открыто заявите, что вы лично обязаны этому священнику, что в прошлом, в ранней молодости, вы совершили некоторые ошибки. Другими словами, бейте их наповал, встаньте во весь рост и будьте довольны жизнью.

Бэнкрофт побледнел и отрицательно покачал головой.

— Я не могу этого сделать, мистер Мейсон. Это просто убьет мою жену и поставит Розену в абсолютно невыносимое положение.

— Ну что ж, тогда приготовьтесь платить, платить и платить.

— Я предвидел это, — кивнув головой, сказал Бэнкрофт.

— Если, конечно, — продолжал Мейсон, — вы не пожелаете предоставить мне полную свободу действий.

— Я согласен на это. Именно поэтому я здесь.

— Шантажисты порой уязвимы, — поучительным тоном заметил Мейсон. — Их можно направить в тюрьму по другому обвинению, и, если вы обратитесь в полицию, то безусловно получите от них помощь и...

— Нет, нет, нет. В полиции ничего не должны знать... Слишком много здесь сенсационно-скандального материала.

— Хорошо, но то, что я собираюсь сделать, обойдется вам недешево. Это будет дерзкий, хитрый и, надеюсь, достаточно разумный план, чтобы одурачить шантажистов.

— Что вы имеете в виду? — спросил Бэнкрофт.

— Обратите внимание на содержание этого письма. В нем говорится, что деньги нужно вложить в большую кофейную банку, плотно прикрытую крышкой. Упоминается и о десяти серебряных долларах. А что это может означать?

— Именно этого я никак не могу понять.

— По-моему, — продолжал Мейсон, — банку надо будет бросить в воду. Десять серебряных долларов будут своего рода балластом и будут держать ее в вертикальном положении. Все это позволит шантажистам остаться в тени и незаметно выпловить банку.

— Что ж, вполне логичное предположение, — ответил Бэнкрофт после минутного размышления.

— Вы живете у озера. Ваша падчерица, наверняка, занимается водными лыжами.

Бэнкрофт утвердительно кивнул головой.

— Надо будет воспользоваться этой возможностью. Один мой знакомый, опытный детектив, будет в бинокль наблюдать за вашей падчерицей. Как только она кинет в воду банку, кто-нибудь из моих помощников, который будет в это время либо кататься на лодке, либо ловить рыбу на озере, найдет ее, откроет и затем все дело изложит в полиции.

— Что! — воскликнул Бэнкрофт, вскочив на ноги. — Именно этого нельзя допустить. Это...

— Минутку, — прервал его Мейсон. — Взгляните еще раз внимательно на ситуацию. В письме нет указания на то, кому оно послано. Если человек, нашедший банку с деньгами, сможет разыграть из себя невинного рыболова, который случайно нашел все это, и передаст ее в полицию, то дело будет предано огласке, шантажисты впадут в панику и попытаются найти другой путь, чтобы начать все сначала. Они займут оборонительные позиции и не смогут утверждать, что их жертва их же и предала. Они будут считать, что судьба сыграла с ними злую шутку. Деньги в руках полиции

будут в полной безопасности, а вымогателям придется на время замолчать.

— Они вновь нанесут удар, — сказал Бэнкрофт. — Они опубликуют всю известную им информацию обо мне...

— И убьют гуся, несущего золотые яйца? — язвительно возразил Мейсон. — Вряд ли.

Бэнкрофт задумался.

— Что ж, можно рискнуть, — сказал он.

— Нельзя жить, не идя на риск, — вставил Мейсон. — Если вам нужен юрист, не идущий на риск, ищите кого-нибудь другого. Это оправданный риск, хорошая игра.

— Хорошо, — вздохнул Бэнкрофт. — Все в ваших руках.

— А теперь, — продолжал Мейсон, — я собираюсь с вашего разрешения кое-что сделать.

— Что именно?

— Из текста видно, что в деле занято несколько человек. Если удастся, я попытаюсь разбить эту комбинацию.

— Как?

— Именно об этом я сейчас и думаю. Надо все хорошенько продумать. Трудность в том, что шантажист всегда заставляет нас обороняться. Это он делает очередной ход. Это он указывает вам, что делать, где необходимо внести деньги, когда вы должны это сделать и как. Вы возмущены, вы злитесь, но в конце концов сдаетесь.

Бэнкрофт в согласии кивнул головой.

— При такой ситуации возможны четыре выхода, — сказал Мейсон и, загибая пальцы, стал считать.

— Во-первых, вы платите шантажисту, надеясь, что избавляетесь от него навсегда. Это все равно, что искать мираж в пустыне. Вымогатель, конечно, в покое вас не оставит.

Во-вторых, вы обращаетесь в полицию, там все рассказываете, устраиваете ловушку для шантажиста и сажаете его в тюрьму. Полиция же держит ваше признание в тайне.

Бэнкрофт решительно покачал головой.

— В-третьих, — продолжал Мейсон, — вы вынуждаете вашего противника перейти к обороне. В таком положении он не в состоянии нападать на вас и указывать вам, что делать, когда и как. Вы заставляете его нервничать. Так что, если я буду заниматься этим делом и если вам нельзя обратиться в полицию, я попытаюсь воспользоваться этим третьим способом.

— А разве это не опасно? — спросил Бэнкрофт.

— Конечно, опасно, — согласился Мейсон, — но, если вы не захотите рисковать, вам не удастся выпутаться из этого дела.

— Ну а четвертый способ? — спросил Бэнкрофт.

— Четвертый способ, — ответил Мейсон, ехидно улыбнувшись, — убийство шантажиста. Время от времени это делают, иногда даже весьма успешно. Однако я бы не рекомендовал вам этого.

— Все в ваших руках, — после некоторого раздумья промолвил Бэнкрофт. — Вам придется воспользоваться третьим способом. А для начала мы заплатим. Это даст нам какое-то время.

— Это единственное, что вы выигрываете посредством платы, — сказал Мейсон. — Время.

— Какая сумма вам понадобится? — спросил Бэнкрофт.

— Для начала, — ответил Мейсон, — десять тысяч долларов. Я хочу нанять сыскное агентство Поля Дрейка, а также воспользоваться услугами оперативных работников. Я хочу выяснить, кто эти шантажисты, а когда я это узнаю, попытаюсь подкинуть им столько работы, что они будут заняты только своими проблемами. У них не будет времени ни на вас, ни на вашу падчерицу.

— Это звучит прекрасно, — сказал Бэнкрофт, — если, конечно, вам удастся сделать это.

— Я знаю, это сложно. Но это единственный способ, если вы, правда, не разрешите мне пойти в полицию и рассказать там всю эту историю.

Бэнкрофт отрицательно покачал головой.

— Я слишком известен.

— Ну и пусть. Объявите об этом во всеуслышание. Выйдите и все расскажите. Покажите, что реабилитация имени вполне возможна.

— Только не сейчас, не сейчас. Последствия будут губительны для Розены. Жена мне этого никогда не простит.

Бэнкрофт вынул чековую книжку и выписал чек на десять тысяч долларов.

— Это предварительный гонорар.

— Частично для покрытия первоначальных расходов, — сказал Мейсон.

Адвокат выдвинул ящик стола, взял оттуда маленький фотоаппарат, приделал к объективу удлинитель, положил письмо на стол, установил аппарат на треножник и, сделав три фотоснимка с разной выдержкой, сказал:

— Этого должно быть достаточно.

Он сложил письмо и вернул его Бэнкрофту.

— Вы даже не представляете, — заметил Бэнкрофт, — какой груз сняли с моих плеч, Мейсон.

— Это еще не все, — произнес Мейсон. — И прежде чем я все сделаю, вы еще, возможно, будете меня проклинать.

— Никогда! Я слишком много слышал о вас, о вашей репутации и ваших успехах. Ваши методы блестящи и необычны, но вполне оправдывают себя.

— Я сделаю все возможное, — сказал Мейсон, — но это пока единственное, что я могу вам обещать. Это письмо вы положите на место, чтобы ваша падчерица смогла найти его после возвращения домой.

II

Поль Дрейк внимательно изучил копию письма шантажистов, которую Делла Стрит отпечатаала на машинке.

— Ну что скажешь? — спросил Мейсон.

— Кому оно послано?

— Розене Эндрюс, падчерице Харлоу Биссинджера Бэнкрофта.

Дрейк присвистнул.

— А теперь, — сказал Мейсон, — взгляни на письмо еще раз. Обрати внимание на то, что деньги и серебряные доллары должны быть вложены в плотно закрытую, красную кофейную банку.

— Ну и что?

— Дело в том, — продолжал Мейсон, — что доставка денег произойдет водным путем. Банку надо будет бросить в воду. В конце концов, для шантажистов — это лучший способ.

Бэнкрофты в настоящее время живут на озере Мертисито. Розена Эндрюс, падчерица Бэнкрофта, любит водные лыжи.

Я думаю, ей позвонят по телефону и прикажут покататься по озеру на водных лыжах с банкой под мышкой, бросить эту банку в определенном месте озера, убедившись, что вокруг нет никого.

— А затем? — спросил Дрейк.

— После того как Розена исчезнет из виду, лодка шантажистов устремится к тому месту. Они выловят кофейную банку, возьмут оттуда письмо и деньги, бросят в воду открытую банку, чтобы она затонула, а затем как ни в чем не бывало поплывут своим путем.

— Значит... — вставил Дрейк.

— Необходимо действовать быстро, — продолжил Мейсон. — Мне хотелось бы, чтобы ты нашел несколько женщин-оперативниц, которые бы неплохо выглядели в купальных костюмах. Если сможешь, найди какую-нибудь начинающую кинозвезду, жаждущую рекламы в газетах. Одень девушек в самые короткие купальники, допустимые законом, и возьми самую быструю лодку. Прихвати бинокль и начинай.

— Что я должен делать?

— Отправляйся на озеро и заставь девушек дурачиться, — стал объяснять Мейсон. — Пусть они прыгают в воду, плещутся, борются, принимают солнечные ванны. Катайтесь на лодке и, если в озере есть рыба, занимайтесь ловлей. Временами пускайте лодку на полную скорость. И все время держитесь невдалеке от берега и следите за виллой Бэнкрофтов.

Сегодня днем или завтра вы увидите, как Розена Эндрюс встает на лыжи и...

— Как я ее узнаю?

— Если это будет именно она, то у нее под мышкой будет красная кофейная банка. Ее лодка отойдет от дачи Бэнкрофтов на озеро.

Розена будет либо скользить на лыжах, либо просто кататься в лодке. Твоя же лодка должна быть близ берега. Ты будешь следить за нею, пока она не бросит эту кофейную банку. Как только она делает это, ты помчишься в лодке на полной скорости — но не прямо к самой банке, а в сторону волн, поднятых лодкой Розены.

И вот здесь, Поль, самое важное. Я хочу, чтобы у тебя была точно такая же кофейная банка. Вы должны с помощью сачка выловить банку, брошенную Розеной, и взамен ее бросить в воду свою, пустую. Все это должно быть сделано необычайно быстро. Тем, кто, может быть, будет следить за вами, должно показаться, что вы просто близко подошли к плавающей банке, но не обратили на нее никакого внимания.

— Это не так-то легко, — заметил Дрейк.

— Потребуется тщательная координация действий, но сделать это вполне возможно.

Затем, на большой скорости, вы будете носиться по озеру, делать круги и восьмерки, поднимать большие волны. Девушки, если они достаточно опытны, пусть катаются на лыжах. Банка будет то всплывать на гребне волны, то погружаться в воду. Следящий за ней не сможет сказать точно, что происходит.

— А что мне делать после того, как мы выловим эту банку?

— Позвонить мне.

— А где вы будете?

— Я буду с Деллой на веранде дачи Мелтона Эллиота. Это один из особняков на озере. В свое время Эллиот обращался ко мне за помощью. Он будет рад оказать мне услугу.

После того как бросите в воду другую банку, быстро отправляйтесь к берегу и оттуда следите за ней. К ней подплывает лодка, так вот я хочу, чтобы вы запомнили номер этой лодки, внешность сидящих в ней людей и куда они дальше поплывут. Сделать это нужно незаметно.

— Хорошо, — сказал Дрейк. — Сделаю все, что в моих силах.

— Приступай к делу. Садись в машину, бери девушек и отправляйся на озеро. У тебя немного времени. Все, вполне возможно, произойдет сегодня днем.

— Тогда я пошел, — сказал Дрейк и вышел из кабинета.

Мейсон повернулся к Делле.

— Делла, позвоните Мелтону Эллиоту и попросите его предоставить нам сегодня днем его дом на озере Мертисито. Потом возьмите эту пленку и попросите Гёрти отвезти ее Фрэнку Стэнтеру Далтону, эксперту по почеркам. Попросите его проявить ее, сделать увеличенные снимки письма шантажистов, определить модель использованной печатной машинки, а затем купите мне какую-нибудь подержанную машинку этой же марки.

Затем получите в банке три тысячи долларов в десяти- и двадцатидолларовых купюрах, — сказал он, вынимая чековую книжку.

После некоторого раздумья добавил: — Вам, Делла, пожалуй, стоит взять купальник. Сегодня жарко, и, возможно, вам удастся искупаться.

III

Роскошная резиденция Мелтона Вараса Эллиота находилась на другой стороне озера, как раз напротив виллы Харлоу Бэнкрофта, только несколько к югу.

Мейсон и Делла Стрит сидели в тени веранды. Адвокат смотрел в бинокль.

На озере почти никого не было. Временами в том или ином его конце появлялся катер, за которым следовал лыжник, делавший круги или причудливые зигзаги. Ласковый северный бриз подымал небольшие волны, которые еще больше украшали картину. Дворецкий, которому Мелтон Эллиот по телефону приказал выполнять все пожелания гостей, принес прохладительные напитки, а затем все время держался поблизости, чтобы немедленно появиться в нужный момент.

— Интересно, — проговорила Делла, повернувшись в южном направлении озера, — это, случайно, не Поль Дрейк с компанией?

Мейсон направил бинокль в указанную сторону. Его лицо постепенно расплылось в улыбке.

— Взгляните, — сказал он, протягивая бинокль Делле Стрит.

— О боже! — воскликнула она и вернула бинокль Мейсону. — Мне кажется, эта сцена понравится вам больше, чем мне, — добавила она сухо.

Мейсон посмотрел на катер и увидел в нем три женские фигуры в очень откровенных купальных костюмах.

— Похоже, у руля, в темных очках — Поль Дрейк.

— И ему платят за это! — ехидно заметила Делла. — Немалые деньги, да еще покрывают все расходы!

— Без сомнения, — усмехнулся Мейсон, — я выбрал не ту профессию.

Лодка Дрейка увеличила скорость, устремилась вперед, прошла близ дома Эллиота, а затем сделала резкий поворот.

Полуголые девицы завизжали. Две из них из-за боязни упасть вцепились в Дрейка.

— Он, кажется, еще и скалит зубы? — проворчала Делла.

— Мне не видно его лица. Слишком много женщин.

Лодка Дрейка резко замедлила ход. Одна из девушек достала водные лыжи, встала на них и подняла руку. Дрейк стремительно увеличил скорость. Молодая красавица, изящно скользя по поверхности, проделала ряд круговых движений, пересекая волны, поднятые лодкой.

— Не увлекайтесь так сильно Полем и его компанией, — напонила Делла. — Забываете о доме Бэнкрофта, а от него, как мне кажется, только что отошла лодка.

Мейсон повернул бинокль в другую сторону.

— Действительно. В лодке только один человек. Думаю, вскоре появится и лыжник. Ведь, по правилам требуется, чтобы в лодке было два человека: один — за рулем, а другой следит за лыжником, но второго я что-то не вижу. Похоже, Розена все хочет проделать сама.

Продолжая изучение озера, Мейсон задумчиво сказал:

— Вон там, рыбацкая лодка. Сама она на якоре, а рыбак ловит на удочку. Ближе к южной части озера тоже несколько лодок. Больше никого поблизости нет.

— Вы случайно не видите, есть ли у нее красная банка? — спросила Делла Стрит.

Мейсон отрицательно покачал головой.

Лодка Дрейка увеличила скорость и сделала еще несколько кругов.

— Минутку, — промолвил Мейсон. — Кажется, она что-то выбросила за борт, что-то красное... Не могу хорошенько разглядеть. Слишком много волн. Похоже, Дрейк тоже заметил это.

Лыжник несясь по прямой, сразу же за лодкой, а Дрейк все увеличивал и увеличивал скорость, быстро сокращая расстояние между собой и лодкой, отошедшей от причала Бэнкрофтов.

— Он прямо направляется к тому месту, где упала кофейная банка, если... О, там что-то произошло.

Молодая девушка, скользившая на лыжах позади лодки Дрейка, попыталась сделать поворот, попала на волну и кувырком упала в воду.

Дрейк быстро сбавил скорость и стал делать круги.

— Черт побери! — воскликнул Мейсон.

Глядя в бинокль, он увидел, как лодка пришла на помощь лыжнице, как девушка ухватилась за брошенный ей канат, как после ее сигнала рукой Дрейк стал увеличивать скорость и как наконец девушка выпрямилась.

Дрейк сделал еще несколько кругов.

— Рыбацкая лодка, кажется, — заметила в этот момент Делла, — снимается с якоря.

— Да, действительно так, — согласился Мейсон, — и направляется в сторону волн, поднятых лодкой Бэнкрофтов. Впрочем, нет. Она делает большой круг. Дрейк стремительно проносится перед самым ее носом. Брызги, поднятые лыжницей, окатили рыбака. Клянусь, он ужасно рассержен.

— Или раздражен, — вставила Делла.

Дрейк сделал на лодке еще несколько кругов, а затем после сигнала лыжницы сбавил скорость. Девушка упала в воду и изящно поплыла к лодке.

Вторая красавица, вставшая на лыжи, не была так опытна и минут через пять вернулась в лодку. Дрейк втащил все лыжные принадлежности, сделал еще один широкий круг и направился к общественному пляжу, в южную часть озера.

Рыбачья лодка медленно поплыла дальше и повернула к затемненному берегу. Там рыбак снова закинул удочку.

Лодка Бэнкрофтов вернулась назад.

Ветер несколько посвежел. Мейсон в бинокль оглядел все озеро, на котором почти никого не было.

— Ну как, видно какую-нибудь красную банку? — спросила Делла.

Мейсон отрицательно покачал головой.

— Один раз мне показалось, что да. Я заметил что-то красное, какую-то красную точку на гребне волны. Но сейчас я ничего не вижу. Дрейк возвращается. Очевидно, он закончил свое дело. Либо сделал все, либо ничего.

— Могу поспорить, что ему ужасно не хочется расставаться с этими красотками в купальниках, — усмехнулась Делла Стрит. — Это явно в его духе.

— Он позвонит, — прервал ее Мейсон, — и даст нам знать, что же все-таки произошло.

Дворецкий внес поднос с прохладительными напитками.

Ветер резко прекратился. Поверхность озера стала спокойной. Казалось, оно погрузилось в сон, в дневное оцепенение.

Дворецкий Эллиотов, сгоравший от любопытства и тщательно скрывавший это, поинтересовался, не нужно ли принести им что-нибудь еще.

— Нет, спасибо, — сказал Мейсон. — Думаю, мы уже все закончили.

— Не желаете ли пройти в зал? Там хорошие кондиционеры и очень удобно.

— Нет, спасибо. Мы здесь подождем.

— Но днем на веранде с этой стороны озера порой бывает очень жарко. Там, за углом, гораздо больше тени.

— Нет, спасибо. Нам здесь очень удобно.

— Хорошо. Очень хорошо, сэр.

Дворецкий ушел.

Минут через двадцать зазвонил телефон.

— Вас, сэр, — сказал дворецкий, обращаясь к Мейсону.

Мейсон взял трубку. Звонил Поль Дрейк.

— Перри, это ты?

— Да.

— Она у меня в руках.

— Все в порядке?

— Да.

— Кто-нибудь видел вас?

— Не думаю.

— Что было в красной банке? — спросил Мейсон.

— Письмо, полторы тысячи долларов и десять серебряных монет.

— Прекрасно. Жди меня и ничего не делай до моего приезда.

Мейсон повесил трубку и кивнул головой Делле. Они поблагодарили дворецкого, покинули дачу Эллиотов и по южному берегу озера поехали на лодочную станцию, где их встретил Поль Дрейк.

— Теперь тебе осталось сделать немного, Поль, — сказал Мейсон.

— Что именно?

— Ты нашел начинающую кинозвезду?

— Да. Она просто сногшибательна.

— И жаждет рекламы?

— Да, она все отдаст ради нее. Для нее это вопрос жизни и смерти.

— Прекрасно.

Мейсон вынул из багажника автомобиля портативную пишущую машинку и поставил ее себе на колени.

— А теперь посмотрим на содержимое банки, Поль.

Дрейк достал красную кофейную банку, на дне которой лежали десять серебряных долларов, а поверх них — полторы тысячи бумажных долларов и письмо шантажистов. Адвокат взял письмо, вставил его в машинку, забил слова «полторы тысячи» и над ними напечатал — «три тысячи». Затем вытащил из чемоданчика полторы тысячи долларов в десяти- и двадцатидолларовых купюрах, добавил их к деньгам в банке и вернул ее обратно Дрейку.

— Надеюсь, лодку ты взял под чужим именем?

— Я сделал даже лучше, — заметил Дрейк. — Я вообще не брал лодки напрокат, а позаимствовал ее у своего друга. Нам пришлось заплатить только один доллар за пользование причалом.

— Прекрасно. Вот эту банку с письмом отдашь своей кинозвезде. Пусть она пойдет на пляж, на спасательную станцию и скажет там, что во время прогулки на лыжах нашла и подняла эту банку, так как посчитала, что она мешает плавать. Она сняла крышку, заглянула в банку и обнаружила в ней много денег, а затем увидела это письмо.

Если на станции не позвонят шерифу, пусть твоя красотка сама это сделает. Кстати, как ее зовут?

— Ева Эймори.

— На нее можно положиться?

— Дайте ей рекламу и можете полностью на нее рассчитывать. Реклама — вот что ей нужно. Она прикатила на собственном автомобиле, так что во всех остальных отношениях она человек совершенно независимый.

— Хорошо. Она получит просто прекрасную рекламу.

— Я в этом абсолютно уверен, однако при такой трактовке дела, газеты могут расписать его как трюк какого-нибудь журналиста.

— Пусть она делает все так, как я сказал, а деньги для нее — полная гарантия.

— Что же она должна сделать? — спросил Дрейк.

— Обратиться в полицию.

— И все рассказать?

— Да.

— Это может нанести только вред. Эта девушка...

— Именно, — прервал его Мейсон. — Она жаждет рекламы, она ходит по краю пропасти, но то обстоятельство, что она передаст полиции три тысячи долларов, явится свидетельством ее честности, указанием на то, что это отнюдь не рекламный трюк. Ни одна кинозвезда, будучи в ее положении, не отдаст три тысячи долларов только ради того, чтобы ее фотография красовалась в газетах.

— Ну что ж. Вам виднее.

— Теперь о ее «легенде». Она одевается, идет на станцию и рассказывает все так, как я сказал. Она должна заявить, что не знает фамилий тех, с кем была в лодке, что там она была с другом, но ей не хотелось бы, чтобы имя его было замешано в этом деле. Девушки, бывшие с ней, собираются стать киноактрисами, и, так как они хотели покататься на лыжах, она показала им несколько трюков.

— Все ясно. В общем, она должна так сыграть, чтобы подумали, что она была с пожилым поклонником, которому не хотелось бы испортить своей репутации.

— Пойдет она на это?

— Она на все пойдет, лишь бы ее фотография в бикини появилась в газетах.

— Насколько мне известны газетчики, — заметил Мейсон, — они захотят, чтобы она была снята именно в нем.

— Вы так думаете?

— Уверен. Кстати, Поль, а что произошло с другой банкой?

— Черт ее знает.

— На озере удил какой-то человек, и он сел за весла как раз в тот момент, когда от дома Бэнкрофтов отошла лодка.

— Я это знаю, — сказал Дрейк, — но уверяю, что он не доплыл до того места, где была брошена банка.

— Что же с ней тогда произошло?

— Она исчезла.

— Что?

— Она исчезла, — вновь повторил Дрейк.

— Что ты имеешь в виду?

— Некоторое время она была на плаву. Я ее видел даже без бинокля. Затем, когда я втащил в лодку все принадлежности для катания на лыжах, я посмотрел в ее сторону и не обнаружил ее.

— Поблизости была какая-нибудь лодка?

- Нет. Банка просто исчезла.
- Ты думаешь, она потонула? — спросил Мейсон.
- Вполне возможно.
- Ты что, не плотно закрыл крышку?
- Боюсь, Перри, что именно в этом причина. Нам пришлось делать замену чересчур быстро.
- Очень плохо, — заметил Мейсон.
- К сожалению, такое случается и ничего не поделаешь.
- И что же, никакая другая лодка не пыталась подплыть к ней?
- Дрейк отрицательно покачал головой.
- Нет. На озере было несколько лодок, лыжников, ловил рыбу упомянутый вами человек, но поблизости никого не было.
- Ничего не понимаю. Конечно, шантажисты могли распознать в тебе детектива и просто побоялись взять банку, пока ты был поблизости.
- Не думаю. На мне было кепи и солнечные очки, да и в лодке я сидел, довольно низко наклонившись вперед.
- И плотно окруженный красотками, — вставил Мейсон.
- Хорошо, — усмехнулся Дрейк, — а что бы вы сделали?
- Ну ладно, Поль, — хмыкнул Мейсон. — Убери свою лодку. Пусть наша звезда оденется и пойдет на спасательную станцию... Ты, кажется, говорил, что у нее своя машина?
- Да. Она поставила машину на стоянке и присоединилась к нам на пристани. Необходимо сделать еще два-три платежа и на этом все.
- Хорошо. Теперь мне нужны имена всех тех, кто брал напрокат лодки сегодня днем. Ты также должен поручить кому-нибудь узнать номера всех лодок, которые были привезены на частных автомобилях.
- Такой человек у меня есть. Он уже записал номера всех машин и прицепов, а также номера лодок.
- Прекрасно. Отправь его домой, чтобы полиция не напала на его след.
- А деньги останутся в полиции?
- Вплоть до последнего цента.
- Вполне возможно, что кто-нибудь даст Еве Эймори вознаграждение. Я скажу ей о такой возможности, — добавил Дрейк.
- Да, и скажи, чтобы у нее под рукой постоянно были бикини-купальник, — заметил Мейсон. — Это единственное, что ей нужно.

IV

Перри Мейсон вошел в контору в половине десятого утра.

- Привет, Делла. Что новенького?
- В приемной вас ожидает очень раздраженный клиент.
- Харлоу Биссинджер Бэнкрофт?

Она кивнула головой.

— Ну что ж, пусть войдет, — ухмыльнувшись сказал Мейсон.

Вскоре Делла Стрит возвратилась с Бэнкрофтом.

— Мейсон, — воскликнул Бэнкрофт, — черт побери, что это значит?

— Что? — спросил Мейсон.

Бэнкрофт резким движением швырнул на стол утреннюю газету. На первой странице ее красовалась фотография девушки в мини-купальнике. Крупными буквами были напечатаны слова: «Купающаяся красавица находит целое состояние».

— Ну что ж, неплохо, неплохо, — отметил Мейсон.

— Черт побери, — прокричал Бэнкрофт. — Я надеялся на ваше благоразумие. Как вам пришла мысль довести сумму до трех тысяч? А эта полуобнаженная девица? А публикация письма шантажистов? Это дело следовало вести в полной тайне.

— Ну успокойтесь. Что вам известно?

— Мне? А что вам известно? Вам следовало вести дело осторожно.

— Ваша падчерица бросила в воду банку вместе с письмом? — прервал его Мейсон.

— Думаю, что да, я не спрашивал ее. Она, видимо, не доверяет мне, поэтому я не задавал ей никаких вопросов. Но появление письма в прессе и повышение суммы до трех тысяч! Это черт знает что такое!

Мейсон усмехнулся.

— Зато у Евы Эймори, наверное, блестящая реклама.

— Смотря, что понимать под этим словом, — проворчал Бэнкрофт. — На фотографиях она почти что голая. Видимо, сперва она появилась на страницах какого-нибудь бульварного журнала.

— Она отнюдь не голая, — возразил Мейсон, читая в задумчивости газетную статью. — Ну и о чем вы думаете? — произнес он наконец.

— О чем я думаю? — воскликнул Бэнкрофт. — Я думаю о предательстве. Я доверился вам и надеялся, что некоторые стороны этого дела будут сохранены в полной тайне.

— А разве не так?

— Да? — Бэнкрофт ударил кулаком по столу. — А сколько миллионов читателей видели вот это! Говорят, это сообщение передавали по радио и опубликовали во многих газетах по всей стране.

— Ну не придумывайте.

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Садитесь, Бэнкрофт, и успокойтесь.

Бэнкрофт медленно сел, с подозрением глядя на адвоката.

— Во-первых, гласность — это то, чего вы хотели избежать.

— Рад, что вы напомнили мне это, — с сарказмом заметил миллионер.

— Во-вторых, — продолжал Мейсон, — гласность — это то, чего стремится избежать шантажист. Он может работать только тайно, исподтишка.

И, наконец, видно, что жертва шантажа не пошла в полицию. Она все сделала согласно полученным инструкциям: положила деньги в банку, которую бросила в воду в назначенное время и в назначенном месте. Таким образом, у шантажиста не должно возникнуть и тени подозрения в вероломстве его жертвы.

— Не могу понять, — заметил Бэнкрофт, — как сумма была удвоена? Когда я прочитал письмо, в нем говорилось о полутора тысячах долларов. Вы его тоже видели и даже сфотографировали. Спрашивается теперь, как удалось шантажисту увеличить требование до трех тысяч долларов?

— Я сделал это.

— Вы?

— Да, я увеличил сумму до трех тысяч.

— Но моя падчерица сняла со счета в банке только полторы тысячи долларов, и именно столько она должна была положить в банку. Согласно же сообщению управления полиции, в ней оказалось три тысячи долларов вместе с этим письмом и десятью серебряными монетами.

Мейсон усмехнулся.

Бэнкрофт хотел добавить что-то еще, но, взглянув на адвоката, замолчал. Выражение его лица неожиданно изменилось.

— О боже! — воскликнул он, как будто какая-то мысль только сейчас пришла ему в голову.

— Вот именно. Рад, что вы догадались, — сказал Мейсон. — Письмо было отпечатано на портативной машинке марки «Мопарх». Я достал точно такую же машинку, забил требование «полторы тысячи долларов» и вместо этой суммы поставил «три тысячи». Затем мы положили в банку еще полторы тысячи долларов, так что всего стало три.

— Вы добавили полторы тысячи долларов?

— Да, из ваших денег, — сказал Мейсон, продолжая усмехаться. — Вот почему я говорил вам, что расходы будут большими.

— Но зачем вы это сделали? Вы полагаете...?

— Я думаю, что в этом деле замешано по крайней мере двое. Если вы заметили, в письме говорится: «мы». Конечно, это могло быть сделано просто для отвода глаз, но мне почему-то кажется, что это не так.

Теперь предположим, что вы входите в тайный сговор, и у вас есть напарник. Вы доверяете ему получить полторы тысячи долларов согласно сумме, указанной вами в письме. Операция проваливается, и деньги оказываются в полиции. И вдруг выясняется, что сумма была увеличена до трех тысяч. Не кажется ли вам, что вы, вполне естественно, подумаете, что ваш напарник обманул вас

и, в надежде получить лишние полторы тысячи долларов, увеличил требование? И, придя к такому заключению, поверите ли вы ему, если он будет все отрицать?

Я полагаю, мы можем прийти к заключению, что публикацией этого письма мы вынудили шантажистов перейти от наступления к обороне, что увеличением суммы до трех тысяч мы посеяли между ними зерна возможного раздора.

— Черт побери, как это мне не пришло в голову!

— Более того, — продолжал Мейсон, — я думаю, мы выйдем таким образом на самих шантажистов. А как только это произойдет, я постараюсь им еще что-нибудь подкинуть.

— Что именно?

— Ну что-нибудь интересное, чтобы дать им работку. В таких делах следует помнить, что пока шантажисты живут за счет чужих тайн, у них самих должно быть очень много тайн. Если они не новички, значит, они всю жизнь живут за счет преступного вымогательства, значит, за ними тоже остались кое-какие следы, значит, они сами опасаются, как бы полиция не напала на их след.

Бэнкрофт медленно поднялся.

— Мейсон, — сказал он. — Я должен просить у вас прощения. Ведите свою игру, продолжайте в таком же духе. Звоните мне, как только что-нибудь понадобится.

— Я предупреждал вас, что игра будет необычной.

— Да, вы говорили мне, но только сейчас я понял это... Вам еще нужны деньги?

— Пока нет. В нужное время я получу деньги в полиции.

— Как?

— Когда я посылал секретаря в банк, — объяснил Мейсон, — я дал ей чек на три тысячи долларов и попросил получить их в десяти- и двадцатидолларовых купюрах. Полторы тысячи долларов я положил в сейф, а остальные в банку. В нужное время я заявлю в полиции, что деньги, вложенные в банку, были приманкой для шантажистов и в качестве доказательства покажу оплаченный чек и заявление от банкира, что сумма была выплачена десяти- и двадцатидолларовыми купюрами.

Бэнкрофт на некоторое время задумался, затем кивнул головой и рассмеялся. Он пошел к выходу, повернулся и сказал:

— Мейсон, когда я ехал в контору, я сгорал от гнева. Теперь же я спокоен.

— Еще рано успокаиваться. Вы еще в опасности, но в случае чего мы откроем заградительный огонь, и шантажистам придется спасаться.

— Я уверен в этом, — ответил Бэнкрофт.

Когда дверь за ним закрылась, Мейсон взял газету и с кривой усмешкой взглянул на снимок Евы Эймори.

— На последней странице много ее фотографий, — сказала Делла Стрит. — Она снята и на пляже, и на лыжах, и во время падения в воду. На снимке даже видна красная кофейная банка. Шеф, а что будет с ней?

— Возможно, ей удастся получить очень хороший контракт.

— Но она в опасности!

— Конечно, но как ее адвокат, я позабочусь о ее безопасности. Думаю, вскоре ей по телефону будут угрожать неизвестные лица.

V

В десять тридцать в конторе Мейсона появился Поль Дрейк.

— Ну как, — спросил он, подсев к столу адвоката, — получилась ваша реклама?

— Не моя, а Евы Эймори, — поправил его Мейсон.

— Пусть так, — продолжал Дрейк. — Газеты, как вы и предполагали, стали копаться в этом деле. Сперва выдвигалась мысль, что все это проделано ради рекламы, но три тысячи — это такая сумма, что не смог устоять ни один журналист. В конечном счете, все клюнуло на нашу удочку.

Мейсон с одобрением кивнул головой.

— Как Ева?

— О, она на седьмом небе. Ей предложили выступить по телевидению в одной из передач последних новостей.

— А что заявляет полиция?

— Там провели осмотр найденных документов, и их эксперт пришел к заключению, что письмо было напечатано на портативной машинке «Монарх».

Мейсон криво усмехнулся.

— Кстати, — заметил Поль, — так как сейчас нет никаких других подробностей, газеты поручили своим самым опытным и энергичным репортерам найти человека, которого шантажируют. Они полагают, что жертва проживает где-то на берегу озера Мертисито, на одной из богатых дач. Предполагают также, что кофейная банка с деньгами была подготовлена в соответствии с письмом, а затем после телефонных инструкций была брошена в озеро, где ее случайно и подхватила Ева Эймори.

— Совсем неплохо, — заметил Мейсон.

— Не стоит успокаиваться. Эти журналисты чертовски опытные и могут докопаться до самой сути дела.

— Какова бы она ни была...

— Я, конечно, не знаю подробностей, да вы мне и не рассказывали о них. Мое дело — предупредить вас.

— Хорошо. Я это учту.

— Газетчики, — продолжал Дрейк, — прочесывают пристань, пытаясь узнать, кто вчера брал напрокат лодки. К счастью, сторож

записывает только взимаемые суммы, а не номера лодок, поэтому, я полагаю, мы единственные, у кого полный список.

— Неужели?

— Думаю, да. Мой сотрудник записал номера всех лодок, бывших на озере.

— А удалось выяснить, что за человек удил рыбу?

— Вот здесь-то самое интересное. Эту лодку взяли напрокат на полдня два человека.

— Два? — переспросил Мейсон.

— Вот именно.

— Но ведь в лодке был только один человек!

— Интересно и другое, — продолжал Дрейк. — Когда она вернулась, в ней снова было двое!

— Их имена?

— Как я уже сказал, сторож не записывает фамилий. Что же касается самой лодки, то, насколько он помнит, это была потрепанная развалюха с маломощным мотором.

— А что говорит ваш человек?

— У него есть только описание внешности этих двоих. Одному из них — лет двадцать с чем-то, другому — примерно сорок пять.

Мейсон нахмурил брови и задумался. Неожиданно он спросил:

— Эта красная банка исчезла, когда ты смотрел на нее?

— Да. Я только на миг отвел глаза, а когда снова взглянул, ее уже не было. Думаю, единственное объяснение в том, что она обо что-нибудь ударилась, в нее попала вода, и она затонула.

Мейсон отрицательно покачал головой.

— Нет. Мы просто имеем дело с людьми, которые умнее прочих.

— Не понимаю.

— Все ясно, — стал объяснять адвокат. — Двое мужчин взяли напрокат лодку. У одного из них, видимо, был акваланг. Когда они добрались до нужного места на озере, он его одел и соскользнул за борт. Жертве, как ты помнишь, было приказано бросить банку в определенное время, в определенном месте.

— Кстати, лодкой, отошедшей от виллы Бэнкрофтов, — добавил Дрейк, — управлял всего лишь один человек — молодая женщина. Бросив банку в воду, она сделала вокруг нее пару кругов.

— А в это время, — продолжил Мейсон, — пловец схватил бы эту банку снизу. Ясно, что поблизости не было никакой лодки. Даже если бы была предупреждена полиция, то ей не за что было бы ухватиться. Лишь мгновение банка была бы на плаву и сразу же исчезла.

— Черт побери, какой я идиот! — воскликнул Дрейк, когда до него дошел весь смысл сказанного.

— Но, — продолжал Мейсон, — неожиданно появился ты, стал валять дурака и носиться на лодке туда и сюда. Пловец побоялся

показываться, пока ты там. Затем твоя лыжница нырнула в воду, подменила банки и... Поль, это, случайно, сделала не Ева Эймори?

— Нет, одна из моих оперативниц. Она — великолепная лыжница. Конечно, Ева уверяет прессу, что именно она нашла банку. Все делается так, как вы просили.

Глаза адвоката сузились.

— В этой лодке с рыбаком — решение всей проблемы, Поль. Пловец подождал, пока ты уберешься, всплыл, схватил вашу банку, нырнул и под водой поплыл к берегу. Там он влез в лодку, снял ак-валанг, и они как ни в чем не бывало возвратились обратно.

— И к этому времени уже знали, что их обманули, — добавил Дрейк.

— Конечно, и были в ярости, полагая, что кто-то опередил их. Сегодня же утром из газет они узнали, что выловили не ту банку, в то время как их попала в руки Евы Эймори.

— А что будет потом? — спросил Дрейк.

— Потом один из них станет обвинять другого в жульничестве и, возможно, прольется чья-то кровь.

— Ну а потом?

— Потом нам придется играть вслепую. Главное — заставить их перейти к обороне.

— Хорошо, а что вы скажете о жертве? — спросил Дрейк. — Представляете, что она чувствует после газетных сообщений?

— Нетрудно догадаться, особенно после того, как она узнала, что в банке оказалось три тысячи долларов.

— Шантажисты ведь позвонят ей, и она скажет им, что положила в банку только полторы тысячи.

— И именно этим она убедит их в том, — подчеркнул Мейсон, — что кто-то надул их и приказал ей держать рот на замке.

— Да, представляю ее положение.

— Вот поэтому, Поль, у нее должна быть постоянная охрана. Только она об этом ничего не должна знать. Пускай за ней постоянно следят двое или даже трое человек. Установи также микрофон в ее автомашине.

— Думаю, не следует напоминать вам, — сказал Дрейк, — что вы ведете чрезвычайно опасную игру. Эти парни знают дело.

Гримаса исказила лицо Мейсона.

— Я тоже знаю свое дело, Поль.

VI

Вскоре после полудня в кабинет Мейсона вошла Делла Стрит и сказала:

— Вам опять придется пережить несколько неприятных минут.

— А в чем дело? — спросил адвокат.

— Пришла Розена Эндрюс. Она необычайно раздражена: рвет и мечет. Глаза прямо горят от ярости.

— Как вы думаете, почему она пришла?

— Она ничего не говорит, только заявляет, что должна видеть вас по чрезвычайно важному, сугубо личному делу.

— Ну что ж, ничего не поделаешь, Делла. Пусть войдет... Интересно, что это за женщина? Вдруг она выхватит из сумочки пистолет и начнет стрелять? Или же подойдет к столу и покажет когти?

— Она может сделать и то и другое. Она, по-моему, не считается ни с кем, если я правильно сужу о ее характере.

— Вы редко ошибаетесь. Что ж, пусть войдет.

Делла Стрит приоткрыла дверь, и в кабинет прошла раздраженная двадцатитрехлетняя молодая особа. Ее голубые глаза излучали гнев.

— Вы Перри Мейсон?

— Да.

— Я требую, чтобы вы не вмешивались в мои дела! Я еще не знаю, к кому обращусь за помощью. Наверное, в ассоциацию адвокатов или к кому-нибудь из администрации.

Мейсон в удивлении посмотрел на нее.

— Я вмешиваюсь в ваши дела?

— Да, и вы это прекрасно знаете.

— Может быть, вы присядете и все подробно расскажете?

— Я не собираюсь этого делать. Этой ужасной рекламы в утренних газетах вполне достаточно. Мне известно, что мой отчим звонил вам вчера по срочному делу. Нужно отдать вам должное за весь план.

— Весь план? — переспросил Мейсон.

— Вы прекрасно знаете, что я имею в виду. Выловить банку, подменить письмо и вложить лишние полторы тысячи долларов и... Ради бога, скажите, что вы собираетесь сделать, мистер Мейсон?

Адвокат улыбнулся и сказал:

— Но не сейчас, когда вы в таком настроении, мисс Эндрюс. Разговор произойдет только тогда, когда вы сможете взглянуть на дело совершенно спокойно.

— Но я желаю знать!

— Вы сейчас слишком возбуждены и не в состоянии внимательно слушать.

— Я имею право!

— Вы еще не объяснили мне, почему.

— Вы прекрасно знаете, почему. Это письмо было послано мне.

— Теперь давайте выясним, — спросил Мейсон, — письмо было точно адресовано вам?

— Вы прекрасно знаете, что да.

— Откуда я могу это знать?

— Возможно, от моего отчима, который все время сует нос в мои дела, нашел на моем столе письмо, прочитал его, а затем положил на место.

— А как вы узнали об этом?

— Я предусмотрительно пометила место, где лежало письмо. Мне просто хотелось знать, кто суется в мои дела.

— Должен ли я это понимать как отсутствие особой любви между вами и отчимом? — спросил адвокат.

— Ничего подобного. Я люблю его. Это внимательный, заботливый и беспокойный человек, который постоянно обо мне печется.

— Ну и что же мы сделали?

— Не знаю. Поставили меня в чертовски трудное положение. Я должна была передать шантажистам полторы тысячи долларов. Кто-то увеличил сумму до трех тысяч, кто-то в добавление к моим вложил еще полторы тысячи долларов. Вдобавок появляется некая кинозвезда в бикини. Ее фотография на первых страницах газет, деньги в полиции и... Откровенно говоря, слишком много придется платить.

— А что, от вас потребовали нового платежа?

— Нет еще, — ответила Розена, — но я чувствую, что это произойдет.

— Может быть, вы объясните мне, почему вы так уязвимы?

— Что вы имеете в виду?

— Почему шантажист выбрал именно вас?

— Я полагаю, мы все уязвимы. В сущности, у каждого есть своя тайна.

— А что за тайна у вас?

— Это не ваше дело. Я понимаю, что вы пытаетесь как-то оградить меня, но я здесь именно потому, мистер Перри Мейсон, что не нуждаюсь в вашем покровительстве. Я хочу сама вести свои дела.

— А мне бы хотелось, — заметил адвокат, — чтобы вы осознали, что, как только вы начнете игру с шантажистами, с вами будет покончено. Вы заплатите один раз, второй, третий, а затем будете платить до тех пор, пока у вас не выкачают все деньги.

— Никто не сможет обобрать меня до нитки. Просто я выигрываю время, вот и все.

— Время? Для чего?

— Для того, чтобы повести свою игру. Я сама веду свои дела и не нуждаюсь в вашей помощи.

— Вы, случайно, — в тревоге спросил Мейсон, — не пытаетесь кого-нибудь выгородить?

— Это не ваше дело. Я говорю вам с глазу на глаз — держитесь в стороне от этого дела и не мешайте мне.

— Как вы не понимаете, что шагаете по зыбучим пескам. Вы погружаетесь с каждым шагом все глубже и глубже...

— Я знаю, что делаю, мистер Мейсон. Я хочу выиграть время. Именно поэтому я заплатила полторы тысячи.

— Затем они выдвинут новые требования.

— К этому времени они сломают себе шею.

— А вы очень решительная женщина.

— И изобретательная, — с улыбкой добавила она. — Не забывайте этого.

Мейсон в задумчивости окинул ее взглядом.

— Может быть, вы все-таки скажете мне, что у вас на уме, мисс Эндрюс. Я могу вам дать совет, который поможет нам, если так можно сказать, объединить наши силы.

Она резко отрицательно покачала головой.

— Эта информация, о которой идет речь в письме, вам она известна?

— Да.

— Может, расскажете?

— Конечно же нет. Это мое и только мое личное дело.

— Вполне возможно, — сказал Мейсон, — из-за каких-то романтических или социальных причин вы полагаете, что сможете выиграть несколько дней или недель, а затем изменить ситуацию в лучшую для вас сторону.

— Может быть.

— Неужели вы думаете, что с течением времени что-нибудь изменится?

— Да.

— Люди, приславшие письмо, звонили вам по телефону?

— Думаю, это вполне естественно.

— Они как-нибудь выдали себя?

— Я не собираюсь обсуждать этого... Цель моего визита, мистер Мейсон, убедить вас не вмешиваться. Я не нуждаюсь в услугах адвоката. Я все делаю сама, у меня свои планы, я сама веду свои дела и не потерплю вмешательства. Поэтому прошу вас держаться в стороне от моих дел. Таково мое официальное заявление.

Произнеся эти слова, она резко повернулась и вышла из кабинета.

Мейсон обратился к Делле:

— Попытайтесь дозвониться до Бэнкрофта.

Несколько минут спустя секретарь сказала:

— Он на линии.

— Алло, Бэнкрофт, — произнес Мейсон. — У меня только что была ваша падчерица. Она прямо-таки горела от ярости.

— Интересно, откуда она узнала о вас?

— Очевидно, ей стало известно, что вы звонили мне вчера утром и назначили срочную встречу. Она также уверена, что вы прочитали полученное ею письмо, пока ее не было дома. Вы положили его не на то место, и она это заметила.

— Что же хочет Розена? — спросил Бэнкрофт.

— Она заявила мне, что ей не нужен адвокат, что она сама в состоянии позаботиться о себе, что у нее свои планы, и она не хочет, чтобы я вмешивался.

— Меня не волнует, что она сказала, — заявил Бэнкрофт. — Делайте свое дело. Она молода, энергична и самоуверенна, слишком самоуверенна. Она полагает, что может справиться с профессиональными шантажистами, но как она ошибается!

— Может быть, — заметил Мейсон, — поскольку она знает, что вы видели письмо и беспокоитесь о вас не меньше, чем вы о ней, вам следует с ней обо всем откровенно поговорить? Вы можете с ней спокойно все обсудить.

— Нет, она должна первой прийти ко мне, первой сломать стену недоверия между нами. А до тех пор, пока она не доверяет мне, я не буду вмешиваться, тем более, что письмо послано ей.

— Учитывая ее требования о невмешательстве в ее дела, я чувствую себя несколько связанным.

— Что вы имеете в виду?

— Я не могу выступать от ее имени.

— А вам не следует этого делать, — заметил Бэнкрофт. — Вы представляете меня. Я не хочу, чтобы в обществе стали известны кое-какие факты. Я должен этого добиться. Я имею полное право нанять вас как своего адвоката. Тем более, вы так опытные: заставили шантажистов отступить. Делайте свое дело... Кстати, вам нужны еще деньги?

— Пока что нет.

— Как только понадобятся, сразу же звоните. Но мне не хотелось бы, чтобы Розена оказалась в опасности.

— Хорошо. Мы сделаем все возможное.

— Допустим, шантажисты думают, что она обманула их?

— Вряд ли. Они скорее полагают, что кто-то из их же банды решил получить лишние полторы тысячи. Такова будет их первая реакция, ведь ваша падчерица делала все так, как они требовали. Далее, они уверены, что по ошибке выловили не ту банку, а вся эта реклама вообще заставит их изрядно понервничать.

— Тем не менее меня беспокоит безопасность Розены.

— У нее постоянная вооруженная охрана.

— И она знает об этом?

— Нет еще.

— А может узнать?

— Конечно.

— Тогда она может причинить вам массу беспокойства.

— К этому времени, — сказал ему Мейсон, — почти наверняка на первом плане будут другие события.

— Хорошо. Вам виднее. Однако мне хотелось бы, — продолжал Бэнкрофт, — чтобы вы знали, что Розена очень решительна и вооружена.

— Что?

— Она вооружена. По крайней мере, я так думаю. Либо Розена, либо Филлис, моя жена, в общем, кто-то из них взял мой револьвер 38-го калибра, который лежал в ящике туалетного столика.

— Вы в этом уверены?

— Всего несколько минут назад я решил, что неплохо иметь пистолет под рукой и заглянул в ящик. Там его не оказалось. Либо Розена, либо Филлис сделали это.

— Когда вы видели его? — спросил Мейсон.

— Он все время лежал там.

— Меня интересует, когда вы видели его в последний раз?

— Точно не знаю, примерно неделю назад.

— Где сейчас ваша жена?

— Все еще в городе. Делает приготовления к благотворительному балу.

— Лучше было бы, если бы вы с ней приехали сюда. Небольшой семейный разговор при таких обстоятельствах был бы не лишним.

— Я-то не против, — ответил Бэнкрофт. — Но в данном случае инициатива в их руках.

— Лучше бы вы сделали так, как я сказал, пока Розена не проявила своей собственной инициативы и не воспользовалась вашим пистолетом.

— О боже! Я не подумал об этом! — воскликнул Бэнкрофт.

— Ну что ж, подумайте, — сказал Мейсон и повесил трубку.

VII

В три часа дня Делла Стрит сказала:

— Похоже, вас сегодня целый день будут беспокоить разъяренные и встревоженные женщины.

— Кто же на сей раз? — спросил Мейсон.

— Наша кинозвезда — Ева Эймори. Она явно расстроена. Похоже, что она даже плакала.

— О черт! Пусть войдет.

— Через несколько минут у вас встреча с...

— Ничего, подождет. Девушка эта, возможно, в очень серьезном и затруднительном положении. Кстати, узнайте у Поля, приставил ли он к ней телохранителя и, если нет, пусть сделает это. Мы должны знать каждый ее шаг. И, если можете, в нескольких словах изложите мне свое мнение о ней.

— Она необычайно красива, — сказала Делла. — Обычно при встрече с такими женщинами невольно останавливаются.

— Так. Что еще?

— Не хочется злословить, — продолжала она, — но при внимательном взгляде в их поведении чувствуется какая-то неестественность.

— Что вы имеете в виду?

— Видите ли, у них нет индивидуальности. Все их манеры какие-то искусственные, как бы отрепетированные. Если они улыбаются, то улыбка у них несколько растянутая, как будто отработанная перед зеркалом. Все их движения какие-то неестественные, как будто это не люди, а манекены.

— Что ж, посмотрим.

— Едва ли вы, как мужчина, заметите все это. Она слишком красива, а к таким заключениям могут прийти только люди, совершенно равнодушные к внешней красоте.

— Пусть войдет. Посмотрим, что у нее на уме. Да, обязательно позвоните Поллю Дрейку и попросите его приставить к ней телохранителя. В целях ее безопасности необходимо, чтобы у нее была постоянная охрана. А теперь, Делла, пусть она войдет, и посмотрим, сможет ли она поразить меня своей красотой.

Вскоре Делла Стрит вернулась в сопровождении Евы Эймори.

— А, — произнес с улыбкой Мейсон, — ваши фотографии я видел в газетах.

Девушка улыбнулась, на несколько секунд задержала улыбку, протянула руку адвокату и сказала:

— Именно поэтому я и хотела вас видеть.

— Почему именно меня?

— Человек, с которым я работала, — Поль Дрейк. Он — частный детектив. Я узнала, что он помогает вам в одном деле. Мне также известно, что именно вам он звонил, когда мы выловили банку с деньгами.

— Откуда вы это узнали? — в удивлении спросил адвокат.

— Я отнюдь не слепа, и, кроме того, мистер Мейсон, вы очень известны. Ваши фотографии появлялись в газетах.

И с улыбкой добавила:

— Гораздо чаще, чем мои.

— Продолжайте.

— Меня разыскал некий очень учтивый, но безжалостный мужчина и поставил в затруднительное положение.

— Каким образом?

— Дело в том, что ему известно кое-что обо мне.

— Точнее, о вашем прошлом?

Она посмотрела адвокату прямо в глаза и заметила:

— У каждой известной и красивой голливудской актрисы, стремящейся обеспечить свое будущее, вполне возможны свои тайны в прошлом... и настоящем.

— А как выглядит этот мужчина?

— Это человек примерно пятидесяти лет. У него серые пронизывающие глаза и односторонний склад ума.

— Что вы имеете в виду? — спросил Мейсон. — Может быть, он хочет...

— Как раз нет, мистер Мейсон, — прервала она его спешно. — Он совершенно равнодушен к женщинам.

— Чего же он хочет?

— Денег.

— Сколько?

— Те три тысячи долларов, которые я нашла.

— Вы же отдали эти деньги в полицию. Разве он не читал газет?

— Читал. Ему все известно.

— Как же он собирается получить эти деньги?

— Он требует, чтобы я в полиции сделала заявление о том, что вся эта комедия была разыграна ради рекламы, что некий мой друг дал мне три тысячи долларов, напечатал письмо мнимых шантажистов и посоветовал мне заявить, что во время катания на водных лыжах я нашла банку с деньгами, что, возможно, это шантажируют кого-нибудь из богачей, проживающих у озера.

Он потребовал, чтобы в полиции я разыграла раскаяние и призналась, что все это было проделано ради моей личной рекламы, что это была приманка для газет. Затем он сказал, что через некоторое время полиция возвратит мне эти деньги, и я их вручу ему.

— Или иначе? — перебил ее Мейсон.

— Конечно, было «или иначе». Именно это меня и тревожит, так как я не хотела бы, чтобы кое-что появилось в прессе.

Адвокат внимательно взглянул на нее.

— Вы полагаете, что из-за карьеры у вас не может быть прошлого? — спросил он.

— Я беспокоюсь не о себе. Это касается человека с двумя детьми.

— Мужчина, шантажирующий вас, назвал свое имя?

Она отрицательно покачала головой.

— Он сказал, что я должна называть его мистером Иксом.

— Как вы должны поддерживать с ним связь?

— Мне не нужно этого делать. Он сказал, что сам меня разыщет.

— Это, очевидно, очень тревожит вас?

— Конечно.

— Если вы сделаете все, что он от вас требует, вас смертельно возненавидят многие журналисты.

— Я это знаю.

— Тем самым вы погубите карьеру, которая перед вами открывается.

— Не стоит мне этого напоминать, мистер Мейсон. Я и так все понимаю.

— И тем не менее считаете, что это необходимо сделать?

— Я не могу не думать о моем знакомом и его детях.

— Ваш знакомый, видимо, имеет влияние в обществе?

— Да.

— И что знает шантажист о нем?

— Он мне ничего не сказал.

— Почему?

— Потому что он прекрасно понимает, что в противном случае ему могут наступить на хвост. Вот почему я не знаю, что известно мистеру Иксу и на чем это основано. Меня с моим знакомым пару раз видели в обществе и...

После некоторого размышления адвокат Мейсон спросил:

— Когда вы должны снова встретиться с мистером Иксом?

— Сегодня вечером.

— Хорошо. При встрече с ним скажите, что у него прекрасный план, из которого, однако, ничего не выйдет, так как в противном случае ваш адвокат заявит, что вас шантажируют.

— А могу я сказать ему, кто мой адвокат?

— Черт побери! Вы обязаны сделать это. Объявите ему, что ваш адвокат Перри Мейсон и что он просил его прийти к нему.

Она некоторое время сидела задумавшись, затем резко подала Мейсону свою руку.

— Я так и сделаю.

— Я не люблю шантажистов, — продолжал адвокат. — Это вампиры, пьющие человеческую кровь и паразитирующие на людских слабостях и их тайнах. Скажите мистеру Иксу, если он хочет обсудить данное дело, пусть явится ко мне лично.

— Вряд ли он сделает это, — в задумчивости произнесла Ева Эймори. — Как только я упомяну ваше имя и скажу, что вы собираетесь сделать заявление о том, что меня шантажируют, он пойдет на попятный и начнет искать, куда бы скрыться.

Она улыбнулась, и вновь улыбка ее была несколько натянутой.

— Все так прекрасно закончилось, мистер Мейсон. Благодарю вас.

Когда она покинула кабинет, адвокат кивнул головой своей секретарше, и она быстро дозвонилась до Поля Дрейка.

— Кто-нибудь приставлен к Еве Эймори? — спросил его Мейсон.

— Да. Уже более получаса. Он шел за ней, когда она подошла к конторе. Я думал, она пришла ко мне. Вместо этого она, видимо, решила повидать вас.

— У нее вымогает деньги некий тип лет пятидесяти.

— Мне об этом пока ничего не известно.

— Внимательно следите за ней и, если увидите его, не теряйте из виду. Я думаю, он появится сегодня вечером.

— Что это за человек? — спросил Дрейк.

— Называет себя мистером Иксом. Если не ошибаюсь, именно он — шантажист. Ему примерно пятьдесят лет, серые пронизывающие глаза и...

— Как раз он и ловил рыбу на озере, — заметил Дрейк. — У нас есть описание его внешности.

— Прекрасно. Итак, мы вышли непосредственно на шантажистов и, как только мы узнаем, кто они, мы перехватим инициативу и подбросим им кое-что для размышлений. Продолжай работу, Поль.

VIII

Вскоре после четырех часов дня зазвонил телефон. Делла подняла трубку. Спокойствие на ее лице сменилось тревогой.

— В чем дело? — спросил Мейсон.

Делла прикрыла микрофон, повернулась к нему и сказала:

— Круг замкнулся. Из приемной сообщают, что пришла миссис Бэнкрофт и настаивает на немедленной встрече с вами по очень важному делу.

— Пусть немного подождет. Срочно разыщите Харлоу Бэнкрофта. Позвоните к нему на дачу. Если его там нет, звоните к нему в контору.

— Пусть она немного подождет, Гёрти, — произнесла в трубку Делла. — Дайте мне город.

Получив связь, Делла набрала номер телефона дачи Бэнкрофтов.

— Алло. Говорит секретарь мистера Мейсона. Могу ли я переговорить с мистером Бэнкрофтом? Скажите ему, что это очень важно... Да, да, понимаю. Вы, случайно, не знаете, где он может быть? Благодарю вас, попытаюсь дозвониться к нему в контору. Спасибо, не надо, у меня есть номер его телефона.

Она повесила трубку и сказала Мейсону:

— Его там нет. Слуга полагает, что он в конторе.

— Тогда звоните туда.

Дозвонившись до конторы Бэнкрофта, Делла вновь повторила, что звонят от мистера Мейсона по очень важному делу. Затем, после некоторой паузы, она произнесла:

— Благодарю вас. Вы не знаете, где он может быть?.. Ясно. Спасибо.

Она повесила трубку.

— На даче полагают, что он в конторе, а в конторе думают, что он на даче.

Мейсон тяжело вздохнул.

— Что ж, пусть она войдет. Будем играть вслепую.

— Что вы собираетесь ей сказать?

— Ничего. Не могу же я ей заявить, что все знаю от ее мужа, который со мной консультировался, но я не собираюсь и лгать.

Делла Стрит одобрительно кивнула головой, вышла в приемную и вернулась в сопровождении миссис Бэнкрофт, во всей походке

которой было что-то королевское, гордое. Она была несколько моложе своего мужа (женщины подобного типа всегда выглядят моложе своего возраста). Заметно было, что она тщательно следила за своей фигурой и явно гордилась своей внешностью.

— Добрый день, мистер Мейсон, — произнесла миссис Бэнкрофт. — Очень о вас наслышана. Много раз видела ваши фотографии и рада лично с вами встретиться. Насколько я знаю, вы адвокат моего мужа?

— Ваш муж сказал об этом? — с удивлением спросил Мейсон.

— Нет.

— Откуда же вы это узнали?

— От дочери. Должна заметить, что ни она, ни мой муж не знают о моем визите к вам.

— Если я буду вести разговор с вами как адвокат вашего мужа, заявил Мейсон, — едва ли я имею право умолчать перед ним о вашем визите, если нет, то я явно связываю себе руки и...

— Перестаньте, — прервала она его. — Мне понятно ваше положение. Ну а теперь разрешите мне присесть и кое-что вам рассказать.

— Вы, может быть, хотите, чтобы я был и вашим адвокатом?

— Нет, я просто хочу, чтобы вы кое-что знали.

— Хорошо. Я вас внимательно слушаю.

— А ваша секретарша?

— Она умеет хранить молчание.

— Прекрасно. Начну с начала. Моя дочь, Розена, помолвлена с Джетсоном Блэром. Семья Блэров, как вам, наверное, известно, занимает высокое положение в обществе. Их можно назвать аристократами с голубой кровью, но в бизнесе они не проявили себя. Тем не менее они хорошо известны. Мой же муж — бизнесмен.

— И имеет хорошее состояние? — спросил Мейсон.

— **Очень.**

— Продолжайте.

— Джетсону Блэру двадцать четыре года. У него есть младший брат — Карлетон Расмус Блэр, двадцати двух лет, самый настоящий дикарь. Он постоянно попадал в различные истории, которые, однако, удавалось замять. Затем он завербовался в армейскую авиацию. Во время авиаразведки его самолет не вернулся. Сперва им сообщили, что он пропал без вести.

Затем, год спустя, на склоне одной из гор нашли останки самолета. В живых не остался никто. Одни погибли в результате катастрофы, другие — из-за тяжелых ранений, погоды, диких животных. Естественно, вслед за этим последовало сообщение о его смерти.

Мейсон с пониманием кивнул головой.

— Два года тому назад, — продолжала миссис Бэнкрофт, — был осужден и заключен в тюрьму «Сан-Квентин» некто по имени Ирвин Виктор Фордайс. Он вышел из заключения всего несколько не-

дель назад. Вскоре после этого произошло ограбление станции техобслуживания. Полиция представила потерпевшим фотографии подозреваемых преступников, а также тех, кто недавно вышел на свободу.

— И одна из жертв указала на Ирвина Фордайса как на одного из бандитов, участвовавших в налете? — Мейсон явно заинтересовался. — Продолжайте, — сказал он.

С этого момента миссис Бэнкрофт тщательно взвешивала все свои слова.

— Мне сказали, что, поскольку есть официальное сообщение о смерти Карлетона Блэра, то отпечатки его пальцев находятся в полицейском архиве, но мне дали также понять, что Карлтон отнюдь не мертв, а жив, что ему удалось обнаружить съестные припасы в кабине самолета, кое-как прокормиться, выжить, а затем навсегда исчезнуть, поскольку он был по горло сыт армейской жизнью. Он взял себе имя Ирвина Виктора Фордайса и в конце концов вернулся к цивилизации, попал в историю и был заключен в «Сан-Квентин».

Таким образом, мистер Мейсон, то обстоятельство, что один из Блэров отсидел срок, а сейчас разыскивается полицией в связи с ограблением, может помешать свадьбе.

— Все это вы узнали от своей дочери? — спросил Мейсон.

— Нет. От самого шантажиста.

— Ну и чего он хочет?

— Чего же он может хотеть? Конечно денег.

Мейсон прищурился. Он хотел что-то сказать, но сдержался.

После некоторого молчания миссис Бэнкрофт продолжала:

— Естественно, это был самый критический период в жизни моей дочери.

— Другими словами, вы заплатили?

— Да.

— Сколько?

— Тысячу долларов.

Мейсон застучал пальцами по краю стола.

— И только, прочитав сообщение в газетах, я поняла, что отдельное аналогичное требование было также послано моей дочери. Не удивлюсь, если он послал его и моему мужу.

— А Блэрам?

— Не знаю. Мне об этом ничего не известно. Блэры, конечно, не бедны, но, с другой стороны, с них особо ничего не возьмешь.

— То есть они могут заплатить сравнительно небольшую сумму? — добавил Мейсон.

— Пожалуй, да.

— Можете ли вы, — спросил адвокат, — описать мне внешность шантажиста? Это был человек с пронизывающими серыми глазами, примерно пятидесяти лет и...?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет. Это был молодой человек, не старше двадцати пяти — двадцати шести лет. Очень симпатичный широкоплечий парень, с темными глазами, короткой стрижкой под ежик и несколько грубыми чертами лица.

— И именно ему вы заплатили тысячу долларов?

— Да.

— Какими банкнотами?

— Десяти- и двадцатидолларовыми.

— Он, конечно, заверил вас, что больше не будет требовать денег?

— Он просто заявил, что я купила его молчание.

— Он должен был предъявить вам какие-нибудь доказательства, что-нибудь еще, что...

— Конечно. Он показал мне фотографии Ирвина Фордайса и отпечатки его пальцев из полицейского архива, а также армейские снимки Карлетона Блэра. Должна отметить, сходство поразительное. Кроме того, он предъявил мне другие отпечатки пальцев, которые, по его словам, были взяты у Карлетона Блэра во время его зачисления в армию.

— Вы рассказали об этом дочери?

— Конечно нет. Она была так счастлива, что мне не хотелось причинять ей боль.

— А мужу?

— Конечно нет.

— Почему?

— У него и так много собственных проблем.

— Вам не приходило в голову, что вымогатель может выйти на вашу дочь или даже на вашего мужа?

— Нет.

— Ну и зачем вы тогда пришли ко мне? — спросил Мейсон.

— Потому что вы вмешались в это дело и все испортили.

— Каким образом?

— Не мудрите, вы все прекрасно понимаете. А теперь, мистер Мейсон, эти шантажисты пытаются выйти на мою дочь и заставить ее платить деньги.

— Откуда вам это известно?

— Ей звонили, и я слышала весь разговор по параллельному телефону.

— О чем шла речь?

— Мужской голос заявил, что она их предала. На это моя дочь ответила, что терпеть не может журналистов, которые обзывают всех, говорят чепуху в надежде, что кто-то из дачников признается, что он жертва шантажа. Затем она добавила, что пресса окончательно опустилась, вмешивается в личную жизнь уважаемых граждан

и вытряхивает всю грязь на страницы своих газет. Она потребовала, чтобы ее оставили в покое.

— А потом?

— Она просто бросила трубку.

— Что ж, отличный ход, — заметил Мейсон. — Это заставит вымогателей перейти к обороне. А откуда вы узнали, что вашу дочь шантажируют? Она призналась вам?

— Нет, но мне известно, что в тот злополучный день она искала красную кофейную банку, а затем каталась на лодке. Когда я прочитала сообщение в газете о найденных деньгах и письме, я сразу же поняла, в чем дело.

— И ничего ей не сказали?

— Нет.

— Но почему вы подслушивали телефонные разговоры?

— Я решила, что рано или поздно эти шантажисты попытаются вновь выйти на нее. Мне хотелось знать, что произойдет.

— Все-таки не могу понять, почему вы пришли ко мне?

— Поскольку моя дочь в опасности, поскольку мой муж, вне всякого сомнения, советовался с вами и поскольку вы играете с огнем, я хочу, чтобы вы знали все подводные камни.

— И что вы, — добавил Мейсон, — вступали в прямой контакт с одним из шантажистов.

— Я вынуждена была это сделать, так как он угрожал, что в противном случае передаст всю информацию прессе.

— Каким образом он собирался это сделать?

— Он сказал, что один из скандальных журнальчиков с удовольствием опубликует всю эту историю за тысячу долларов. Вот почему он потребовал только тысячу. Он заявил, что ему нужны деньги, что ему не нравится этот способ их добывания, но другого у него нет, и он на все пойдет, так как остро в них нуждается. Это звучало довольно убедительно.

— Вы намерены рассказать об этом своему мужу? — спросил Мейсон.

— Нет.

— Почему вы не хотите поговорить с мужем и рассказать все? — спросил Мейсон.

— Может быть, я это и сделаю, но позднее.

— Вы случайно не знаете, где сейчас находится ваш муж?

— Я думаю, что он на озере, но к вечеру он обещал приехать в город.

— А ваша дочь?

— Я не знаю, где она, но она собиралась на ночь приехать на дачу. Я намерена позвонить Розене и под каким-нибудь предлогом предложить ей провести вечер в городе. Мне не хотелось бы, чтобы она была на даче одна.

Миссис Бэнкрофт взглянула на часы и сказала:

— У меня еще столько дел! Я тороплюсь. Всего хорошего, мистер Мейсон.

Она поднялась, уверенная в себе, понимающе улыбнулась, взглянула на Мейсона и Деллу Стрит и гордо вышла из кабинета.

Адвокат и его секретарша переглянулись.

— Теперь понятно, — заметила Делла, — Харлоу Бэнкрофт был введен в заблуждение. Дело не в его преступном прошлом и его отпечатках пальцев.

— Так ли это? — возразил Мейсон. — Конечно, это вполне возможно, но не стоит забывать, что мы имеем дело с очень сложной ситуацией и с двумя шантажистами.

Мейсон застучал пальцами по столу.

Вдруг раздался резкий телефонный звонок.

— Это Харлоу Бэнкрофт, — сказала Делла.

— Ответ на наши звонки? — спросил Мейсон.

— Не знаю. Гёрти просто передала, что он на линии.

Мейсон взял трубку:

— Алло, Бэнкрофт. Я тщетно пытался дозвониться до вас.

— Понимаю. Я сам хотел видеть вас, но нет времени.

— А где вы сейчас?

— На даче у озера.

— Вы будете там вечером?

— Еще не знаю. Впрочем, это не имеет отношения к делу. Должен признаться, я сильно ошибался, смотрел на это дело со своей колокольни... В общем, забудьте то, что я вам говорил. Это дело совсем иного рода... Я вам это объясню с глазу на глаз, но... Мы все можем оказаться замешаны в другую историю, совсем иную, чем вы думаете...

— Может быть, — сухо ответил Мейсон. — И что же я должен делать?

— Делайте, что сочтете нужным, — ответил Бэнкрофт.

— Как вы обо всем узнали?

— У меня был откровенный разговор с падчерицей.

— И вы рассказали ей все, что изложили мне? — спросил Мейсон.

— Нет, — ответил Бэнкрофт. — Говорила она. Еще рано сообщать моей семье о моем прошлом, Мейсон. Единственное, что я могу сделать, — это оказать ей посильную помощь... Мне бы хотелось завтра утром встретиться с вами.

— А почему бы не сегодня вечером? Если это очень важно, я могу подождать вас.

— Нет, сегодня не могу. Есть другие дела. Наберитесь терпения, Мейсон, я увижу вас утром. В десять, идет?

— Хорошо. Пусть будет десять. А что вы узнали о пропавшем пистолете, Бэнкрофт? Он у падчерицы?

— Розена заявляет, что у нее его нет. Она была очень удивлена, когда я спросил ее об этом. Моя падчерица в странном положении. Газетчики пытаются раскопать все это дело, и кто-то, возможно журналист, пытался по телефону вывести ее на чистую воду, но она дала ему отпор и бросила трубку. Тем не менее это может быть и один из шантажистов. Думаю, Мейсон, лучший выход — это просто платить.

Я высоко ценю все, сделанное вами, и, конечно, хочу, чтобы наш разговор остался между нами. Наберитесь терпения и предоставьте дело нам. Я думаю, мы покончим с ними тем или иным способом.

— Я говорил вам, — напомнил Мейсон, — что есть только четыре способа разделаться с шантажистами.

— Знаю, знаю, но один из них заключается в том, чтобы платить, и я определенно чувствую, что мы имеем дело с мелюзгой, и нет необходимости выставлять большую артиллерию. По-моему, выигрыш во времени все решит.

— Что ж, ваше дело. Увидимся завтра.

Мейсон повесил трубку, а затем позвонил Полю Дрейку:

— Поль, необходимо приставить охрану к Розене Эндрюс, а также к Еве Эймори. Сегодня ночью мы покажем когти.

— Хорошо, — ответил Дрейк. — Люди у меня есть, даже больше чем нужно.

— Прекрасно, но все необходимо делать чрезвычайно осторожно. Никто не должен подозревать, что за ним следят. Держи меня постоянно в курсе событий, Поль.

— Хорошо, — весело ответил Дрейк. — Все сделаю.

IX

В девять тридцать вечера зазвонил незарегистрированный телефон в конторе Мейсона, о котором было известно только Делле Стрит и Полю Дрейку. Адвокат быстро схватил трубку:

— Да?

Раздался голос Поля Дрейка:

— Около семи сорока перед домом Евы Эймори остановился некий тип. Его поведение привлекло внимание моего человека. Этот мужчина вошел в телефонную будку и кому-то позвонил, возможно даже Еве Эймори. Это нам неизвестно. Через десять минут Ева вышла из дома. Мужчина подъехал к ней на машине, и она под села к нему.

Мой человек последовал за ними, полагая, что это может быть подготовленная для нее ловушка. Разговор их длился недолго. Мужчина проехал четыре или пять кварталов, остановился на углу, поговорил с ней полчаса, затем развернулся и подвез ее к дому.

— Что же он от нее хотел? — спросил Мейсон.

— Он пытался заставить ее подписать какую-то бумагу, так, по крайней мере, показалось моему человеку. Она некоторое время колебалась, как будто намереваясь подписать, а затем отшвырнула ее. Потом они недолго поговорили, и он вновь сунул ей эту бумагу.

— Где находился ваш человек? Как ему удалось все это увидеть?

— Он как раз-то не все видел. Он не мог остановиться за ними и, чтобы не вызывать подозрений, два-три раза проехал мимо, а один раз сделал вид, что пытается найти место для парковки. В сущности, там не было места, но он старался быть как можно ближе к их машине. Они были так заняты своими делами, что не обращали на него никакого внимания.

Затем, когда этот тип отвез Еву Эймори домой, мой человек последовал за ним.

— И оставил ее без охраны?

— Нет, у него в машине есть рация, поэтому он держит со мной постоянную связь. Он рассказал мне о случившемся, попросил приставить к Еве другого человека и разрешения последовать за этим типом, который показался ему знакомым.

— Продолжайте, — сказал Мейсон.

— Они доехали до «Аджакс-Делси». Это дешевые меблированные комнаты, которые находятся недалеко от пляжа. Но самое главное то, что когда мужчина выходил из машины, мой человек узнал его.

— Кто это?

— Это Стилсон Келси, известный под прозвищем «король Келси». Когда он вошел в дом, мой человек разузнал, что Келси снимает там комнату. Он сообщил мне об этом, попросил инструкций, и я приказал ему постоянно находиться в этом доме и действовать в зависимости от обстановки.

— Он уверен, что Келси снимает там комнату?

— Да. Мой человек сейчас в этом доме и следит за машиной Келси, но может получиться так, что, когда тот выйдет, он его не заметит.

— Почему?

— Густой туман опустился над пляжем. Еще видно в направлении города, но если Келси поедет в противоположную сторону, все пропадет.

— Слышно что-нибудь от Евы Эймори? — спросил Мейсон.

— Нет. Видимо, Келси оказал на нее сильное давление, поэтому она молчит. Мой человек заявляет, что со стороны казалось, что она вот-вот подпишет бумагу. Она, видимо, сильно колебалась.

— Но она ничего не подписала?

— Мой человек полагает, что нет.

— Хорошо. Следите за Келси.

— Как долго?

— Если понадобится, всю ночь.

— У моего человека в полночь заканчивается смена.

— Хорошо. Ближе к полуночи пошлите ему замену. Выясните, что делает Келси. Неплохо бы узнать, кто его компаньон.

Приставьте также человека к Еве Эймори и следите за каждым ее шагом. О ней нужно знать все. Если вернется Келси и попытается еще раз оказать на нее давление, звоните мне в любое время. Я хочу заняться им лично.

— Ну что ж, Перри, — произнес Дрейк. — Пусть будет так. В конце концов, ты мне платишь за работу.

Х

На следующее утро в конторе появился сильно встревоженный и возбужденный Харлоу Бэнкрофт. Казалось, он вот-вот упадет в обморок.

— В чем дело, Бэнкрофт? — спросил Мейсон.

— Моя жена...

— Что с ней?

— То, что я вам расскажу, мистер Мейсон, должно держаться в глубочайшей тайне.

— Безусловно, все сказанное вами не подлежит разглашению.

— Однажды вы заметили, что есть четыре способа расправиться с шантажистами, — продолжал Бэнкрофт. — Помните?

— Да.

— И один из них — убийство вымогателя.

Глаза Мейсона сузились.

— Вы что, хотите сказать, что ваша жена это сделала?

— Да.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Где?

— На нашей яхте «Жинеса».

— Кто-нибудь знает об этом? — спросил Мейсон. — Вы звонили в полицию?

— Нет. Боюсь, я сделал огромную ошибку.

— Расскажите мне обо всем и как можно скорее.

— Моя жена, как вам известно, — начал свой рассказ Бэнкрофт, — вчера была организатором благотворительного вечера. Она просила меня приехать в город, так как опасалась, что вернется очень поздно. А на самом деле, произошло следующее... Только прошу вас, Мейсон, все это должно быть между нами.

— Продолжайте, — остановил его Мейсон. — У нас мало времени.

— Видите ли, дело в том, что у Джетсона Блэра есть брат, Карлтон Расмус Блэр, которого считали погибшим, но...

— Мне все это известно, — прервал его Мейсон.

— Хорошо. Карлетон Блэр жил в меблированных комнатах «Ад-жакс-Делси» под именем Ирвина Виктора Фордайса. У него есть близкий друг Уилмер Джилли, который также проживает там. Джилли вышел на свободу примерно одновременно с Фордайсом. Они подружились, стали неразлучны. Фордайс считал его своим за-кадычным другом. Естественно, прочитав в газетах сообщение о помолвке Джетсона Блэра и Розены Эндрюс, он доверился Джилли и рассказал ему о том, что он — один из Блэров, так сказать «паршивая овца» в семье, хотя все уверены, что он погиб.

Джилли, очевидно, решил воспользоваться этой информацией. Он стал шантажировать Розену и Филлис, мою жену, которая в конце концов заплатила ему тысячу долларов.

— Продолжайте.

— Затем, после сенсации в газетах в связи с найденными день-гами, Джилли попытался вновь выудить деньги у Розены.

Фордайс был просто поражен поступком Джилли и уверял, что убьет его. Затем он немного успокоился и заявил ей, что все устроит сам, что ей не нужно больше обращать внимания на всякие письма и угрозы.

Филлис встревожилась. Со слов Джилли ей было известно, что в связи с ограблением станции техобслуживания полиция разы-скивает Фордайса, и она представила, что может произойти в ре-зультате их встречи. Зная, что не может быть дыма без огня, она предложила ему провести на нашей яхте «Жинеса» неделю или две. По ее мнению, вряд ли кому пришлось бы в голову искать его там.

Конечно, Филлис не стоило этого делать, тем более зная, что Фордайса разыскивает полиция.

— Кто сказал ей об этом? — спросил Мейсон.

— Джилли.

— Слово шантажиста, — перебил его адвокат, — ничего не значит.

— Рад, что вы так говорите, потому что это меня немало тревожило.

— Хорошо. Оставим пока в покое Джилли. Что было потом?

— Филлис привезла Фордайса на яхту и уговорила его остаться там. Затем она возвратилась в яхт-клуб, села в машину и отправи-лась к нашим друзьям; у которых можно занять денег. У них всегда они есть, поскольку они часто выезжают в Лас-Вегас, чтобы сыг-рать в рулетку.

Вернувшись на яхту, она обнаружила, что он исчез и что вместо него на яхте находится Джилли.

— Что произошло с Фордайсом? — спросил Мейсон.

— Может быть, он был убит. На судне был только Джилли, пове-дение которого было явно угрожающим.

— Что потом произошло?

— У Филлис в сумочке были пистолет и три тысячи долларов. Она стала тянуть время. Это долго рассказывать. Короче говоря, поднимаясь на борт яхты, она заметила на ее носу какую-то неясную фигуру, убиравшую якорь. Она подумала, что это Фордайс.

— Разве яхта не была пришвартована?

— Нет. Она стояла на якоре, потому что пристань на ремонте.

— Этот человек услышал ее шаги, повернулся вполоборота, а затем пошел к рубке. Двигатель был включен, яхта была на плаву. Опускался густой туман, и через несколько секунд он полностью поглотил яхту.

— Но почему яхта была на плаву? — спросил Мейсон.

— Очевидно, что-то произошло, и преступник намеревался скрыть в тумане следы своего преступления. Джилли, вероятно, надеялся добраться до другого берега, а там яхту бросить. Тогда бы Филлис посчитали виновной в исчезновении Фордайса. Джилли обвинил ее в обмане, в том, что она сует нос не в свои дела. Слово за слово, и наконец он потребовал деньги, заявив, что ему известно, что она ездила за ними. Она наотрез отказалась, тогда он стал угрожать ей тем, что без труда в таком тумане выкинет ее за борт.

Именно в этот момент Филлис выхватила пистолет из сумочки и приказала ему поднять руки. Она, конечно, думала, что как только наставит на него оружие, он сразу же струсит. Он же только выругался и двинулся к ней.

Яхту качнуло, Филлис упала и машинально нажала на курок. Она в упор выстрелила в Джилли, и тот упал замертво.

— Что потом она сделала?

— Она была в панике и бросилась за борт.

— А пистолет? — спросил Мейсон.

— Ей кажется, что пистолет и сумочка были в ее руке, когда она кинулась в воду. Плывая к берегу, она уронила пистолет, а сумочка соскользнула с ее руки.

— Был густой туман. Как же ей удалось увидеть берег?

— Она разглядела слабые огоньки. Проплыв всего несколько футов*, она встала и побрела к берегу. Оказалось, что она находится рядом с пристанью, где мы заправляем яхту топливом. Это примерно в ста футах от автостоянки у яхт-клуба. Она, не снимая мокрой одежды, добежала до нее, села в машину и поехала на городскую квартиру.

— Бросив яхту прямо на месте преступления?

— Да.

— С трупом на ней?

— Да.

— Почему она уверена, что Джилли был мертв?

* Фут (англ. мера) = 30,5 см.

— По ее мнению, это чувствовалось по падению его тела. Кроме того, она выстрелила в упор, прямо в грудь.

— Это точно был Джилли?

— Да, именно он.

— И ей не известно, что произошло с Фордайсом?

— Нет.

— Хорошо, — произнес Мейсон, — все это укладывается в схему: Фордайс доверился Джилли, у которого есть друг — опытный шантажист, известный под кличкой «король Келси»... А вот яхта?

— В этом-то и дело. Когда появились первые лучи солнца, я отправился на место происшествия. Ее там не оказалось.

— Как? Не оказалось? — воскликнул Мейсон.

Бэнкрофт отрицательно покачал головой.

— Видимо, когда все это произошло, был отлив. Вскоре начался подъем воды, который усиливался с каждой минутой. Очевидно, ночью, во время прилива, яхта вышла в гавань и где-то там села на мель.

— Когда жена рассказала вам обо всем этом?

— Вчера, в десять вечера.

— Почему вы не позвонили мне или в полицию?

— У меня не хватило духа звонить в полицию. Я решил дожидаться утра, чтобы встретиться с вами. Я не знал, где найти вас, если не считать агентства Дрейка и... Черт побери, Мейсон, моя жена была просто в истерике, и, если бы она в таком состоянии позвонила в полицию, все бы рухнуло. В газетах появилась бы вся история Блэров... Боже мой, это же не было убийство, это была самооборона. Я решил взять на себя всю ответственность. Пусть полиция приезжает к нам.

— Будет чертовски трудно вести это дело. Если бы ваша жена сама пошла в полицию, это выглядело бы как самооборона, но к тому времени, когда полиция сама нагрянет к вам, это будет расцениваться как убийство.

— Ну что ж, я принял решение и сделаю это. Когда я уходил, я дал жене снотворное.

— Неужели вы не понимаете, — вновь перебил его Мейсон, — что так или иначе всплывет все это дело о шантаже. Ведь сейчас мы имеем дело с убийством!

— Я это знаю, поэтому умоляю вас взять все в свои руки. Вы должны заявить, что сейчас Филлис не в состоянии давать каких бы то ни было объяснений, так как это связано с шантажом.

— Нам придется так сделать, чтобы выиграть время. Еще вчера у нас был выбор, — мрачно продолжал Мейсон. — Сегодня у нас его нет. Сейчас бессмысленно обращаться в полицию. Мы в цейтноте. Нам нужно найти новые факты и, самое главное, яхту.

— Залив еще окутан туманом.

— Что ж, достанем вертолет.

Адвокат повернулся к Делле Стрит.

— Позвоните в авиаотдел. Скажите, что нам срочно нужен четырехместный вертолет.

Мейсон взял шляпу.

— Пойдемте, Бэнкрофт.

Адвокат был на полпути к двери, когда раздался телефонный звонок. Делла вопросительно взглянула на Мейсона, кивнула головой и взяла трубку.

— Я слушаю, Гёрти. В чем дело? Кто звонит? Ева Эймори?

Мейсон нахмурился, подошел к телефону, взял трубку и сказал:

— Соедините меня. Я поговорю с ней.

Мгновенье спустя он произнес:

— Да, Ева. Это Перри Мейсон. Что случилось?

— Я собираюсь подписать заявление, — произнесла она, — что вся эта история — рекламный трюк, что деньги мне вручил один знакомый, что вместе с ним мы сочинили это письмо и все проделали ради рекламы.

— Вы не сделаете этого, Ева. Это неправда, и вы это знаете.

— Если я подпишу это заявление, я смогу выпутаться из...

— Из чего?

— Из всей этой истории... Короче говоря, из-под давления.

— Вы так не сделаете, какое бы давление на вас ни оказывалось.

— Но мне советуют...

— Кто?

— Ну... люди.

— Они оставили вам это заявление? — спросил Мейсон.

— Да.

— Тогда делайте следующее, Ева. Я хочу, чтобы вы пришли в контору и сперва поговорили со мной.

— Но они потребовали, чтобы я подписала бумагу до двух часов дня.

— Хорошо. Кто бы это ни был, скажите, что в два часа вы пойдете ко мне в контору и там подпишете это заявление.

— Я не думаю, что эти люди придут к вам.

— Тогда объявите им, что они не получают заявления, что вы сперва должны посоветоваться со мной.

— Не думаю, что это сработает. Они...

— Попробуйте. Вы сделаете это? — спросил Мейсон.

— Да.

— Хорошо, — закончил разговор Мейсон и повесил трубку.

XI

День был теплым и солнечным, только над водой виднелась неподвижная кромка белых облаков.

Летчик вертолета, летевшего на высоте примерно 500 футов, заметил адвокату:

— Не нравится мне все это, мистер Мейсон. Мы можем пролететь поблизости от этих облаков, но вряд ли мы что-нибудь увидим.

— А нельзя ли немного уменьшить высоту? — спросил Мейсон.

— Конечно можно. Я могу лететь на высоте пяти футов над водой, но в таком тумане это опасно.

— Сделайте все, что в ваших силах, — попросил адвокат.

— Иногда можно разогнать туман с помощью винта вертолета и порой довольно быстро, — заметил пилот.

— Что ж, попытайтесь, — сказал Мейсон.

Вертолет опустился еще ниже и полетел над открытой местностью, на высоте дома. Вскоре их окутали первые клубы тумана. Винт вертолета разгонял их. На мгновение показалось, что они исчезли, но вскоре они вновь появились, и пилот повернул машину обратно.

— Ничего не могу поделать, — сказал он. — Очень сожалею, но входить туда опасно. Это самый густой туман, который я когда-либо видел в такое время суток. Воздух даже не колышется. Кажется, что летишь в молоке.

— А нельзя подняться над ним? — спросил Мейсон.

— Конечно можно, но это ничего не даст. Вы просто увидите толстый белый ковер.

— Хорошо, тогда возвращаемся. Будьте в постоянной готовности. Как только туман начнет рассеиваться, мы проведем осмотр гавани.

Мейсон повернулся к Бэнкрофту.

— Это лучшее, что мы можем сделать, Бэнкрофт, — объяснил он. — Не вижу другого выхода.

— Я тоже.

— Я хотел бы поговорить с вашей женой, — сказал Мейсон.

Бэнкрофт понимающе кивнул головой.

— Она еще спит. Я дал ей большую дозу снотворного. Можете себе представить, она...

Мейсон взглядом указал на пилота, и Бэнкрофт моментально замолчал.

— Я прошу вас, — напомнил адвокат летчику, — быть в постоянной готовности весь день. Как только туман рассеется, мы осмотрим гавань. Все ясно?

— Да.

— Позвоните мне сразу же, как только это произойдет.

— Хорошо, но туман может продержаться весь день, мистер Мейсон.

— Что ж, придется сидеть и ждать. Далеко ли до аэропорта, где вы будете находиться?

— Всего несколько минут полета от вашей конторы.

— Прекрасно. Постоянно сообщайте мне о погодных условиях над заливом, о любых их изменениях.

Пилот понимающе кивнул головой. До приземления вертолета Мейсон был погружен в размышления.

По дороге в контору он спросил Бэнкрофта:

— Вам известно, что яхты не оказалось там, где она должна была быть по словам вашей жены?

— Да.

— Откуда вам это известно?

— Я ездил туда.

— Был густой туман?

— Да, но я пробрался через него с включенными фарами.

— Жена описала вам место?

— Конечно.

— И вы вели поиски именно там?

— Да. Я вышел из машины как раз у причала для заправки топливом.

— И яхты там не оказалось?

— Нет.

— После разговора с женой вам следовало немедленно идти в полицию, — сказал Мейсон.

— Я знаю, но я уже объяснял, почему не сделал этого. Это был шанс, которым я не мог воспользоваться.

— Насколько я понимаю, пистолет выстрелил случайно?

— Филлис держала его, наставив на этого человека и предупреждая его и...

— Пистолет выстрелил случайно, — произнес опять адвокат. — Яхта наскочила на мель...

— Не яхта, а якорь, видимо... задел за что-то, и ее тряхнуло.

— И пистолет выстрелил случайно?

Бэнкрофт на какое-то время задумался, но все-таки сказал:

— Да, он выстрелил случайно.

— Хорошо. Джилли раскинул руки в стороны и упал лицом вниз?

— Да.

— Ваша жена все бросила и прыгнула за борт?

— Нет, это произошло, когда она уже была в воде. Так она, по крайней мере, считает. У нее смутные воспоминания о том, как сумочка соскользнула с ее руки, когда она бросилась в воду.

— Она была в страхе?

— Да, конечно.

— И была в истерике, — продолжал Мейсон, — так как шантажист угрожал ей смертью и ей казалось, что он бежит за ней и собирается стрелять.

— Ну... она в него выстрелила и...

— Она не знает точно, куда попала пуля, — перебил его Мейсон. — Она могла попасть и в плечо, и в грудь. Главное, она испугалась. Ей казалось, что он следует за ней и вот-вот выстрелит.

— Что ж, возможно, так и было.

— Именно так, — подчеркнул Мейсон. — Только так объяснимы ее действия, а ваш рассказ должен соответствовать ее действиям.

Бэнкрофт задумался, затем медленно кивнул головой.

— У меня в конторе назначена важная встреча, — сказал Мейсон, — ее нельзя отложить, поэтому я попрошу вас быть наготове. Вы должны быть поблизости от моей конторы или где-нибудь, куда я мог бы быстро дозвониться.

— Почему так важно найти яхту? — спросил Бэнкрофт.

— Потому что я хочу по возможности побывать там раньше полиции.

— Но мы даже не представляем, где она сейчас находится, — напомнил Бэнкрофт.

— Вот именно. Ваша жена видела, как Джилли поднимает якорь. Когда он заметил ее, он зацепил якорную цепь за кнехт, а затем двинулся к ней.

Бэнкрофт утвердительно кивнул головой.

— Двигатель работал? — спросил Мейсон.

— Да.

— Он сцепил муфту?

— Да.

— На палубе есть какой-нибудь рычаг, с помощью которого он мог сделать это?

— Да. Пользуясь им, он мог поднять якорь и сразу же выйти в море.

— А когда раздался выстрел? — спросил Мейсон.

— Где-то примерно в восемь тридцать — девять часов.

— Где были вы в это время?

— Ожидал жену.

— Кто-нибудь может подтвердить это?

— Нет.

Мейсон в задумчивости окинул взглядом Бэнкрофта.

— Конечно, — сказал он, — если окажется, что убийство было совершено вашим пистолетом на вашей яхте, полиция может прийти к выводу, что вы пытались защитить жену, и все сделали своими руками.

На лице Бэнкрофта было написано удивление.

— Вы хотите сказать, что они могут обвинить меня?...

— Вот именно. Весь ваш рассказ о том, что вы дали жене снотворное и не позволили ей идти в полицию...

— Но я пытался защитить ее от вопросов, когда она была душевно взволнована и...

— И пытались избежать газет, — напомнил Мейсон.

— Ну да.
— В общем, мало вы выиграли времени, — заметил Мейсон. — Когда все это всплывет, нам придется трудновато.

XII

Примерно около двух часов дня зазвонил незарегистрированный телефон Мейсона. Адвокат быстро схватил трубку:

— Да, Поль, слушаю. Что произошло на сей раз?

— Только что звонил человек, ведущий наблюдение за домом Евы Эймори, — отчетливо произнес голос Поля Дрейка. — Он утверждает, что к дому подъехал и вошел в него некий тип, похожий по описанию на «короля Келси».

— Он был один? — спросил Мейсон.

— Да.

— Прекрасно, — ответил Мейсон. — Я поехал туда, Поль.

— Помощники нужны?

— Думаю, могу справиться один. Свидетель может быть крайне нежелателен. Сейчас я веду наблюдение за гаванью. Мы ждем, пока рассеется туман. Это может произойти в любое время, и у меня наготове есть вертолет. Если тебе позвонит Делла Стрит и сообщит, что туман поднимается, немедленно прикажите вашему человеку, ведущему наблюдение за домом Эймори, сообщить мне об этом.

Мейсон повесил трубку и, повернувшись к секретарше, произнес:

— Никуда не уходите, Делла. Как только туман начнет рассеиваться, дайте мне знать. Я должен разыскать эту яхту.

— Вы намерены встретиться с Келси?

— Да. Хочу откровенно, выложив все карты, поговорить с шантажистом, — пояснил Мейсон.

— Будьте осторожны, — предупредила она.

Адвокат поднялся и вышел, ухмыльнувшись.

Когда он подъехал к дому Евы Эймори, к нему подошел человек Дрейка и сказал:

— Он все еще там, мистер Мейсон. Мне сопровождать вас?

— Нет, оставайтесь здесь. У вас в машине есть рация?

— Да.

— Поддерживайте постоянную связь с моей конторой. Как только я им понадоблюсь, дайте мне знать об этом.

— Как?

— Просто войдете в квартиру и скажете, что меня ждут.

Мейсон вошел в дом, поднялся на лифте и, подойдя к квартире Евы, позвонил.

Дверь мгновенно распахнулась.

— Привет, — произнес адвокат.

Ева Эймори была в замешательстве. Мейсон стремительно прошел в квартиру, где увидел пятидесятилетнего мужчину мощного телосложения с серыми холодно-суровыми глазами.

— Если не ошибаюсь, вы — Стилсон Келси по прозвищу «король Келси», а документ в ваших руках — это бумага, которую вы вынуждаете подписать Еву Эймори?

Я заявляю вам, что она не подпишет ее, что я терпеть не могу шантажистов, что вы должны немедленно покинуть эту квартиру и оставить в покое девушку. В противном случае я отправлю вас в тюрьму.

Келси медленно поднялся, оттолкнул стул и произнес:

— Я терпеть не могу адвокатов, и я отнюдь не шантажист, а бизнесмен. Если хотите называйте меня «метким стрелком», который в состоянии разглядеть ловушку.

К вашему сведению, мистер Мейсон, Ева мне только что все рассказала. Все происшедшее — не шантаж, а рекламный трюк, и этот документ подтверждает это.

— Что ж, придется вам кое-что объяснить, — сказал адвокат. — Как вы думаете, кто положил в кофейную банку три тысячи долларов?

— Я этого не знаю, да это меня и не волнует.

— Напрасно. Я докажу вам, что это не рекламный трюк.

Келси посмотрел на адвоката долгим пронизывающим немигающим взглядом, как бы оценивая ситуацию.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Я раскрою вам все свои карты, мистер Адвокат. Я знаю многих людей и хорошо знаком с молодым человеком по имени Уилмер Джилли. Ему стало кое-что известно, и он решил потребовать денег от людей, чьих имен я сейчас называть не буду.

Джилли в какой-то степени зависит от меня. Если кто-то желает иметь со мной дело — хорошо, если же нет — тоже неплохо.

— С вами не хотят иметь дело, — заметил Мейсон. — Убирайтесь! — Вы блефуете, Келси, но мы положим этому конец. Вы пытаетесь оказать давление на девушку и заставить ее признаться, что все происшедшее — рекламный трюк. На самом же деле деньги в банку положил я. Это нетрудно доказать. У меня на руках чек на полученные деньги и заявление банкира о вручении мне их в десяти- и двадцатидолларовых банкнотах, номера которых записаны.

Ева Эймори не собирается подписывать вашего заявления. Если же вы не оставите своих попыток, мы обвиним вас в вымогательстве, в незаконном получении денег путем обмана властей.

Произнеся эти слова, Перри Мейсон подошел к столу, взял лежавшую на нем бумагу и разорвал ее на несколько частей.

— Вы хотите что-нибудь сказать, Келси? — спросил он.

Шантажист смотрел на адвоката в холодном бешенстве.

— Нет, — произнес он, — не сейчас. Я сделаю это позднее.

— Скажете это лично мне!

— Хорошо, но не думаю, что вам это понравится.

В дверь кто-то постучал.

Мейсон резко открыл ее. На пороге стоял человек Дрейка.

— Звонили из вашей конторы. Вы им нужны, — произнес он.

Адвокат повернулся к шантажисту и, кивнув головой в сторону выхода, промолвил:

— Вон отсюда!

— Вы не имеете права! Вы не можете меня выставить!

— Что? Хотите поспорить?

— Конечно, сейчас, тем более к вам прибыло подкрепление, это не имеет смысла, — сказал Келси. — Кто этот парень? —

— Частный детектив. Вел за вами слежку. Так что у нас достаточно фактов, чтобы обвинить вас в вымогательстве.

Что-то дрогнуло в лице Келси. Какое-то мгновение он был похож на загнанного зверя.

— Покажите ему ваши документы, — обратился адвокат к человеку Дрейка.

Оперативник вынул из кармана бумажник и предъявил свое удостоверение.

— Хорошо, — произнес шантажист. — Хорошо, я пойду. Но у вас ничего нет против меня. Возможно, что-то есть против Джилли, но не против меня.

— Хотите поспорить? — прервал его Мейсон.

— Нет, — Келси сверкнул глазами. — Я думаю...

— Это не имеет значения. Идите.

Шантажист притих, повернулся и вышел из квартиры.

— Одевайтесь, — сказал Мейсон, обращаясь к Еве Эймори. — Вы поедете в контору Поля Дрейка. Там проведете несколько часов, пока мы все не уладим.

— Он угрожал...

— Безусловно, — заметил Мейсон. — Он ведь живет за счет угроз, но все его угрозы — блеф.

Адвокат повернулся к оперативнику.

— Отвезете ее в контору Дрейка и оставите там на пару часов. Если вновь заявится этот мужчина и попытается встретиться с ней, я надеюсь, вы знаете, что надо делать в таком случае?

— Одной рукой, — спокойно и самоуверенно произнес оперативник.

— Прекрасно.

Адвокат повернулся, прошел по коридору, быстро сбежал по лестнице, прыгнул в машину и помчался на аэродром, к вертолетной площадке.

Бэнкрофт и Делла Стрит его уже ожидали.

— Давно вы здесь? — спросил их Мейсон.

— Всего несколько минут, — ответил Бэнкрофт. — Пилот сказал, что над заливом туман редет.

— Ну что ж, поехали.

Они сели в вертолет, который быстро набрал высоту, пролетел над городом и его пригородами, затем несколько снизился и полетел над открытой местностью.

Над заливом еще висел туман, который таял по мере их приближения. Пилот сбавил скорость, и вертолет неподвижно завис над заливом.

— Вон яхт-клуб, — закричал Бэнкрофт. — А там обычно стоит «Жинеса».

— Покажите мне топливный причал, который вы опознали ночью, — перебил его Мейсон.

— Вон там, немного правее, — показал Бэнкрофт летчику.

Вертолет медленно полетел над заливом.

— Смотрите! Прямо по курсу, — неожиданно воскликнул Бэнкрофт. — Похоже, это она.

— Где?

— Примерно в миле отсюда.

Летчик сбавил скорость. Наконец вертолет повис над яхтой, стоявшей на якоре у песчаного берега залива.

— Это ваша яхта? — спросил Мейсон.

Бэнкрофт утвердительно кивнул головой.

— Похоже, она на якоре?

— Да, это так.

— Вы не знаете, какова здесь глубина?

— Если судить по наклону якорной цепи и по тому, что примерно 12—15 ее футов видно над водой, то глубина здесь 10—12 футов.

— Обратите внимание, — вставил Мейсон, — к яхте до сих пор привязана шлюпка.

— Да, я заметил это.

— Мне кажется, лучше будет, если мы поднимемся на нее вместе с представителем шерифа, — продолжал адвокат.

— Контора шерифа — недалеко отсюда, — заметил пилот. — Если хотите, могу там приземлиться. В вертолете установлен аэрофотоаппарат. Мы можем сделать несколько фотоснимков.

— Хорошо, — сказал Мейсон, — только, пожалуйста, никому ни слова о фотографиях.

Через несколько минут вертолет опустился на площадку у конторы шерифа.

— У нас есть причины полагать, — быстро объяснил Мейсон помощнику шерифа, — что вчера вечером похитили яхту мистера Бэнкрофта. После длительных поисков мы ее в конце концов обнаружили. Она оказалась на якоре, поблизости отсюда. Похититель,

возможно, еще на ней, так как шлюпка до сих пор к ней привязана. Не желаете ли взглянуть?

— Да, — ответил помощник.

— Катер у вас есть?

— Да.

— Ну что ж, тогда поехали, — сказал ему Мейсон.

— Я буду ждать вашего возвращения, — заявил Мейсону пилот вертолета.

Помощник шерифа быстро довез адвоката и его клиента до причала, где они сели в катер и вышли на нем в залив.

— Мы скажем вам, когда сбавить скорость, — сказал Мейсон помощнику шерифа.

— Яхта примерно в четырех милях отсюда, у песчаного берега залива, — пояснил Бэнкрофт.

На большой скорости они шли по заливу. Подойдя к песчаным берегам, снизили скорость.

— Там, впереди, случайно, не ваша яхта? — спросил помощник шерифа.

— Да, это она, — ответил Бэнкрофт.

— Есть кто-нибудь на «Жинесе»? — крикнул помощник шерифа, когда они подошли к яхте.

— Есть кто-нибудь на борту? — повторил он.

Ответа не последовало.

— Подождите здесь, — сказал он, обращаясь к Мейсону и Бэнкрофту. — Вы утверждаете, что яхту похитили?

Миллионер не произнес ни слова.

Помощник шерифа подошел на катере к «Жинесе», привязал его к шлюпке, легко поднялся на борт яхты.

— Мейсон, — тихим голосом произнес Бэнкрофт, обращаясь к адвокату, — я собираюсь сделать заявление.

— Какое?

— Если Джилли мертв, я заявлю, что застрелил его...

— Перестаньте, — прервал его Мейсон. — Неужели вы не понимаете, что власти штата без сомнения попытаются возбудить дело против вашей жены. Вам следует осознать всю сложность ситуации. Вы можете заявить, что жена ваша была в истерике, что вы заставили ее принять сильное снотворное, даже настояли на этом, чтобы дать ей возможность успокоиться.

Помните, что они не смогут найти пистолет, из которого был произведен выстрел, так как ваша жена уронила его во время прыжка в воду.

— Но разве они не в состоянии разыскать место, где она прыгнула, послать туда водолаза и найти пистолет? Ведь там неглубоко.

— В любом случае ваша жена должна молчать. Она и без того далеко зашла. Я не думал, что так обернется дело, но в нынешней ситуации — это единственный выход.

Если понадобятся ее показания, я дам ей знать об этом. Но помните, что ваша жена поднялась на яхту с Ирвином Фордайсом. Полиция же обнаружила яхту, когда того там уже не было, но на палубе лежал труп Джилли. Они не смогут выдвинуть против вашей жены никаких обвинений, пока не найдут Фордайса и не допросят его.

— А что произойдет, если им удастся это сделать?

— Тогда дело окажется чрезвычайно запутанным, — пояснил Мейсон. — Вам следовало прошлой ночью позвонить мне, а затем в полиции изложить весь рассказ вашей жены о том, как в целях самообороны она выстрелила, не зная точно, убила противника или нет.

— Она уверена, что убила его. Он упал и не двигался. Очевидно, он был сражен наповал. Она...

В этот момент вернулся помощник шерифа и произнес:

— Положение очень сложное. На борту яхты — труп мужчины. Он, вероятно, был убит всего несколько часов назад. Очевидно, пуля попала ему прямо в сердце.

— Это, — вставил Мейсон, — усложняет положение.

Представитель власти подозрительно на него взглянул.

— Странно, — заметил он, — почему владельца похищенной яхты сопровождает один из ведущих адвокатов штата по уголовным делам?

Мейсон усмехнулся.

— Это долгая история, дружище.

— Может быть расскажете?

— Нет.

— Мы добудем необходимые факты. Так или иначе, но мы это сделаем.

— Когда был убит этот мужчина? — прервал его Мейсон.

— Очевидно, несколько часов тому назад, пока еще не ясно. Сейчас я должен сделать донесение шерифу, наложить арест на яхту, затем мы отправимся на пристань, где с помощью технического персонала тщательно осмотрим судно. Предупреждаю вас, что все, что вы потом скажете, может быть использовано против вас.

— Вы уберете яхту отсюда? — спросил Мейсон.

— Мы вынуждены это сделать, — ответил помощник шерифа. — На пристани дактилоскописты, фотографы и эксперты осмотрят тело.

Мейсон хотел что-то сказать, но сдержался.

— Это в вашей власти, — произнес он.

— Может быть, хотите сделать какое-нибудь заявление? — спросил помощник шерифа.

Адвокат отрицательно покачал головой.

— А вы? — обратился помощник к Бэнкрофту.

— Подождем результатов осмотра яхты, — ответил за миллионера Мейсон. — Все происшедшее для нас чересчур неожиданно.

— А мне кажется, — заметил помощник шерифа, — что вы, напротив, очень подготовлены ко всем неожиданностям.

ХІІІ

Только в шесть часов вечера Бэнкрофт и Мейсон вышли из конторы шерифа. Деллу Стрит отпустили через несколько минут после того, как яхта была доставлена к пристани.

Сидя в машине, миллионер вслух предавался своим размышлениям.

— Как вы думаете, они уже допросили мою жену? — спросил он Мейсона.

— Разве вам не понятно, почему они нас так долго держали? Они, безусловно, уже допросили и вашу жену, и вашу падчерицу, и ваших слуг.

— Я очень просил жену не давать никаких показаний. В случае чего заявить, что она будет говорить только в моем присутствии.

— Вам следовало бы позвонить мне вчера вечером, — напомнил ему Мейсон. — Вместо этого вы стали давать жене всякие там советы. По правде говоря, я не доволен всем происшедшим.

— Я вас не понимаю.

— Мне кажется, — пояснил Мейсон, — что вы мне не все рассказали.

После некоторого молчания Бэнкрофт произнес:

— Да, Мейсон, вы вынуждены играть вслепую. Прокуратура попытается обвинить во всем мою жену, но они не смогут ничего доказать, и мне кажется, что они не смогут возбудить дело и против меня. Вы же должны доказать, что никто из нас не имеет никакого отношения к событиям вчерашнего вечера. Пускай полиция попытается сделать невозможное.

— Иногда полиции, — заметил Перри Мейсон, — необычайно везет.

— Я знаю, но мне кажется, что вряд ли с теми фактами, что у них имеются, они смогут что-нибудь доказать. А вот как только у них окажутся отпечатки пальцев Джилли, они сразу же узнают, что он бывший заключенный и, возможно, шантажист.

— И затем свяжут его смерть с письмом шантажистов, обнаруженным в кофейной банке, — заметил адвокат. — Что тогда?

— Тогда, — сказал миллионер, — у них будут только голые факты: наличие трупа шантажиста и подозреваемой женщины, его возможной жертвы. Им, однако, не удастся доказать, что у моей жены или у меня были какие-либо личные контакты с Джилли.

— Что ж, будем надеяться, — произнес Мейсон.

— Обычно, — продолжал миллионер, — когда человек невиновен, он честно и откровенно все рассказывает в полиции. Иногда ему верят, иногда — нет. Если же он виновен, он молчит и дает возможность полиции самой добывать все необходимые факты.

— Ну и что?

— А то, — пояснил Бэнкрофт, — почему бы невиновному не воспользоваться теми лазейками, которые открыты для виновного. Своим молчанием и своей надеждой на то, что они сломают шею, прежде чем добьются каких-либо результатов, мы даем полиции возможность делать шаг за шагом.

— У меня нет выбора, — заметил Мейсон. — Если бы вы позволили мне вчера вечером, когда вернулась домой ваша жена, мы бы выдвинули версию о самозащите, и она была бы достаточно убедительной. Сейчас слишком поздно выдвигать эту версию, если, конечно, ваша жена не пытается кого-то прикрыть. Таково положение.

— Что ж, но все-таки придется ею воспользоваться.

— Хорошо, но я сделаю это только при одном условии, — неожиданно произнес адвокат.

— Каком?

— Если вы мне откровенно расскажете, что в действительности произошло вчера вечером?

— Я же рассказал вам.

— Нет. Вы кое-что опустили. Вы что-то скрыли. Мне же нужно знать правду.

— Вы не сможете защищать нас, если будете все знать.

— Человек всегда имеет право на защиту в суде, — сказал Мейсон, — каковы бы ни были обстоятельства. Мне нужно знать истинные факты.

— Хорошо, — произнес Бэнкрофт. — Я думаю, вам все равно станет о них известно. Насквозь промокшая, моя жена приехала домой и затем рассказала мне следующее: она решила предоставить Ирвину Фордайсу нашу яхту, так как была уверена, что на ней его никто не будет искать, что мы сможем избавиться от него, по крайней мере до свадьбы, и, возможно, даже до тех пор, пока все не утратится.

Филлис приехала к нему домой, привезла его в порт, поднялась с ним на яхту, вновь поехала в город — на этот раз за деньгами, и потом опять вернулась к лодке.

На яхте есть провизия. Мы всегда хранили на ней много консервов, так что без захода в порты на яхте можно было спокойно добираться до Каталины или Энсенады и вести беззаботную жизнь яхтсмена.

— Продолжайте, — сказал Мейсон, когда Бэнкрофт замолчал. — Расскажите мне о том, что произошло.

— После того как Филлис раздобыла деньги и вернулась к яхте, там не было никаких признаков Фордайса. Вместо него на борту

оказался Джилли, который явно собирался убить мою жену. Тогда она выхватила пистолет из сумочки, полагая, что он поднимет руки.

Он же двинулся на нее. В этот момент яхта наскочила на мель. Филлис невольно нажала на курок. Джилли замертво упал у ее ног. Филлис прыгнула за борт, поплыла к берегу, а затем помчалась в машине домой, где и рассказала мне о происшедшем.

И вот тогда-то я совершил ошибку. Она была в истерике. У меня есть сильный наркотик, который я иногда принимаю в случае сильных болей в желудке. Я заставил ее принять это лекарство, чтобы она быстрее заснула. Я сказал ей, что мы обо всем расскажем в полиции утром, когда она почувствует себя лучше.

— Что было потом? — спросил Мейсон.

— Я поехал в порт.

— И поднялись на яхту?

— Дело в том, что яхты не оказалось там, где Филлис ее бросила.

— Что вы намеревались делать потом?

— Я хотел выйти в открытый океан и сбросить там тело Джилли. Вам я ничего не собирался говорить. Никто не смог бы установить связи Джилли с моей женой или со мной лично.

— Итак, вы не нашли вашей яхты?

— Да, она исчезла. Вы же помните, что был прилив, а когда яхта наскочила на мель, был отлив. Прилив снял яхту с мели и вынес ее в открытый океан, но я не смог ее обнаружить из-за сильного тумана. Я был абсолютно беспомощен. Я искал яхту два или три часа, а затем, совершенно изможденный, вернулся домой.

— Хорошо. Я очень рад, — сказал Мейсон, — что вы наконец рассказали мне всю правду, но вы уже сожгли все мосты. Если бы ваша жена сразу же отправилась в полицию, она могла бы там все рассказать. Ее действия рассматривались бы как самозащита. Все звучало бы довольно убедительно.

— А разве она не может этого сделать сейчас? Она же не знала, что у меня было на уме.

— Конечно, — мрачно заметил Мейсон, — поэтому и не говорите мне об этом.

— Ну, хорошо, — произнес Бэнкрофт. — Она все знала. Я ей рассказал о том, что собираюсь сделать, и приказал молчать и ничего не говорить, что бы ни произошло.

— Будем надеяться, что она последует этому совету. Придет время, и она все расскажет, а пока давайте представим это дело так, как будто это работа шантажистов, а ваша жена пожертвовала собой в чьих-то интересах.

А сейчас поезжайте домой. Там вы узнаете, что пока нас держали в конторе шерифа, был подписан ордер на обыск в вашем доме, который уже проведен... В чем дело?

— О боже! — воскликнул Бэнкрофт. — Одежда жены, пропитанная водой!.. Она бросила ее в чулан. Я не подумал об этом.

— А ваша жена? Что она скажет полиции?

— Ничего. Она мне обещала, что в мое отсутствие, что бы ни произошло, даже появление полиции, она не произнесет ни слова.

— Ей придется трудновато, — заметил Мейсон.

— Не беспокойтесь, — заверил его миллионер, — она сделает это.

— А ваша падчерица?

— Она ничего не знает о происшедшем.

— Хорошо. Я поехал в контору. Поезжайте домой. Держите меня постоянно в курсе событий.

XIV

Когда Мейсон вернулся в контору, его уже ждала Делла Стрит:

— Вас ожидают в приемной.

— Кто?

— Человек, которого вы, по-моему, захотите видеть — Джетсон Блэр.

— Тот самый, который собирался жениться на Розене Эндрюс?

Она утвердительно кивнула головой.

— Что он из себя представляет?

— Нормальный парень — чисто выбритый, спокойный, с прекрасными манерами. Вообще даже похож на принца.

— Я смотрю, — заметил Мейсон, — он вас просто очаровал.

— Да. Думаю, подобное же впечатление он произведет и на вас.

— А почему он желает видеть именно меня?

— Он сказал — по сугубо личному делу. Я не стала расспрашивать.

— Хорошо, пусть войдет. Мы сейчас все выясним, а затем сходим куда-нибудь перекусить.

Делла вышла в приемную и возвратилась в сопровождении Джетсона Блэра, высокого, атлетического сложения парня с резкими чертами лица, кудрявыми темными волосами и спокойными глазами.

— Что вас привело ко мне? — спросил Мейсон. — Ведь уже довольно поздно и...

— Знаю, — прервал его Блэр. — Мне даже пришлось вас ждать. Прошу прощения, что появился в столь неудобное и необычное время, но, в конце концов, мое дело тоже необычное.

Мейсон в согласии кивнул головой.

— Присаживайтесь, — произнес он. — Что ж, посмотрим, что мы можем сделать.

— Я достаточно много слышал от различных людей и понял, что к чему.

— Продолжайте.

— Это письмо шантажистов предназначалось Розене. Это была их первая попытка выжать кое-какие деньжата из ситуации, которая могла принести много неприятностей.

— Что это за ситуация?

— Дело в том, что мой брат, Карлетон Блэр, как мне кажется, — жив. Он, вероятно, замешан в делах, которые могут принести немало неприятностей нашей семье.

Поэтому, когда в газетах я увидел сообщение о происшествии на озере Мертисито, связанном с вымогательством, я сразу же сообразил, что к чему.

— Объясните, что вы хотите от меня?

— Дело в том, что я люблю Розену, и она, как мне кажется, тоже любит меня. Я просто хочу, чтобы вы знали, что в нашей семье спокойно отнесутся к тому факту, что один из Блэров — паршивая овца. Шантаж ничего не решает. Я не желаю платить вымогателям только ради того, чтобы пощадить чувства кого-нибудь из членов нашей семьи.

Если Харлоу Бэнкрофт и его жена опасаются, что не смогут пережить подобного скандала, тогда, если понадобится, свадьба будет отложена или помолвка будет расторгнута.

Если же они в состоянии его перенести, то я тоже.

— А члены вашей семьи? — спросил Мейсон.

— У них точно такое же отношение. Шантаж сам по себе ничего не решает и ни к чему не приведет.

— А вас пытались уже шантажировать?

— Не знаю, — задумчиво произнес Джетсон Блэр. — Но кто-то звонил и спросил, что я скажу, если мой брат вдруг окажется жив. Звонок был каким-то загадочным. Я дал уклончивый ответ.

— Назначались ли какие-нибудь суммы? Угрожали вам опубликовать эту информацию? — спросил Мейсон.

— Нет. Ничего подобного. Это был какой-то странный телефонный разговор, который закончился так же неожиданно, как и начался.

— Вы говорили об этом с Розеной?

— Нет. Я хотел увидеть ее, но сперва мне хотелось поговорить с вами. Я хотел сказать вам, что, каково бы ни было положение, я не струшу.

— Почему вы пришли именно ко мне?

— Потому что из разговора с Розеной я понял, что вы защищаете интересы их семьи.

— Почему вы все не рассказали Розене?

— Я хотел это сделать вчера вечером, но не смог с нею встретиться.

— Не смогли? Почему? Где вы искали ее?

— В их городской квартире и на озере.

— И ее там не было?
— Нет.
— А она не говорила вам, что собирается куда-нибудь пойти?
— Нет.
— Вы не знаете, где она была?
— Я звонил ей сегодня днем, мистер Мейсон, и она мне сказала, что произошло что-то ужасное, о чем она сейчас не в состоянии говорить.

— Кстати, — заметил адвокат, — где вы были вчера вечером?
— Сперва я позвонил ей по телефону, затем поехал к ним на дачу, а потом к ним на городскую квартиру.

— Вы были в яхт-клубе?

После некоторого замешательства Блэр посмотрел адвокату прямо в глаза.

— Да, — еле слышно произнес он.

— И что же вы увидели?

— На стоянке у яхт-клуба я увидел машину миссис Бэнкрофт, но безуспешно пытался разыскать ее или их яхту. Я пришел к выводу, что она совершает на яхте прогулку по заливу. Я также подумал, что Розена, видимо, с матерью. Вскоре, путем расспросов, я узнал, что миссис Бэнкрофт была в яхт-клубе с молодым человеком. Я проехал по берегу залива. Когда вернулся, машины Бэнкрофтов уже не было. К этому времени опустился густой туман и ничего не было видно.

— Кто-нибудь был с вами?

— Нет. Я был один.

— Когда вы вернулись домой?

— Довольно поздно.

Мейсон тяжело вздохнул.

— Хорошо, — произнес он утомленным голосом. — Вас, возможно, будут допрашивать в полиции. Не пытайтесь ничего скрывать из того, что вам известно, только ничего не говорите им о своих предположениях. Просто изложите факты.

— В полиции? А какое это имеет к ним отношение? Они будут допрашивать меня в связи с этим шантажом?

— Они будут выяснять, что вы делали вчера вечером, что вам известно и куда вы ездили. Они будут интересоваться всем, что говорили вам члены семьи Бэнкрофтов.

— И что я должен им сказать? — спросил Джетсон Блэр.

— Правду, только молчите о своих выводах. Изложите им голые факты, а заключения пускай они делают сами.

— Полиция занимается этим делом о вымогательстве? — спросил Блэр.

— Нет. Она расследует другое преступление.

— Другое!? Что вы хотите этим сказать? Что, произошло еще что-нибудь?

— Да. Убийство, — произнес адвокат, глядя прямо в глаза молодого человека.

Какое-то мгновение Блэр был в оцепенении. Затем лицо его побледнело.

— Убийство?

— Да, — повторил Мейсон.

— Но кто...? Что...?

— Кто-то вчера вечером на яхте Бэнкрофтов вышел в залив. Яхта какое-то время дрейфовала, а затем бросила якорь у песчаного берега залива. Когда сегодня днем помощник шерифа поднялся на ее палубу, он обнаружил там труп.

— Труп! — воскликнул Блэр. — О боже! Неужели кто-нибудь из Бэнкрофтов! Не...

— Нет, — прервал его Мейсон. — Тело молодого человека. Это оказался парень с преступным прошлым.

— Вы хотите сказать — Карлетон?

— Нет. Кто-то другой.

— Но как его тело оказалось на борту яхты?

— Вот здесь-то и вся загвоздка. Вы сообщили мне информацию, которую считали нужным сообщить; то же сделал и я.

Перри Мейсон поднялся и протянул Блэру руку.

— До свидания. Рад, что вы пришли ко мне.

После долгого колебания молодой человек подал свою руку адвокату. Она была влажной и холодной.

— Всего хорошего, мистер Мейсон, — произнес он и пошел к выходу. Делла Стрит открыла ему дверь, и он вышел с видом человека, делающего первый шаг в камеру смертников.

XV

Утренние газеты пестрели заголовками: «На яхте миллионера обнаружен труп. Предполагают связь убийства с шантажом».

Вся эта история драматическим образом отразилась на семье Бэнкрофтов. Их молчание рассматривалось как желание скрыть причины вымогательства.

Когда Перри Мейсон пришел в контору, Делла Стрит положила перед ним на стол утренние газеты.

— А пресса неплохо действует, — заметила она. — В полиции пока никого из Бэнкрофтов не связывают напрямую с убийством, но их молчание связывают с делом о шантаже.

— Так, — произнес адвокат.

— Да, вас в приемной уже пятнадцать минут ожидает мистер Бэнкрофт.

— Пусть войдет. Посмотрим, что он скажет нового.

По лицу миллионера было видно, что он провел бессонную ночь. Лицо его было серым от усталости, под глазами — мешки.

— Тяжело? — спросил Мейсон.

— Да, — ответил Бэнкрофт. — К счастью, жена оказалась настоящей артисткой. Она заявила, что будет отвечать на вопросы только в присутствии мужа и его адвоката.

— А вы?

— Я заявил то же самое.

— Как вы объяснили причины вашего молчания?

— Я просто сказал, что есть вещи, которые мы не собираемся обсуждать в настоящее время, что в нужное время и в нужном месте мы это сделаем.

— Хорошо. Теперь нужно браться за дело.

— Что необходимо сделать?

— Мы должны найти пистолет.

— Вы что, с ума сошли! — воскликнул Бэнкрофт. — Это вещественное доказательство, которое ни в коем случае не должно попасть в руки полиции! Пистолет ведь зарегистрирован на мое имя, и если баллистическая экспертиза покажет, что из него совершен выстрел...

— Успокойтесь. Я же не сказал, что мы должны достать пистолет, мы должны найти его.

— Вы хотите сказать — разыскать и...

— Да, и оставить на месте. Так сказать, на «холодном хранении».

— Как вы собираетесь это сделать?

— Я думаю взять морскую карту, — пояснил Мейсон, — и установить точное местонахождение яхты в злополучную ночь. Поль Дрейк выедет на место с водолазом, который исследует дно.

— И если он найдет пистолет и сумочку?..

— Он не произнесет ни слова. По крайней мере, до тех пор, пока я ему не разрешу это сделать.

— Разве он не должен об этом поставить в известность полицию?

— Он не будет знать, для чего это делается. Он просто исследует дно залива в том месте.

— Но нам-то известно, что эти вещи там, — заметил Бэнкрофт. — Следовательно, не нужно этого подтверждать.

Мейсон спокойно на него взглянул.

— Вам об этом сказала ваша жена, а мне нужно быть в этом уверенным.

— Вы сомневаетесь в ее словах?

— Когда я занимаюсь делом об убийстве, я сомневаюсь во всем и во всех — даже в вас.

— Но, — запротестовал миллионер, — почему вам необходимо знать, что пистолет и сумочка именно там?

— Потому, — пояснил адвокат, — что, если вашей жене придется давать показания в суде, мы потребуем от шерифа послать на ука-

занное место водолаза и найти предметы, подтверждающие ее слова.

— Тогда мы это и сделаем.

— Нет. Если я выдвину подобное требование, и водолаз там ничего не обнаружит, считайте, что вашу жену уже приговорили к смерти.

— Но уверяю вас, что они там. Они должны там быть! Филлис прыгнула в воду, сумочка соскользнула с ее руки. Она абсолютно уверена, где прыгнула, и...

— Она ничего не скажет на суде, если, конечно, ее не заставят. Если же ее вынудят давать показания, я должен быть уверен, что смогу их подтвердить фактами.

— Но когда они найдут пистолет... Разве вы не понимаете, Мейсон, что он зарегистрирован на мое имя, и экспертиза докажет, что фатальный выстрел был произведен из него. Это прямо указывает на Филлис.

— Или на вас, — добавил Мейсон.

Бэнкрофт задумался, а затем произнес:

— Сколько времени понадобится Дрейку для этих поисков?

— Это будет сделано сегодня вечером, под прикрытием темноты, но мне нужна карта, с указанием точного расположения яхты в тот момент, когда ваша жена прыгнула за борт.

Бэнкрофт неожиданно вздохнул свободнее.

— Вам она понадобится вечером?

— Нет, значительно раньше. Дрейк не может вести розыск ночью.

— Хорошо, — сказал Бэнкрофт, — она у вас будет.

XVI

Примерно около полудня в контору адвоката Мейсона заявился Поль Дрейк.

— Полиция закопалась по уши, — произнес он. — Там даже не знают, с чего начать.

— А что им удалось узнать? — спросил Мейсон.

— Во-первых, отпечатки пальцев Уилмера Джилли им, безусловно, кое-что дали. Выяснилось, что это мелкий мошенник, вор, который был некогда осужден, никогда не привлекался за вымогательство, но мог легко заняться и этим.

Затем они обыскали комнату Джилли. Как вы думаете, что они там нашли?

— Портативную печатную машинку марки «Монарх», — сказал Мейсон.

— Да, и экспертиза показала, что письмо шантажистов было отпечатано на ней. Так что сейчас они связывают это письмо с Бэнкрофтами, а тех — с Джилли. Им удалось выяснить и еще кое-что.

— Что именно?

— Что в тот день, ранним вечером, миссис Бэнкрофт была в яхт-клубе вместе с Джилли.

— Стоп! — воскликнул Мейсон. — Не с Джилли, а с другим человеком!

— Сторож клуба опознал фотографию Джилли. Его собираются отвезти в морг для опознания трупа.

Мейсон нахмурился.

— Это разрушает ваши планы? — спросил Дрейк.

— Да. Миссис Бэнкрофт, возможно, и была на пристани с молодым человеком, но это был не Джилли... Надо сделать следующее, Поль. Некий человек по имени Ирвин Фордайс отбыл срок в тюрьме «Сан-Квентин». Раздобудь его фотографии и покажи их сторожу в яхт-клубе и спроси его, не был ли, случайно, этот человек с миссис Бэнкрофт.

— Но сторож уже дал конкретные показания, — заметил Дрейк.

— Что говорят о времени смерти? — хмуро произнес адвокат.

— Она наступила в девять часов вечера.

— Вот как? Они не могут точно установить час, поскольку тело было обнаружено только примерно восемнадцать часов спустя.

— Они произвели исследование желудка Джилли. Вечером, в день убийства, он ел бобы, которые сам разогрел дома на плите. Он, видимо, сильно торопился, поэтому и не убрал после себя. Часть бобов осталась в консервной банке, часть на сковородке, которую он не вымыл. По степени переваренности пищи в желудке удалось установить время смерти. При этом также учитывались температура тела, степень трупного окоченения и прочие посмертные изменения.

— Нашли орудие убийства?

— Нет, но они уверены, что это дело рук кого-нибудь из Бэнкрофтов. Харлоу Бэнкрофту было выдано разрешение на револьвер 38 калибра, который, похоже, исчез.

— Пока они не найдут этого пистолета и не докажут, что выстрел произведен из него, они не смогут обвинить Бэнкрофтов в убийстве, — заметил Мейсон, — и доказать их связь с Джилли. Человек же в яхт-клубе ошибается. Принимайся за дело немедленно, Поль. Достань фотографии Ирвина Фордайса и займись сторожем в клубе. Нужно опровергнуть его показания, иначе нам придется плохо.

— Боюсь, нам не удастся это сделать.

— Посмотрим. Мне также нужен аквалангист-любитель, энтузиаст, человек, на которого можно положиться. Я хочу, чтобы он проделал кое-какую работу.

— У меня есть такой человек, — задумчиво произнес Дрейк. — Он с женой по воскресеньям...

— Задействуй их, — прервал его Мейсон.

— Когда?

— Немедленно.

Дрейк тревожно взглянул на адвоката.

— Вы хотите, чтобы они нашли какие-то вещественные доказательства, Мейсон?

— Им не придется делать ничего противозаконного, так что пусть это вас не беспокоит.

— Хорошо. Мы сделаем все, что в наших силах.

Как только Дрейк покинул контору, адвокат повернулся к секретарше.

— Поезжайте в банк, Делла, и снимите с моего счета еще три тысячи долларов в пятидесяти- и стадолларовых банкнотах. Пусть банкир запишет их номера.

— Их безусловно заинтересует, — заметила Делла, — что происходит, почему мы второй раз снимаем три тысячи долларов и почему каждый раз просим записать номера банкнот.

— Я знаю, но когда дело касается борьбы за жизнь, все методы хороши. Постарайтесь, чтобы они не очень этим заинтересовались, и никаких разговоров — ни с полицией, ни с кем бы там ни было. Только получите деньги.

Через тридцать минут она возвратилась с деньгами, а через час сообщила:

— В конторе мистер и миссис Чемберс, аквалангисты, работающие у Поля.

— Пусть войдут, — сказал Мейсон.

В кабинет вошла молодая чета.

— Добрый день, мистер Мейсон, — произнес молодой человек. Я Данстон Чемберс, а это Лорэн, моя жена. Насколько мне известно, вы хотите, чтобы мы что-то сделали.

Адвокат окинул их взглядом. Молодые люди прямо-таки излучали здоровье и энергию.

— Похоже, ваше увлечение идет вам на пользу, — заметил Мейсон.

Они усмехнулись.

— Да.

— Мне необходимо провести кое-какие подводные работы, но так, чтобы я был уверен, что это останется между нами.

— Где?

— В заливе.

— Насколько я знаю, — заметил Чемберс, — там произошло убийство.

— Вы совершенно правы.

— Это имеет какое-нибудь отношение к нему?

— Да.

— А нас это не затронет?

— Нет.

- Хорошо, тогда мы готовы, — ответил Чемберс.
- Нам нужно только переодеться, — заметила его жена. — Это нельзя сделать в открытой лодке.
- Вы ныряете по воскресеньям?
- Да.
- Как же вы тогда переодеваетесь?
- У нашего друга есть шхуна и...
- Он одолжит ее?
- Конечно... Я уверен.
- Если вы воспользуетесь этим судном, сможете ли вы провести свою работу так, чтобы никто не знал об этом?
- Знать об этом, конечно, будут, но не будут знать, что мы ищем. А если над водой будет туман, как сейчас, вообще никто ничего не узнает.
- Хорошо. Поторопитесь. Постарайтесь ничего не забыть. Где ваше снаряжение?
- В багажнике машины.
- Ну что ж, — усмехнулся Мейсон. — Следует поторопиться, пока над заливом туман.

XVII

- Туман толстым покрывалом окутал поверхность воды.
- Почти ничего не видно, мистер Мейсон, — заметил Чемберс, стоявший за штурвалом небольшой шхуны.
 - Тем лучше, — произнес адвокат.
 - Где остановиться?
 - У топливного причала. Пока я буду ставить там шхуну, вы прыгните за борт. Нужно тщательно исследовать дно. Начнете в 50 футах от причала, а затем будете медленно двигаться к берегу.
 - Если найдете что-нибудь интересное, поднимайтесь наверх и сообщите мне об этом. Только ничего не трогайте.
 - Хорошо, — сказал Чемберс. — Если возьмете управление шхуной на себя, я спущусь вниз, и мы с Лорэн переоденемся.
 - Мейсон встал за руль, а Чемберс нырнул в кабину. Адвокат без труда подвел шхуну к причалу.
 - Вам нужен бензин? — спросил служащий причала.
 - Да, и, кроме того, я хочу здесь остановиться ненадолго. Я вам заплачу за бензин и еще двадцать долларов сверху, если вы оставите шланг в баке, как будто мы продолжаем заправляться.
 - А зачем?
 - Мне нужно кое-что выяснить, но так, чтобы никто ничего не знал.
 - Хорошо. Не думаю, что в таком тумане к причалу подойдут заправляться другие лодки.
 - Прекрасно. Только помните, никому ни слова.

— Молчу, — усмехнулся служащий причала.

Вскоре на палубе появились Данстон и Лорэн Чемберс. За спиной у них были акваланги. Они надели маски и прыгнули в воду.

Десять минут спустя появился Данстон. Он поднялся на шхуну, снял маску и, обращаясь к Мейсону, сказал:

— Там, на дне, дамская сумочка.

— Что-нибудь еще? — спросил адвокат.

— Это единственное, что мы нашли.

— Вы открывали сумочку?

— Нет, побоялись, что из нее что-нибудь выпадет.

— Принесите сумочку сюда. Пусть ваша жена будет внизу, чтобы знать ее точное местонахождение. Я хочу посмотреть содержимое сумочки и положить ее обратно на место.

Чемберс после некоторого колебания произнес:

— Хорошо. Приказ есть приказ.

Он вновь прыгнул в воду и вскоре вернулся с сумочкой.

— Что ж, посмотрим ее содержимое, — сказал Мейсон и открыл сумочку.

— О боже, сколько денег! — воскликнул Чемберс.

— Да, — подтвердил адвокат. — А это что? Так, водительские права. Это...

Мейсон быстро отстранил рукой аквалангиста.

— Не обижайтесь, — сказал он, — но вам следует видеть только то, что я вам покажу. А теперь смотрите внимательнее: я вынимаю эти деньги и вместо них кладу другие банкноты.

Адвокат вынул из кармана пачку пятидесяти- и столлларовых банкнот, положил их в сумочку и закрыл ее.

— Теперь, — сказал он, обращаясь к аквалангисту, — положите сумочку на место и посмотрите, нет ли поблизости еще чего-нибудь. Какое дно залива в этом месте? Глина или песок?

— В основном, песок.

— Хорошо. Когда тщательно все обследуете, поднимайтесь вверх.

— А сумочку оставить там?

— Да.

— Со всеми деньгами?

— Да. Только не забудьте выжать из нее весь воздух, чтобы не унесло течением.

— Сумочка достаточно тяжелая. В ней губная помада, ключи, пудреница, возможно еще что-нибудь, так что она не утлывет.

— Прекрасно.

— А затем что делать?

— Когда вы исследуете все дно залива и увидите, что там ничего интересного нет, подымайтесь вверх.

Пятнадцать минут спустя Чемберсы вернулись на шхуну.

— Все в порядке? — спросил Мейсон.

— Да.

— Прекрасно. Спускайтесь вниз и переодевайтесь.

Мейсон пошел на пристань, вручил служащему деньги за бензин, добавил к ним еще двадцать долларов:

— Огромное спасибо. Все в порядке?

— Можете быть спокойны, — ответил служащий. — Я могу молчать на шестнадцати языках, за исключением скандинавских.

— Вам какое-то время придется это делать только по-английски, — произнес с усмешкой адвокат.

XVIII

В четыре тридцать Бэнкрофт был вновь в конторе Мейсона.

— Вот, — сказал он, — карта, на которой показано точное расположение яхты в момент, когда моя жена прыгнула за борт. Здесь вот, причал. А здесь — топливный причал. Примерно в 30—40 футах от него якорь за что-то зацепился. Лодку немного толкнуло в сторону, а затем она поплыла. Был прилив. Именно в этот момент Филлис прыгнула в воду...

— В какую сторону? — спросил Мейсон.

— В сторону причала.

— Хорошо. Теперь запомните следующее: она не должна отвечать ни на какие вопросы. Она должна заявить, что на них ответит ее адвокат.

— Вот именно об этом я и хотел поговорить с вами, — заметил Бэнкрофт. — Как пишут газеты, это худший способ получить поддержку общества. Это наводит каждого на мысль, что она виновна.

— Знаю. Журналистам платят за то, что они пишут и публикуют. Им нужна сенсация. Ради этого они используют любые аргументы.

— Но они логичны, Мейсон.

— Безусловно. Нельзя спорить с логикой.

— Тогда непонятно, почему сейчас она должна молчать?

— Потому, — подчеркнул адвокат, — что если мы не будем осторожны, ей придется столкнуться с очень неприятной комбинацией фактов. Не забывайте, что сторож яхт-клуба собирается давать показания, согласно которым ваша жена вечером в день убийства приехала на пристань с Уилмером Джилли и вместе с ним поднялась на борт яхты!

— Что?! — воскликнул Бэнкрофт.

— Это факт.

— Но он сошел с ума. Это был Ирвин Фордайс!

— А где он сейчас?

— Не знаю, и никто не знает.

— Вот именно, а этот сторож уже опознал Джилли и...

— Он не мог этого сделать, — прервал адвоката Бэнкрофт. — Кого вы имеете в виду? Этого близорукого... как его... Дрю Кёрби?

— Я не знаю его имени. Он сторож яхт-клуба.

— Тогда это он. Это старая... Но это непостижимо!

— Может быть, но он дал такие показания. Так что теперь вам с женой придется делать то, что я скажу. Ваша жена должна молчать, пока я ей не разрешу говорить. Возможно, это произойдет при очень драматических обстоятельствах. Затем мы потребуем послать на место происшествия водолазов и найти там сумочку и пистолет.

— Вы думаете... А если течение отнесло их в сторону?

— Не думаю. Течение небольшое, ветра нет и...

— Вы делаете сложный ход.

— Да, — мрачно согласился Мейсон. — Играть нужно так, чтобы это было в наших интересах, и только в наших.

— Хорошо, Мейсон. Полностью полагаюсь на ваш опыт. Более я сделать ничего не могу.

— Да, это верно, — согласился адвокат.

XIX

Судья Коул Хобарт призвал зал к порядку.

— Слушается дело Филлис Бэнкрофт, — объявил он. — Обвинение представляют Робли Хастинг, прокурор округа, и Тёрнер Гарфилд, его заместитель; защиту — мистер Перри Мейсон.

Господа, вы готовы к предварительному слушанию дела?

— Обвинение готово, — произнес Хастинг.

— Защита готова, — сказал Мейсон.

— Прекрасно, — объявил судья Хобарт, — тогда начнем. Обращаю ваше внимание на тот факт, что этот судебный процесс привлёк огромное внимание общественности, поэтому попрошу тишины в зале и никаких нарушений.

Предварительное слушание дела вел Тёрнер Гарфилд. Он вызвал в качестве свидетеля топографа, который представил суду карту штата, аэрофотографии залива и яхт-клуба и карту автомобильных дорог штата, показывающую расстояние между различными пунктами.

— Ведите допрос, — обратился Гарфилд к Мейсону.

— Здесь представлены самые разнообразные карты, — сказал Мейсон, обращаясь к топографу, — но не все. Одной из них нет.

— Какой именно?

— Геодезической карты береговой линии залива.

— Я не думал, что она может понадобиться, так как разнообразные карты, представленные здесь, и так точны, а аэрофотоснимки дают представление о береговой линии и границах порта. На той же

карте, кроме того, есть различные цифры, показывающие глубину залива. Я подумал, что это может только помешать.

— Почему?

— Потому что цифры не имеют никакого отношения к делу.

— Геодезическая карта при вас?

— Нет.

— Тогда я предъявляю вам подобную карту, — сказал адвокат. — Скажите, она вам знакома?

— Да, конечно.

— Это официальная карта, изданная правительством?

— Да.

— Скажите, она используется в навигации?

— Да.

— Я хочу, чтобы эта карта была приложена к делу как вещественное доказательство защиты номер один, — заявил Мейсон.

— Возражений нет, — произнес Тернер Гарфилд, — так как защита имеет право воспользоваться любой статистической информацией.

Следующим в качестве свидетеля был вызван шериф округа Лос-Анжелес.

— Шериф, — обратился к нему Гарфилд, — предъявляю вам фотографию — одно из вещественных доказательств обвинения. На ней тело человека, обнаруженного на яхте «Жинеса». Она вам знакома?

— Да.

— Вы видели человека, изображенного на ней?

— Несколько раз.

— Живым или мертвым?

— И живым и мертвым.

— Предпринимались ли вами какие-нибудь другие попытки установить личность покойного?

— Да.

— Каким образом?

— По отпечаткам пальцев.

— И вы можете сказать, кто это?

— Уилмер Джилли.

— Задавайте вопросы, — сказал Гарфилд адвокату Мейсону.

— Как вы устанавливаете личность по отпечаткам пальцев? — спросил он шерифа.

— На основе архивных дел ФБР.

— Следовательно, Джилли был на учете в полиции?

— Протестую против подобного ведения допроса как некомпетентном и не относящимся к делу, — вмешался Робли Хастингс, прокурор округа.

— Протест обвинения отклоняется, — заявил судья Хобарт. — Суд правомочен допрашивать свидетеля по всем вопросам, имею-

щим отношение к отпечаткам пальцев, то есть как они добыты и какие связаны с ними события. Суд дает защите самые большие возможности для ведения допроса. Отвечайте на вопрос, шериф.

— Да. Это был человек с преступным прошлым.

— Был ли он осужден?

— Да.

— За что?

— За кражу автомобиля и подлог.

— Он, случайно, не привлекался по каким-нибудь другим делам?

— Я вновь протестую... — воскликнул прокурор округа.

— Протест отклоняется, — отрезал судья Хобарт. — Шериф признал, что видел покойного при его жизни несколько раз. Суд, безусловно, имеет право допрашивать его по всем вопросам, имеющим к этому отношение.

— Но тогда, — настаивал Хастингс, — свидетеля можно обвинить в том, что он имел связь с преступником, которого не арестовал и не обвинил в преступлении, а затем либо отпустил, либо прекратил расследование.

— Суду необходимо восстановить весь ход событий, но, поскольку ответ и так ясен, я принимаю протест обвинения, — промолвил судья Хобарт.

— Чтобы не было неясностей, — заявил Мейсон, — поставлю вопрос следующим образом: шериф, при жизни покойного вы встречались с ним, когда он находился под арестом?

— Да.

— И навещали его, как официальный представитель?

— Да.

— Вы когда-нибудь, лично сами, подвергали его аресту?

— Только один раз.

— В чем он тогда обвинялся?

— Протестую против неправомерного, несущественного и неправильного ведения допроса, — вновь вмешался Хастингс.

— Протест обвинения принимается, — объявил судья Хобарт.

— Других вопросов нет, — сказал Мейсон.

Робби Хастингс, сделав несколько драматический жест рукой, объявил:

— Для дачи свидетельских показаний вызывается Дрю Кёрби.

Кёрби оказался медлительным, седеющим человеком примерно пятидесяти лет, с водянистыми голубыми глазами и с очень смуглым цветом лица, — результатом постоянного загара.

— Где вы работаете? — спросил его Хастингс.

— В яхт-клубе «Блю Скай».

— Сколько лет вы там работаете?

— Четыре года.

— В чем заключаются ваши обязанности?

- Я и подсобный рабочий, и сторож, отвечаю за сохранность оборудования и личных вещей членов клуба.
- Вы работали десятого числа сего месяца?
- Да, сэр.
- Я предъявляю вам фотографию Уилмера Джилли. Вы когда-нибудь его видели?
- Да, сэр.
- Живым или мертвым?
- И живым и мертвым.
- Чтобы вам было легче вспомнить, скажите, когда вы его видели в первый раз?
- Десятого, примерно часов в семь вечера.
- Где?
- В яхт-клубе.
- С кем он был?
- С миссис Бэнкрофт.
- Вы имеете в виду обвиняемую, Филлис Бэнкрофт, сидящую слева от Перри Мейсона?
- Да, сэр.
- А где была она?
- На причале.
- Что она делала?
- Она садилась в шлюпку, которая всегда привязана к «Жинесе», яхте Бэнкрофтов.
- Вы видели, как она разговаривала с Джилли?
- Да.
- Что затем произошло?
- Она отвезла его на яхту.
- Минут десять они пробыли на яхте, я точно не знаю, так как не видел их после того, как они поднялись на «Жинесу». Затем я видел, как миссис Бэнкрофт возвращалась в шлюпке обратно.
- Одна?
- Да, сэр.
- Так. Затем что?
- Она привязала шлюпку к причалу и куда-то поехала, а потом, примерно через час, вернулась назад.
- Что она затем сделала?
- Села в шлюпку и поплыла к яхте.
- А затем что произошло?
- Не знаю, сэр. Я был какое-то время занят. Опустился очень густой туман. Ничего не было видно. Я хочу сказать, что мне было совершенно не видно, что происходило на воде.
- Но вы видели яхту «Жинеса»?
- Нет, сэр.
- Что вы делали?
- Был занят делами по службе.

- Когда развеялся туман?
- В тот день этого не произошло. Он установился надолго.
- Но это должно было когда-то произойти? — раздраженно спросил Хастингс.
- Конечно, но он развеялся только на следующий день.
- Когда вы вновь увидели яхту Бэнкрофтов?
- Я ее больше не видел. Она исчезла.
- Вы ее больше не видели?
- Нет, почему, но... Это произошло на следующий день в четвере тридцать дня, когда они привезли ее обратно.
- Кого вы имеете в виду?
- Шерифа с помощниками.
- Как ее привезли?
- Она была привязана к другой лодке.
- Какой?
- К катеру береговой охраны.
- Что они сделали с яхтой?
- Они пришвартовали ее к пристани, а затем на ней появилось множество фотографов и полицейских.
- Вы видели Уилмера Джилли после его смерти?
- Да, сэр.
- Где?
- В морге округа.
- Вас отвозили туда на опознание?
- Да, сэр.
- Можете вести допрос, — сказал Хастингс Перри Мейсону.
- Мейсон подошел к свидетелю, окинул его доброжелательным взглядом и просто спросил:
- На фотографии вы узнали Уилмера Джилли?
- Да.
- Когда вы видели его фотографию в первый раз?
- Я видел его самого.
- Знаю. Меня интересует, когда в первый раз видели фотографию Джилли?
- Ну, когда они появились... Кажется, это было... Да, это было одиннадцатого, в девять часов вечера.
- Через сколько это было часов, после того как пришвартовали яхту?
- Точно не знаю. Наверное, через четыре-пять часов.
- Кто показал вам фотографию?
- Шериф.
- Он спрашивал вас, видели ли вы этого человека прежде?
- Да, что-то в этом роде.
- Шериф, случайно, не интересовался, был ли этот человек с миссис Бэнкрофт вечером, в день убийства, и не видели ли вы как он отвозил ее к яхте?

— Да, по-моему, что-то в этом роде.
— Вы помните точные слова шерифа?
— Нет. Он показал мне фотографию и сказал, что, возможно, я видел этого человека.

— И вы согласились с ним?
— Да.
— Это было до вашей поездки в морг?
— Да.
— Когда вы туда ездили?
— Вечером двенадцатого.
— Сколько раз до этой поездки вы видели фотографию Джилли?

— Несколько раз.
— А точнее?
— Не знаю, несколько раз.
— У вас был дубликат фотографии?
— Да.
— Кто вам дал ее?
— Шериф.
— И шериф оставил вам фотографию и просил тщательно ее изучить?

— Да, но сделал он это утром следующего дня.
— И фотография была у вас весь день?
— Да.
— А затем вас отвезли в морг?
— Да.

Мейсон в задумчивости посмотрел на Кёрби.

— Вы были в очках, когда смотрели фотографию?
— Конечно.
— А где сейчас ваши очки?
Свидетель машинально сунул руку в карман и произнес:
— Я оставил их в своей комнате.
— Но, когда одиннадцатого и двенадцатого вы рассматривали фотографию, вы были в них?

— Да.
— Вы лучше видите в очках?
— Естественно.
— Могли бы вы опознать человека на фотографии без очков?
— Не знаю. Вряд ли.
— Как же в суде вы делали опознание без очков?
— Я знал, кто на фотографии.
— Откуда?
— Как! Это должна была быть фотография убитого.
— Почему «должна была быть»?
— Как! А разве это не она?

— Я спрашиваю вас, — сказал Мейсон. — Вам известен человек, изображенный на фотографии?

— Да. Я же произнес клятву!

— И вы видите без очков?

— Да.

Мейсон подошел к столу судьи, взял фотографию, вынул из кармана другую фотографию, сравнил их, а затем, повернувшись к свидетелю, произнес:

— Посмотрите внимательно на эту фотографию. Вы абсолютно уверены, что с обвиняемой вечером десятого был именно этот человек?

— Да.

— Пойдите, — вмешался Хастингс. — У адвоката — две фотографии, одну из них он незаметно вынул из кармана.

— Хорошо, — сказал Мейсон. — Я покажу свидетелю обе фотографии. Свидетель, скажите, пожалуйста, на них изображен один и тот же человек?

— Да.

— Разрешите мне взглянуть на другую фотографию, — потребовал Хастингс.

— Пожалуйста, — произнес адвокат Мейсон и протянул прокурору округа обе фотографии.

— Но, — заявил тот, — это не честно по отношению к свидетелю. Ведь это различные фотографии.

— Вы видите какую-нибудь разницу в этих фотографиях, мистер Кёрби?

Свидетель прищурился, вновь взглянул на фотографии и произнес:

— Для меня они одинаковы. Я плохо вижу без очков.

— Вы все время их носите?

— Конечно.

— Почему же у вас их нет сегодня?

— Я оставил их в клубе, в своей комнате.

— Кто-нибудь посоветовал вам сделать это?

— Прокурор округа.

— Видимо, потому, — заметил Мейсон, — что вечером десятого вы были без них, не так ли?

— Нельзя же все время быть в очках, тем более что сиделся туман. Лучше их совсем снять. Так и лучше видно и не нужно постоянно их протирать.

— Вы были без очков, когда увидели Джилли в первый раз?

— Да.

А сейчас, если суд позволит, я хотел бы предъявить вторую фотографию для опознания, а затем приобщить ее к вещественным доказательствам защиты под номером два.

— Принимается, — объявил судья Хобарт.

— Протестую против такого ведения допроса, — заявил Хастингс. — Обращаю внимание суда на то, что это старые трюки адвоката.

Адвокат Мейсон с улыбкой взглянул на судью Хобарта.

— Ваша честь, не я советовал свидетелю оставить очки в яхт-клубе. Он опознал на фотографии, представленной обвинением, Уилмера Джилли как человека, бывшего с обвиняемой в яхт-клубе вечером десятого. Я показал ему две различные фотографии и спросил, не изображен ли на них один и тот же человек. Он признал это.

— Протокол говорит сам за себя, — объявил судья Хобарт. — Вторая фотография может быть приобщена к делу как вещественное доказательство защиты номер два.

— Я прекрасно вижу без очков, — возразил Кёрби. — Я не ношу их все время, особенно по вечерам, когда работаю на берегу.

— Понимаю, — сказал Мейсон. — Когда стекла постоянно запотевают это довольно неприятно.

— Конечно.

— Благодарю вас, — сказал Мейсон. — У защиты больше нет вопросов к свидетелю.

— Вызывается следующий свидетель, — объявил судья Хобарт.

— Вызывается мистер Джуит, шериф округа Оранж, — объявил Хастингс.

Шериф Джуит сказал, что от своего помощника получил сообщение о том, что в южной части залива на мель наскочила яхта и что на ней обнаружено тело убитого человека. Шериф заявил, что он прибыл на место происшествия в четыре часа дня, осмотрел яхту и тело, что с помощью катера береговой охраны яхту пришвартовали у пристани яхт-клуба «Блю Скай», где ее и осмотрели, сделали фотографии Уилмера Джилли, лежавшего лицом вниз с пулевым отверстием в груди, а затем тело перевезли в морг округа, где произвели его вскрытие и извлекли пулю, которую отправили на экспертизу, и что данная пуля предъявлена суду.

— Вы опознали тело? — спросил Хастингс.

— Да, сэр. Это был Уилмер Джилли.

— Вы узнали, где жил умерший?

— В «Аджакс-Делси». Это меблированные комнаты. В каждой из них есть кухонные принадлежности.

— Вы осмотрели комнату покойного?

— Да.

— И что нашли?

В ящике стола мы нашли алюминиевую сковородку, на которой явно подогревали бобы. Хотя она была пуста, на ней все-таки остались следы бобов. На столе лежала буханка хлеба.

— Эти снимки делались под вашим наблюдением?

— Да, сэр.

— Мы просим приобщить их к делу и дать им соответствующий номер, — заявил Хастингс.

— Возражений нет, — произнес Мейсон.

— Тогда, — сказал прокурор округа, — обратимся к так называемой «роковой» пуле, представленной суду. Какого она калибра, мистер Джуит?

— 38-го.

— По следам, оставленным ею, можете ли вы сказать, из какого оружия был произведен выстрел?

— Из револьвера системы «Смит и Вессон».

— Шериф, вы спрашивали обвиняемую, известен ли ей револьвер этой марки?

— Да.

— И каков был ее ответ?

— Она заявила, что ничего не скажет, что в нужное время и в нужном месте она все расскажет, а пока не получит соответствующих указаний, не произнесет ни слова.

— Вы спрашивали о пистолете ее мужа, Харлоу Бэнкрофта?

— Да.

— И что он сказал?

— Он ответил то же самое.

— Вы проверяли в отделе регистрации огнестрельного оружия: есть ли у него пистолет?

— Да.

— И каков результат?

— Пятнадцатого июня прошлого года Харлоу Бэнкрофт купил револьвер «Смит и Вессон» 38-го калибра. Его регистрационный номер 133347.

— Вы просили его предъявить вам оружие?

— Да.

— Что он сказал?

— Он ответил, что револьвера у него нет.

— Он объяснил, почему?

— Нет, сэр.

— Вы нашли что-нибудь под кроватью убитого?

— Да, сэр.

— Что именно?

— Портативную машинку марки «Монарх».

— Вы осмотрели ее?

— Да, и на отдельном листе бумаги отпечатали все буквы.

— А теперь, шериф, взгляните на это письмо. В нем выдвигается требование вложить три тысячи долларов в красную банку из-под кофе согласно инструкциям, полученным по телефону. Вам оно знакомо?

— Да, сэр.

— Когда вы увидели его в первый раз?

— Мне вручил его спасатель, работающий на пляже озера Мер-тисито. Он сказал, что это письмо он получил от молодой...

— Не имеет никакого значения, что он сказал, — спешно прервал свидетеля Хастингс. — Меня интересует, провели ли вы сравнение букв этого письма с шрифтом машинки, найденной в комнате убитого?

— Конечно.

— И каков результат?

— Судя по шрифту и наклонам букв, так называемое «письмо шантажистов» было, вне всяких сомнений, отпечатано на машинке, найденной под кроватью Уилмера Джилли.

— Вернемся к роковой пуле, — спросил Хастингс, — вы сравнивали ее с другими?

— Да, сэр.

— Как вы это сделали?

— У Харлоу Бэнкрофта в горах, в тридцати милях от Сан-Бернардино, есть вилла. Мы произвели ее тщательный осмотр и в глубине двора обнаружили мишень. Была произведена экспертиза найденных там пуль и выяснилось, что при выстрелах использовались пули 22 и 38-го калибров.

— У вас в управлении есть микроскоп?

— Да, сэр.

— Вы воспользовались им для сравнения с пулями, найденными на вилле?

— Да, конечно.

— И каков результат?

— Оказалось, что все выстрелы были сделаны из одного и того же оружия. Вот эти фотографии подтверждают наши заключения. Роковая пуля изображена на них в верхней части, а внизу — пули, найденные на вилле в горах.

— Мы просим суд приложить эти снимки к вещественным доказательствам обвинения, — заявил Хастингс.

— Возражений нет, — произнес Мейсон.

Хастингс повернулся к адвокату и с улыбкой победителя спросил:

— Будете вести допрос?

— О, — ответил Мейсон спокойным голосом, — у меня только несколько вопросов к свидетелю.

— Вы заявили, — сказал адвокат шерифу, — что так называемое «письмо шантажистов» было отпечатано на портативной машинке «Монарх», найденной в комнате убитого?

— Да, сэр.

— Все письмо было отпечатано на ней?

— Не могу утверждать этого относительно каждого слова и каждой буквы, потому что я не эксперт в этой области, но простое

сравнение шрифтов показало, что письмо было отпечатано именно на ней.

— Когда, в каком часу вы прибыли на яхту «Жинеса»? Лично вы? — спросил свидетеля Мейсон.

— В три часа пятьдесят пять минут дня, — ответил шериф.

— Но до этого вам позвонили по телефону?

— Да, сэр.

— И вы сразу же поехали на то место, где была обнаружена яхта?

— Да, сэр.

— Яхта была на мели?

Шериф в задумчивости почесал подбородок.

— Откровенно говоря, — признался он, — точно не знаю. Думаю, что, когда ее обнаружили, она была на мели, но она была уже на плаву, когда прибыл я. Как раз тогда, насколько я помню, был прилив.

— Яхта была на якоре?

— Да.

— Куда вы переправили яхту?

— К причалу, где можно было ее нужным образом осмотреть.

— Вы знаете **точное** место, где была обнаружена яхта?

— Нет, только приблизительно. Она была примерно в трехстах пятидесяти ярдах* от...

— Вы измеряли расстояние? — прервал его Мейсон.

— Нет.

— Значит, это только ваше предположение?

— Да.

— Сколько времени она находилась на том месте?

— Не знаю. Она, **вероятно**, дрейфовала во время прилива, который начался предшествующей ночью.

— На чем основано ваше предположение, шериф?

— Нам почти что точно известно время смерти Джилли. Его видели на автостоянке у клуба, видели и как его везли на яхту. Дома он ел консервированные бобы. Смерть наступила примерно в течение двух часов после последнего принятия пищи. Яхта, очевидно, все это время бесцельно качалась на волнах. Ветра фактически не было.

— Давайте уточним эти приливы и отливы, шериф, — заметил Мейсон. — Вот карта, показывающая колебания уровня воды. Согласно ей, прилив десятого по существу начался рано утром одиннадцатого, в час пятнадцать ночи.

— Точно так.

— Следующий же прилив был днем одиннадцатого, в два часа тридцать две минуты.

* Ярд (англ. мера длины) = 91 см.

— Да, это так, сэр.

— А вы обнаружили яхту во время отлива?

— Уровень воды падал, но это еще не был отлив.

— И вы быстро переправили судно к причалу?

— Да.

— На этом все, — произнес Мейсон.

— Если суд позволит, — заявил прокурор округа Хастингс, — я хотел бы вызвать другого свидетеля, Стильсона Келси. Этот человек не нашего круга, и я не могу поручиться за него, но мне хотелось бы, чтобы суд услышал его показания, так как они необычайно важны.

— Хорошо, — объявил судья Хобарт. — Для дачи свидетельских показаний вызывается мистер Келси.

Келси сильно отличался от того Келси, которого адвокат Мейсон видел в квартире Евы Эймори. Он был подстрижен, в новом костюме, в новых ботинках и говорил с видом совершенно уверенного в себе человека.

— Ваше имя? — спросил его прокурор округа.

— Стильсон Келси.

— Ваш род занятий?

— Отказываюсь отвечать на этот вопрос.

— На каком основании?

— На том, что ответ может быть мне инкриминирован.

— Вы знакомы — или, точнее, были знакомы — с Уилмером Джилли?

— Да.

— Была ли у вас назначена встреча с ним на вечер десятого?

— Да, сэр.

— Что вы делали десятого сего месяца, мистер Келси? Нас интересует только этот день.

— У меня нет постоянного занятия.

— На что же вы живете?

Келси глубоко вздохнул и произнес:

— Я получаю денежные пожертвования от разных людей.

— Успокойтесь, продолжайте, — сказал Хастингс. — Какова природа ваших занятий? Чем вызваны эти пожертвования?

— Шантажом.

— Вы договаривались с Уилмером Джилли относительно шантажа кого-нибудь из Бэнкрофтов?

— Протестую против такого вопроса, — перебил прокурора Мейсон. — Он не относится к данному делу.

— Напротив, — возразил Хастингс, — это имеет к делу прямое отношение и раскрывает мотив преступления. Келси — главный свидетель. Его показания очень важны. Мы временно отложили дело о вымогательстве, чтобы распутать убийство.

— Отклоняю протест защиты, — объявил судья Хобарт. — Суд желает разобраться во всем до конца. Свидетель, продолжайте.

— Отвечайте на вопрос, — сказал прокурор Стильсону Келси.

— Джилли рассказал мне целую историю.

— Какую?

— Протестую. Это основано на слухах, — воскликнул Мейсон.

— Я хочу показать, что это составная часть *res gestae*^{*}, — сказал Хастингс.

Судья Хобарт нахмурился.

— Эта история имеет какое-нибудь отношение к вашим деловым связям с Джилли? — спросил он Келси.

— Да, ваша честь.

— Тогда отвечайте на вопрос, — произнес судья Хобарт.

— Джилли подружился с одним человеком, — сказал Келси, — который жил вместе с ним в меблированных комнатах «Аджакс-Делси».

— Хорошо. Продолжайте.

— Джилли мне сказал, что подружился с неким Ирвином Фордайсом, который все ему рассказал о своем прошлом. Фордайс подружески ему доверился, так как был уверен в его молчании.

— Услышав его историю, вы решили извлечь из этого выгоду?

— Да.

— Ваши действия были результатом совместной договоренности с Джилли?

— Да.

— В чем суть всей истории?

— Протестую, — вмешался Мейсон. — Это основано на слухах, несущественно и не относится к делу.

— Отклоняю. Я хочу знать всю подоплеку шантажа, — заявил судья Хобарт.

— Оказалось, — продолжал Келси, — что настоящее имя Фордайса было другим, что если бы стало известно, кто он на самом деле, и о его преступном прошлом, то высокосветская свадьба между Розеной Эндрюс, членом семьи Бэнкрофтов, и Джетсоном Блэром, членом известной в обществе семьи Блэров, никогда не состоялась бы.

— Что вы тогда сделали?

— Джилли и я решили воспользоваться этой информацией и обратить ее в деньги.

— Что вы сделали?

— Какое-то время я присматривался к этим семьям и выяснил, что у Бэнкрофтов было достаточно много денег, а Блэры пользовались влиянием в обществе. Я пришел к выводу, что лучше шантажировать кого-нибудь из Бэнкрофтов.

^{*} *Res gestae* (лат.) — дело, подвиги, деяния.

— Какие суммы вы собирались у них потребовать?
— Полторы тысячи долларов по одному требованию и тысячу — по другому.

— И на этом вы хотели остановиться?

— Конечно, нет. Мы собирались до конца воспользоваться полученной информацией. Мы считали, что потребованных денег будет достаточно на какое-то время. Затем, по-нашему мнению, необходимо было выждать. Если бы Розена согласилась заплатить полторы тысячи долларов, а ее мать — тысячу, тогда мы подождали бы примерно неделю, а затем выдвинули бы Розене новое требование и продолжали бы оказывать на нее давление до тех пор, пока не почувствовали бы, что она на пределе. Такова была, по крайней мере, моя договоренность с Джилли.

— Хорошо. Что произошло?

— Мы написали письмо и положили его на переднее сиденье в автомобиле Розены. Мы не хотели посылать его по почте. У Джилли была печатная машинка, да и печатал он неплохо. Я же этого не умел. Так что Джилли отпечатал письмо. Он показал мне его и получил мое одобрение.

— Каковы были условия в этом письме?

— Розена должна была заплатить полторы тысячи долларов в соответствии с инструкциями, полученными от нас по телефону. Мы пригрозили, что в противном случае информация, позорящая ее семью, станет достоянием общественности.

— Это был пробный шар? — спросил Хастингс.

— Конечно. Затем Джилли вошел в контакт с обвиняемой, представил ей известную нам информацию, и она выложила ему тысячу долларов.

— Что затем произошло?

— Мы продолжали наблюдение, пока не убедились, что Розена получила наше письмо. Она села в машину, увидела его на переднем сиденье, прочитала его пару раз и затем уехала.

— Что было потом?

— Без моего ведома, — печально произнес Келси, — Джилли, очевидно, после того как я видел это письмо, переправил требование в нем на три тысячи долларов.

— Ничего не сказав вам?

— Да.

— Зачем он это сделал? — спросил Хастингс.

— Он, видимо, хотел получить лишние полторы тысячи. Видите ли, согласно разработанному нами плану, мы собирались на озере взять лодку — Бэнкрофты летом отдыхают на даче у озера, а Джилли был хорошим пловцом. Я предложил взять напрокат лодку, как будто мы простые любители рыбной ловли; Джилли же должен был прихватить с собой снаряжение для подводного плавания. Мы собирались на лодке выйти на озеро. Я должен был ловить рыбу,

а Джилли нырнуть, когда Розена Эндрюс в нужное время и в нужном месте бросит в воду кофейную банку. Джилли должен был подплыть к ней под водой, схватить ее и затем направиться к берегу, где его никто не заметил бы. Я же должен был повернуть лодку к берегу, как будто в поисках рыбы. Джилли должен был там забраться в лодку, переодеться, положить акваланг в корзину, а потом мы собирались ловить рыбу как ни в чем не бывало. Так что, если бы даже полиция была предупреждена заранее, никто не смог бы поймать нас.

— Что же произошло в действительности? — спросил Хастингс.

— Думаю, все это знают, — сказал Келси. — Мы приказали Розене положить деньги в банку — красную банку из-под кофе, но, к несчастью, оказалось две такие банки. В одной из них были деньги, а другая была пустой, которую, видимо, кто-то просто бросил в воду. И так случилось, что лыжница выловила банку с деньгами и передала ее полиции, а Джилли схватил пустую.

— Вы обсуждали это происшествие с ним?

— Увидев сообщение в газетах, я обвинил его в надувательстве.

— Что вы имеете в виду?

— Его стремление получить три тысячи вместо полутора, то есть присвоить себе полторы тысячи.

— Как он среагировал на ваше обвинение?

— Он божился, что ничего не исправлял в письме, что кто-то его обманул, а затем он обвинил меня в этом.

— Хорошо, что потом произошло?

— После того как мы узнали, что выловили не ту банку, Джилли позвонил Розене и сказал ей, что она не последовала данным ей инструкциям; она же обозвала его назойливым журналистом и бросила трубку. Тогда он позвонил ее матери, и она предложила ему приехать на пристань у яхт-клуба «Блю Скай», сказала, что отвезет его на яхту, заплатит там деньги, а затем незаметно высадит его где-нибудь на берегу. Она была уверена, что частные детективы занимаются этим делом, и поэтому хотела, чтобы все было в тайне.

— Когда он должен был встретиться с ней?

— В семь часов вечера на пристани у клуба.

— Вы не знаете, встретился он с ней или нет?

— Я просто говорю вам то, что слышал по телефону и что Джилли сам мне сказал, но я точно знаю, что Джилли отправился в клуб, и именно тогда я видел его в последний раз.

— Ведите допрос, — сказал Хастингс адвокату Мейсону.

— Вы не знаете, на чем он собирался добраться до яхт-клуба? — спросил Мейсон.

— Нет. В последний раз, когда я его видел, он обедал у себя в комнате. Это было в шесть тридцать вечера. Он всегда очень любил консервированную свинину с бобами, и во время нашей по-

следней встречи он ел именно ее. Он сказал, что должен выйти из дома около семи и что около полуночи у нас будут три тысячи долларов.

— А затем?

— Я поехал по своим делам. Потом я возвратился в «Аджакс-Делси». Я тоже снимал там комнату. Я все ждал и ждал возвращения Джилли. Когда в полночь он не пришел, я подумал, что он получил три тысячи и решил исчезнуть, чтобы со мной не делиться.

— Вы хотели обмануть Джилли? Разве вы не собирались принудить Еву Эймори подписать бумагу о том, что найденные в кофейной банке деньги были положены туда ею, что вся эта затея была проделана ради газетной рекламы, что она хотела бы, чтобы полиция возвратила ей деньги, а затем выманить эти деньги у нее?

— Да, это так. Вы поймали меня на этом. Джилли хотел обмануть меня, но я не привык оставаться в дураках. Нельзя сказать, что он был моим напарником. Он был неопытен в рэке, поэтому и обратился ко мне. Затем он решил обмануть меня и оставить ни с чем, так что я решил несколько застраховать себя. Вот и всё.

— И поэтому вы пришли к прокурору округа, изложили ему всю эту историю, чтобы избавиться от обвинения в шантаже, не так ли?

— А что бы вы сделали? — спросил Келси.

— Я задаю вам вопрос. Именно так вы и сделали?

— Да.

— И прокурор округа для того, чтобы вы произвели впечатление в суде, дал вам деньги на стрижку, новый костюм и ботинки?

— Не прокурор.

— Шериф?

— Да.

— И прокурор округа обещал не привлекать вас к суду?

— Да, если я как свидетель расскажу правду.

— Что он имел в виду?

— Ну, что в моих показаниях не будет никаких неясностей.

— Иными словами, — сказал Мейсон, — если они выдержат перекрёстный допрос и будут похожими на правду. Так?

— Пожалуй, да.

— Если же во время допроса я смогу доказать, что вы лжёте, тогда вас привлекут к суду. Так?

— Думаю, что да. Конечно, он не выразился подобным образом, но дал понять, что я должен говорить правду. Так, чтобы никто не смог придраться.

— Короче, — сказал Мейсон, — если ваши показания позволят признать обвиняемую виновной, вас не привлекут к суду за вымогательство. Так?

— Вы даёте свою собственную интерпретацию этому делу, — заявил Келси. — Не это имел в виду прокурор, и я не хочу, чтобы его слова в вашем толковании были отражены в протоколе суда. Подра-

зумевалось, что, если я расскажу всё так, как это сделал перед прокурором, и мой рассказ выдержит все испытания в суде, меня не будут привлекать по обвинению в шантаже.

Буду откровенен с вами, мистер Мейсон. Я — не ангел. У меня были неприятности, поэтому я не пожелал ответить на вопрос о роде моих занятий. Я не собираюсь идти на самоубийство. Мне было дано обещание только по этому делу, а не по другим. Я готов правдиво ответить на все вопросы относительно него, даже если это поставит меня в несколько неудобное положение.

Но вы должны помнить, что я имел дело с человеком, который, по существу, не был моим партнёром. Он только предложил мне оказать ему помощь в этом деле, а затем с самого начала стал меня обманывать. Я не мог этого терпеть.

— Где находились вы вечером десятого, в день убийства Джилли? — спросил Мейсон.

— Здесь у меня, — усмехнулся Келси, — прекрасное алиби. Примерно в то время, когда произошло убийство, я требовал денег у Евы Эймори, а затем вернулся домой, где и пробыл всю ночь. До полуночи я был на ногах, ожидая Джилли, затем пришёл к выводу, что он обманул меня. Но это меня особенно не беспокоило, так как я был уверен, что получу деньги от Евы Эймори.

Многие завидовали ей, потому что она слишком быстро добилась рекламы, но меня нельзя обмануть. Я заставил бы её сделать по-моему, полиция вернула бы ей эти три тысячи, а затем я получил бы всю эту сумму.

— А что стало с Ирвином Виктором Фордайсом? — спросил Мейсон.

— Мне об этом ничего неизвестно. Я только знаю, что он был в тюрьме, что опять в чём-то замешан и, вероятно, поспешно бежал, когда узнал, что Джилли продал его и шантажирует его семью. Его можно понять. Он чувствовал, что рано или поздно дело о шантаже станет достоянием полиции, что они разузнают, в чём вся суть, а поскольку он наследил, он решил как можно быстрее скрыться.

— Что вы имеете в виду, говоря «он наследил»? — спросил Мейсон.

— То, что я сказал. Он был замешан в нападении на станцию техобслуживания и полиция разыскивала его. Как только он увидел напечатанное в газетах письмо шантажистов, он понял, что быть беде, и решил исчезнуть.

— Вы когда-нибудь разговаривали с ним?

— Нет. Я видел его, потому что он квартировал в том же доме, что и я, но он был другом Джилли, а не моим. Он никогда меня не знал.

— Но Джилли знал вас?

— Да, конечно. Я имел репутацию... Не будем вдаваться в подробности. Джилли хотел получить деньги от Бэнкрофтов и решил, что только я смогу ему помочь.

— И вы ему сказали, как это сделать?

— Я не отрицаю этого.

— И вы были в комнате Джилли в ночь убийства?

— Да. Около семи часов. В промежутке с шести тридцати до семи.

— И что делал Джилли?

— Я же сказал, что он обедал, быстро глотая всё, так как торопился. Он сказал мне, что всё устроил, что поедет за теми тремя тысячами, которые от нас ускользнули, и что вернётся около полуночи. Как я уже говорил, он ел консервированные бобы с хлебом.

— Кофе? — спросил Мейсон.

— Нет, он выпил немного молока. Он не любил пить кофе по вечерам. Этот человек, уверяю вас, мистер Мейсон, не был моим партнером. Он был просто... Он только пришел ко мне за помощью, вот и всё.

— Затем вы поехали по своим делам, и когда вернулись обратно?

— Точно не знаю. Примерно в девять—девять тридцать вечера.

— И после этого вы всё время были в своей комнате?

— Нет. Раз шесть я выходил, чтобы посмотреть, пришёл Джилли или нет.

— Вы заходили к нему?

— У меня нет ключа, а комната была заперта. Я только смотрел, есть ли в ней свет. В полночь я постучался. Так как я не получил ответа, я решил, что он уже пришел, но вместо того чтобы зайти ко мне, завалился спать. В час ночи я еще раз постучал и только тогда я понял, что он вновь обманул меня — забрал три тысячи и исчез. Имея дело с таким типом, как Джилли, следовало самому о себе беспокоиться.

— И как вы решили это сделать?

— Как я уже говорил, сперва я собирался заставить Еву Эймори сделать заявление о том, что вся эта история с деньгами была рекламным трюком. Это бы дало ей право на деньги. Я был уверен, что Бэнкрофты не промолвят ни слова, иначе им пришлось бы в полиции все рассказать о шантаже, а как вы сами понимаете, они не могли пойти на это. Мои расчеты были верны. Раз Джилли обманул меня и получил три тысячи, я тоже должен был надуть его и получить другие три тысячи. В этом случае мы были бы квиты. Затем я стал бы играть так, как нужно. Я намеревался потребовать от Бэнкрофтов десять тысяч, а при первой же встрече с Джилли половину того, что ему удалось утаить от меня.

— А как с теми деньгами, которые вы собирались утаить от него? — спросил Мейсон.

— Моя игра с Евой Эймори не имела никакого отношения к Джилли.

— А как вы собирались заставить его выплатить вам половину суммы, полученной им от обвиняемой?

— При моем бизнесе, — медленно произнес Келси, — есть разные способы заставить обманувших вас людей заплатить вам впоследствии.

— Какой бизнес вы имеете в виду?

— Мы вновь, — усмехнулся Келси, — возвращаемся к тому, с чего начали. Я уже заявлял вам, что не собираюсь обсуждать этой проблемы. Меня освободили от ответственности только по этому делу, а не по другим.

— При условии, что вы выдержите перекрестный допрос?

— Вы просто пытаетесь к чему-нибудь придраться, мистер. Я не собираюсь лезть в петлю. Если я выдержу допрос, я — в безопасности; если нет — значит нет. О Келси могут много чего наговорить, но никто не скажет, что он дурак.

— Так вы заинтересованы в том, чтобы доказать виновность обвиняемой?

— Я заинтересован в правде. Не имеет значения, какой она произведет эффект. Если это доказывает вину миссис Бэнкрофт, тем хуже для нее. Я говорю правду. Меня не интересует, кого это затронет.

— Вам известно, что Джилли собирался в яхт-клуб на встречу с миссис Бэнкрофт?

— Он говорил мне об этом.

— После его исчезновения вы ездили в яхт-клуб?

— Нет. Я был дома и ожидал его возвращения.

— Если бы он отдал вам половину полученной суммы, поделились бы вы с ним деньгами Евы Эймори? — спросил Мейсон.

— О, ваша честь, — вмешался прокурор округа, — я думаю, этот вопрос дискуссионный и не имеет отношения к делу. Я предоставил защитнику самые большие возможности для допроса данного свидетеля, так как понимаю, что его показания позволяют все распутать.

Если же в них есть какие-то изъяны, я так же, как и защита, заинтересован в том, чтобы выяснить все до конца. Но, безусловно, подобный вопрос вряд ли имеет отношение к делу.

— Согласен, — объявил судья Хобарт, — но мне кажется, при столкновении с людьми подобного сорта защита имеет право на получение ответа. Я отклоняю протест. Свидетель, отвечайте на вопрос.

— Ну скажем так, — произнес Келси, — если бы Джилли поступил со мной честно, я, наверняка, поделился бы с ним. У меня репутация... Да, я так бы и сделал. Но когда он попытался надуть меня и получить лишние полторы тысячи, я стал относиться к нему

с подозрением. Я пришел к выводу, что он обманщик, что с ним следует расквитаться и больше не иметь дела.

В нашем бизнесе, как впрочем и в любом другом, есть своя этика, и люди, имевшие со мной дело, всегда полагались на мою репутацию — только я не собираюсь здесь ничего говорить о своем бизнесе, мистер Мейсон. Мы ведем речь только об этом деле и всё.

— Хорошо, — усмехнулся Мейсон. — Больше вопросов у меня нет.

— Вызывается, — объявил прокурор округа Хастингс, — следующий свидетель — доктор Морли Бэджер, судебный врач, патологоанатом.

Доктор Бэджер занял место свидетеля.

— Скажите, — спросил его прокурор округа, — одиннадцатого числа этого месяца вы производили вскрытие?

— Да.

— Кого вы вскрывали?

— Уилмера Джилли. По крайней мере, это был труп, чьи отпечатки пальцев принадлежали именно Джилли.

— Что было причиной смерти?

— Пуля 38-го калибра вошла в грудь, пробила сердце и застряла в позвоночнике.

— Что вы можете сказать относительно смерти?

— Она была мгновенной.

— Каковы были движения тела после выстрела?

— Их не было. Пуля не только пробила сердце, но и повредила позвоночник. Естественным и единственным движением могло быть только падение тела. Человек умер и упал на том месте, где стоял.

— Сколько времени прошло с момента смерти?

— Приблизительно двадцать четыре часа.

— Можете вы более точно указать время?

— С медицинской точки зрения, я бы сказал, что этот человек умер между восемью и одиннадцатью часами вечера десятого. Если исходить из других данных, время смерти можно указать точнее.

— Что вы имеете в виду?

— Пострадавший умер приблизительно через полтора—два часа после последнего принятия пищи, состоявшей из консервированной свинины с бобами.

— Можете задавать вопросы, — обратился прокурор к Мейсону.

— Вопросов нет, — заявил адвокат.

— Что! — воскликнул Хастингс в удивлении. — Нет вопросов?

— Нет, — повторил защитник.

— Должен обратить внимание уважаемого суда, — объявил Хастингс, — приближается час дневного перерыва. В предварительном слушании подобного типа мы должны только доказать, что преступление было совершено, и есть достаточно оснований признать

обвиняемую виновной в этом. Я полагаю, этот факт полностью установлен.

— Может быть, и так, — заявил судья Хобарт, — если, конечно, защита не пожелает доказать обратное.

— Защита желает отложить слушание дела, — сказал Мейсон, — до завтрашнего утра.

— Как! Вы собираетесь выступать? — в удивлении спросил судья Хобарт. — Это, безусловно, необычно при предварительном слушании дела, и я предупреждаю вас, что как только *prima facie** будет установлен, простое противоречие фактов не будет иметь существенного влияния на решение суда.

Вопрос правдивости свидетелей в случае несовпадения показаний целиком находится в компетенции присяжных.

— Я это знаю, ваша честь, — сказал Мейсон, — но защита имеет право на разумное продолжение дела, и я просил бы отложить заседание до завтрашнего утра, чтобы убедиться, сможем ли мы опровергнуть представленные доказательства.

Я также желаю завтра сделать в суде публичное заявление.

Ввиду того что обвиняемая отказалась делать какие-либо заявления в ходе расследования, я хотел бы объявить, что сразу же после закрытия данного заседания состоится пресс-конференция, на которой обвиняемая изложит журналистам полный рассказ о том, что в действительности произошло вечером, в день убийства.

— Ваша честь! — воскликнул вскочивший на ноги Хастингс. — Это превращает судебное расследование в пародию, в фарс; обвиняемая по совету своего адвоката молчит и не произносит ни слова. А когда обвинение молчит, она вдруг заявляет, что все изложит прессе.

— Я не знаю закона, — задумчиво произнес судья Хобарт, — воспреещающего обвиняемому делать заявления прессе в любое время, когда он пожелает. Более того, по закону он не обязан делать их следователям, ведущим расследование.

Судья Хобарт встал и покинул свое место.

Прокурор округа Хастингс подошел к адвокату Мейсону.

— Послушайте, Мейсон, — сказал он, — не стоит делать таких трюков.

— Почему? — спросил адвокат. — Вы же слышали, что сказал судья. Это законно.

— Ну что ж, если вы будете проводить пресс-конференцию, я буду присутствовать на ней и задам несколько вопросов. Вы стремитесь, чтобы обвиняемая не подверглась допросу со стороны обвинения.

— А вы представляете какую-нибудь газету? — спросил Мейсон.

* *Prima facie* (лат.) — состав преступления.

— Черт побери — да, через пять минут у меня будет разрешение от газеты.

— Что ж, — холодно произнес адвокат, — вы будете иметь право присутствовать на этой конференции.

Зал суда кипел от возбуждения. Газетные репортеры, столпившись вокруг стола Мейсона, делали снимки раздраженного прокурора округа и улыбающегося адвоката.

Хастингс повернулся к журналистам.

— Не слышал в жизни ничего подобного, — заметил он. — Это настолько самоубийственно, хотя, конечно, повернет симпатию публики в сторону обвиняемой. Если же она собирается все рассказать, почему она этого не сделала во время расследования?

— Потому что, — сказал Мейсон, — оно было проведено небрежно.

— Что вы имеете в виду?

— Не был послан водолаз и не было исследовано дно залива в том месте, где находилась яхта.

Откуда вы знаете, что там было на дне? Может быть там находятся доказательства, полностью реабилитирующие обвиняемую. Может быть там найдется орудие убийства?!

Любой здравомыслящий эксперт послал бы водолазов на то место, по крайней мере, чтобы найти орудие убийства. Ведь естественно предположить, что убийца, кем бы он ни был, бросил бы его за борт.

А что вы сделали? — продолжал Мейсон. — Вы и шериф расследовали все дело, но не удосужились выяснить точное местонахождение яхты в день убийства. Так что вы навсегда потеряли все возможные доказательства, жизненно важные для обвиняемой в этом деле. Вот почему она воспользовалась правом выбрать любое время для своего рассказа.

— Постойте, — пролепетал Хастингс. — Я сейчас же позвоню по телефону и получу разрешение от какой-нибудь газеты; и, если вы так уверены, что на дне залива есть какие-то доказательства, почему же вы не разыскали их?

— Мы не знаем точно, где находилась яхта. Ведь она была отбуксирована по указанию шерифа.

Хастингс хотел что-то сказать, но был так зол, что не смог произнести ни слова. Нервная гримаса исказила его рот. Лицо его было смертельно бледным. Руки сжались в кулаки.

Он резко повернулся и быстро зашагал в направлении телефонных будок.

Мейсон повернулся к шерифу:

— Будьте так добры, шериф, организуйте конференцию в библиотеке суда, скажем, минут через пять, а мы тем временем пригласим всех аккредитованных представителей прессы.

— Постойте, — заметил шериф Джуит, — вы обвинили меня в некомпетентности.

— Я не обвиняю вас в этом, — заметил Мейсон, — я только заявил, что ваши методы расследования были небрежны.

— Но это практически одно и то же.

— Хорошо. Если вам так нравится, я обвиняю вас в некомпетентности.

— Не знаю, стоит ли мне содействовать вам в проведении этой конференции, — сказал шериф. — Разве вы не понимаете, что это означает? Богатая женщина обвиняется в убийстве, которое — результат шантажа. Радио просто проглотит залпом подобную информацию. Столичные газеты будут жадать новостей. Это принесет большой доход каждому репортеру, находящемуся здесь, в зале суда. Вы не можете замять всей этой истории. Кроме того, вы не имеете права запретить обвиняемой говорить, когда она пожелает. Единственное, что вы можете сделать, это поставить местным журналистам палки в колеса, но их поддержат представители крупных столичных газет, которые толпами прилетят сюда на самолетах, едва станет известно, что Перри Мейсон собирается дать слово своей клиентке.

После некоторого размышления шериф произнес:

— Хорошо. Конференция начнется через десять минут в библиотеке суда.

— И проследите, пожалуйста, — заметил Мейсон, — чтобы там присутствовали только аккредитованные представители прессы. Иначе, моя клиентка будет молчать.

— Там также буду я со своими заместителями, — сказал шериф.

— Конечно, — улыбнулся Мейсон. — Мы вас ждем.

— Итак, через десять минут в библиотеке суда, — объявил шериф.

XX

— Миссис Бэнкрофт, — произнес адвокат Мейсон, — садитесь за этот стол и изложите представителям прессы всю свою историю.

Бэнкрофт схватил Мейсона за рукав.

— Мейсон, — произнес он шепотом, — разумно ли это делать? Мне это кажется самоубийственным.

— Может быть, это и так, — ответил адвокат, — но это оправданный риск.

Мейсон повернулся к Филлис Бэнкрофт.

— Так, давайте начнем, миссис Бэнкрофт. Сперва я хочу задать вам несколько предварительных вопросов. ...Вас шантажировал Джилли?

— Да. Я заплатила ему тысячу долларов.

— Когда?

— Кажется, восьмого.
— Я не спрашиваю вас о мотивах шантажа. Меня только интересует: имело ли это какое-нибудь отношение к чему-нибудь, сделанному вами?

— Нет.

— Касалось ли это информации, которая могла повредить счастью других людей?

— Да.

— Когда вы увидели Джилли в следующий раз?

— Десятого, на борту моей яхты «Жинеса».

— Появлялись ли вы на яхте ранее, но с кем-нибудь другим?

— Да.

— С кем?

— С Ирвином Виктором Фордайсом.

— Вы отвезли его на яхту?

— Да.

— Именно этого молодого человека видел Дрю Кёрби с вами в тот вечер?

— Постойте, — вмешался Робли Хастингс. — Я, правда, здесь представляю прессу, но тем не менее не хочу, чтобы вы навели свидетеля на такие заявления. Вы были не в состоянии этого сделать в суде, и не стоит этого делать сейчас.

Теперь мне понятно, почему вы инсценировали эту пресс-конференцию. Только так вы в состоянии вложить в уста свидетеля пужные вам слова.

— Вы здесь, — заметил Мейсон, — представитель прессы, а не прокурор округа. Я веду интервью так, как мне нужно. Сядьте и замолчите.

— Как представитель прессы, — возразил Хастингс, — я не собираюсь молчать.

— Хорошо, — сказал Мейсон. — Только на моих условиях миссис Бэнкрофт изложит всю свою историю. Господа, вы желаете, чтобы она продолжала свое повествование или чтобы интервью не состоялось только из-за того, что прокурор, прикидывающийся здесь представителем прессы, мешает мне его вести?

— Нет, нет, — раздался голоса. — Продолжайте. Мы хотим все знать. А потом мы будем задавать ей вопросы.

— Вы сможете это сделать, но миссис Бэнкрофт изложит свою историю на условиях, для нее приемлемых. Прокурор округа не пугает ни ее, ни меня.

— Продолжайте, — попросил один из репортеров.

— Я протестую, — воскликнул Хастингс. — Я...

— Заткнитесь, — прервал его один из журналистов. — Вы все говорите и говорите. Заткнитесь!

— Как вы смеете так со мной разговаривать? — возмутился прокурор.

— Смею, потому что я журналист. Я представляю здесь одну из газет штата. Она выступала против вас, когда вы выдвигали свою кандидатуру на пост прокурора, и уверяю вас, мы будем бороться против вас, как только вы попытаетесь выдвинуть ее вновь. Ваше судебное крючкотворство не помешает нам все узнать и услышать.

Хастингс хотел что-то сказать, но сдержался.

— Тогда, — обратился мистер Мейсон к Филлис Бэнкрофт, — расскажите нам, что произошло. Почему вы хотели встретиться с Фордайсом в яхт-клубе?

— Я хотела переправить его на яхту, а затем отвезти в Каталину.

— Зачем?

— Мне не хотелось, чтобы Джилли напал на его след.

— Почему?

— Потому что я была уверена, что Джилли нельзя доверять. Я знала, что он попытается найти Фордайса, выудить у него все и воспользоваться полученной информацией против меня и против людей, чья судьба меня волнует.

— И что же произошло? — спросил Мейсон.

— Я хотела достать деньги для Фордайса, поэтому отправилась к своим друзьям, которые одолжили мне три тысячи. Я не могу называть их имен, потому что они хотят быть в стороне, и это вполне понятно.

— Почему?

— Потому что у них в доме постоянно хранятся крупные суммы денег, и, если об этом станет известно, они станут мишенью для бандитов.

— Понятно. Вы раздобыли деньги и вернулись на яхту. Что произошло, когда вы поднялись на борт?

— Двигатель работал. Я привязала шлюпку, поднялась на яхту и прошла в рубку. На носу судна я увидела фигуру, убиравшую якорную цепь. Я подумала, что это Фордайс, и включила в рубке свет. Человек на носу, увидев свет, зацепил цепь за кнехты, повернулся и двинулся по направлению ко мне. Яхта шла медленным ходом.

И только тогда я поняла, что это Джилли. Я спросила его, где Фордайс, что он с ним сделал, но он не промолвил ни слова.

— Какая стояла погода? — перебил ее Мейсон.

— Был густой туман.

— По какому курсу шла яхта?

— Видимо, по курсу, выбранному Джилли.

— Что дальше произошло?

— Я испугалась, стала отступать назад, а он медленно продолжал приближаться ко мне, как будто собираясь задушить меня.

— Это только предположение, — вмешался Хастингс. — Вы не можете быть в этом уверены.

— Заткнитесь! — прервали его голоса. — Мы зададим ей всевозможные вопросы, когда она закончит свой рассказ.

— Но, — промолвила миссис Бэнкрофт, — он явно собирался задушить меня. Он расставил руки и, вообще, все его поведение было угрожающим.

— Что вы сделали? — спросил Мейсон.

— Я была очень напугана. Затем вспомнила, что в сумочке у меня есть пистолет.

— Чей пистолет?

— Моего мужа.

— Где вы его взяли?

— В ящике туалетного столика. Он всегда хранился там.

— Как вы им воспользовались?

— Я его выхватила, наставила на Джилли и приказала ему остановиться.

— Пистолет был заряжен?

— Да. Я сама его зарядила.

— Где вы научились этому?

— Муж хотел, чтобы я умела им пользоваться в случае необходимости. Он всегда учил меня стрелять, когда мы выезжали на виллу в горы.

— Именно из этого пистолета?

— Да.

— Что затем произошло?

— Он сперва на какое-то мгновение опешил, а потом вновь двинулся ко мне. Меня просто парализовало от страха.

В этот самый момент якорь за что-то зацепился, яхта резко остановилась и, когда ее тряхнуло, я непроизвольно нажала на курок, потеряла равновесие и упала.

— И что произошло?

— Я выстрелила.

— Куда?

— Прямо ему в грудь.

— Откуда вам это известно?

— Но я ведь наставила ему пистолет прямо в грудь!

— Что вы сделали потом?

— Я бросилась к борту яхты и прыгнула в воду.

— Но, если вы выстрелили в него и были уверены, что он мертв, почему же вы так его испугались?

— Я... не знаю. Я... Наверное, в этот момент я не была полностью уверена в его смерти. Я только хотела покинуть яхту.

— Что случилось с пистолетом?

— Точно не знаю. У меня тряслись руки, я попыталась сунуть его в сумочку, но он выскользнул, упал на палубу, а затем я слышала всплеск воды.

— Где была сумочка?

- У меня на руке.
- Когда вы прыгали в воду, пистолет был у вас в руке?
- Кажется, да. Я же сказала, что слышала, как он упал на палубу, а затем в воду.
- А сумочка?
- Во время падения в воду она соскользнула с моей руки.
- Что потом вы сделали?
- Я нырнула и поплыла к берегу.
- Долго вы плыли?
- Нет. Я сделала всего несколько взмахов, затем встала на ноги и пошла к берегу.
- В каком месте?
- Поблизости от причала. Я узнала его.
- На каком расстоянии от него находилась яхта?
- Мне кажется, в это время был прилив, и она двигалась в направлении причала и была примерно в тридцати-сорока футах от него. В двадцати-тридцати футах от причала я встала на ноги и пошла к берегу.
- Что вы затем сделали?
- Я пошла к автостоянке, вынула из-под коврика в машине ключи — видите ли, я часто забываю сумочку или теряю ключи, поэтому и храню их под ковриком в машине — и поехала домой. Там я сняла мокрую одежду и рассказала мужу о происшедшем.
- Что он сделал?
- Он заявил, что я в истерике, что мне нельзя в таком состоянии обращаться в полицию, особенно, когда мы толком не знаем, что произошло; что он собирается съездить и поискать яхту и убедиться, что я в действительности убила Джилли; что только в таком случае он сообщит о происшедшем в полицию.
- Он заставил меня принять какие-то таблетки. Это было сильное успокоительное, которое Харлоу иногда принимал ночью во время болей в желудке. Он дал мне двойную дозу.
- Что потом произошло?
- Какое-то время я нервничала. Затем сказались действие таблеток. Мне стало тепло и покойно. Я заснула и проснулась только днем. Харлоу, стоявший у моей постели, сказал:
- Филлис, прими эту таблетку.
- Что вы сделали?
- Я ее проглотила.
- Адвокат Мейсон повернулся к газетчикам.
- Господа, так обстояло дело. Можете задавать моей клиентке любые вопросы. Она постарается на них ответить.
- Когда это произошло? Я имею в виду выстрел, — сказал один из журналистов.

— Я думаю, — откровенно призналась миссис Бэнкрофт, — что следователь правильно установил время. Это произошло примерно часов в девять.

— Вы хотите сказать, что до этого не видели Джилли? — вмешался Хастингс.

— Я избегала его и была очень удивлена, увидев его на борту яхты.

— Маловероятно, — промолвил Хастингс.

— Возможно, вы перестанете нас прерывать, — заметил кто-то из репортеров. — Мне нужны факты. Можете ли вы, миссис Бэнкрофт, объяснить причины, по которым хотели оставить Фордайса на яхте?

— Фордайс был... У него были обстоятельства, когда... Боюсь, что не смогу ответить вам на этот вопрос, так как это касается событий, о которых я не хотела бы рассказывать.

— Имел ли шантаж какое-нибудь отношение к Фордайсу?

— Я предпочитаю не отвечать на этот вопрос.

— Вы заплатили Джилли тысячу долларов?

— Да.

— А ваша дочь, Розена, три тысячи?

— Она не говорила мне об этом, но мне все-таки стало известно, что ее тоже шантажируют.

— Значит, это затрагивало не только ваше благополучие, но и вашей дочери?

— Я не буду отвечать на этот вопрос.

— Где был ваш муж после десяти часов?

— Не знаю.

— А говорил он вам, что собирается поехать в порт?

— Да.

— Вы говорили с ним потом об этом?

— Да. Он сказал, что был на пристани, но из-за густого тумана не смог найти яхты. Но я точно помню, что из-за прилива она была... футах в десяти-пятнадцати от берега.

— В котором часу ваш муж ездил в порт? — спросил Хастингс.

— Не знаю. Я вернулась домой часов в десять, а заснула в десять тридцать или без четверти одиннадцать.

— Муж был с вами в это время?

— Да.

— Теперь все ясно, — заявил Хастингс газетчикам. — Так как смерть наступила в девять часов, муж обвиняемой, безусловно, не мог произвести рокового выстрела. Именно к такой мысли, как мне кажется, нас пытается подвести Перри Мейсон.

Журналисты переглянулись. Один из них произнес:

— У нас еще есть вопросы, но с этим можно подождать. Нужно быстрее звонить в наши редакции, пока у нас не перехватили этого материала.

— Да, — поддержал его другой. — Нужно поторопиться.

Газетчики сломя голову кинулись к выходу. В библиотеке суда остался только Хастингс, прокурор округа.

— У меня еще несколько вопросов, — произнес он.

— А разве вам не нужно звонить в редакцию? — улыбаясь спросил Мейсон.

— Пока еще нет. Я хотел бы еще кое-что выяснить.

— Мне кажется, мистер Хастингс, что ваша преданность профессии прокурора гораздо сильнее вашей преданности газете, которую вы представляли на этой пресс-конференции.

Должен вам заявить, что она уже закончилась, и миссис Бэнкрофт больше не собирается отвечать ни на какие вопросы.

Хастингс повернулся к Харлоу Бэнкрофту и спросил:

— А вы? Вы поехали в порт и...

— Хочу, чтобы вы правильно поняли нас, — перебил его Мейсон. — Это была пресс-конференция миссис Бэнкрофт. Ее муж не намерен делать никаких заявлений.

— Все это старые трюки, — заметил Хастингс. — Вы пытаетесь представить дело так, что муж обвиняемой поехал в порт, что было два пистолета, что именно Харлоу Бэнкрофт убил Джилли...

Вы стремитесь выгородить миссис Бэнкрофт. Когда же мы возбудим дело против него, вдруг окажется, что именно ею был произведен роковой выстрел. Ей ничто не поможет.

Если же она выстрелила в целях самообороны, почему она не рассказала об этом в полиции?

— Потому что, — пояснил Мейсон, — она не хотела излагать причин шантажа; не хотела объяснять, почему отвезла Фордайса на свою яхту.

— Пусть она изложит всю эту историю в суде, — заявил Хастингс, — где я смогу ее подвергнуть допросу, и я разнесу ее показания в пух и прах. Неужели вы думаете, что суд позволит вам вкладывать в уста обвиняемой нужные вам слова! Она вынуждена будет отвечать на предъявленные доказательства.

Насколько я понимаю, пресс-конференция была только репетицией, попыткой с вашей стороны повлиять на прессу и вызвать симпатии к обвиняемой со стороны обывателей.

Я требую, чтобы завтра в суде она обо всем рассказала.

— Вы делаете свое дело, а я свое, — прервал его Мейсон. — Пресс-конференция закончилась.

XXI

— Не понимаю, — сказал шериф Джуит, — почему вы на основании заявления вашей клиентки, мистер Мейсон, обвинили меня в небрежном расследовании дела. Только ли из-за того, что мы не отметили точного местонахождения яхты в момент ее обнаруже-

ния? Ведь и так ясно, что во время прилива яхта дрейфовала и оставилась именно там.

— Дело в том, — заметил Мейсон, — что вам не известно, что было брошено в воду и находится на дне залива.

— Почему вы думаете, что там должно что-то быть?

— Я полагаю, что в воду могло быть брошено что-то существенно важное, и я также считаю, что при нормальном ведении расследования следовало установить точное местонахождение яхты и послать туда водолазов исследовать дно залива.

— Не понимаю, чего вы добиваетесь?

— Позднее поймете.

— Хорошо. Вам я отвечу теми же словами, что вы — прокурору округа. Вы делаете свое дело, а я — свое.

— Благодарю вас, — произнес, улыбаясь, Мейсон. — Пресс-конференция закончилась.

Миссис Бэнкрофт, мы с вами встретимся завтра утром, а до тех пор — никаких ответов ни на какие вопросы. Полное молчание.

Мейсон вышел из зала.

— Почему вы не сказали шерифу, — спросила его Делла Стрит, — что при написании письма шантажистов было использовано две печатные машинки?

Адвокат улыбнулся.

— Это не смутит ни шерифа, ни шантажистов.

— Почему? Ведь один из вымогателей — мертв.

— А вы уверены, что их было только двое? — заметил Мейсон.

Она на мгновение задумалась.

— Нет, — произнесла она наконец.

— Вот именно, — сказал после некоторого молчания Мейсон. — Давайте пойдем куда-нибудь перекусить.

XXII

В четыре часа дня Мейсону позвонил Поль Дрейк.

— Ты ездил в порт, Поль? — спросил его адвокат.

— Да.

— Какова погода?

— Опять туман.

— Проклятье! Может быть, он рассеется?

— **Может быть.** Похоже, он уже начинает таять.

— Ты сейчас на пристани?

— Да. Мы оделись в спецодежду работников одной из нефтяных компаний и нетерпеливо ожидаем прибытия лодок на заправку.

— Прекрасно. Продолжайте наблюдение.

— За кем?

— За водолазами, — пояснил Мейсон. — Думаю, вскоре там появится прокурор вместе с шерифом и водолазами. Я встревожил их.

Наверняка, они захотят исследовать дно залива в том месте, где была найдена яхта, и там, где миссис Бэнкрофт прыгнула в воду. Мне кажется, что прокурор убежден, что убийство произошло именно там, где была обнаружена яхта, и попытается опровергнуть показания миссис Бэнкрофт.

— Хорошо. Принимаюсь за работу.

— Я хочу знать, когда появятся водолазы, — сказал Мейсон. — У тебя там есть телефон?

— Да, прямо на пристани. Я сижу здесь в небольшой будке и веду наблюдение за заливом.

— Хорошо. Продолжай наблюдение.

— И сколько времени я должен быть здесь?

— Откуда я знаю, — ответил ему Мейсон. — Но я хочу, чтобы ты лично сам занялся этим.

— Чертовски холодно из-за этого тумана, — заметил Дрейк, — а на мне только костюм. Я надел спецовку, но она совершенно не греет.

— Побегай, попрыгай, попытайся как-нибудь согреться.

— Хорошо вам советовать, сидя в удобном кресле в теплом кабинете.

Мейсон засмеялся.

— Продолжай работу, Поль. Мне нужна твоя помощь. Думаю, ты сможешь продержаться.

XXIII

Вскоре после пяти Дрейк вновь позвонил Мейсону.

— Привет, Перри, — сказал он, — здесь прямо-таки столпотворение.

— Ты на пристани?

— Да.

— Как погода?

— Сейчас ясно.

— Холодно?

— Не так сильно, как при тумане.

— Кто появился на берегу?

— Шериф, прокурор округа с заместителями и водолаз.

— Что они делают?

— Просто стоят, ожидая водолаза... А вот и он. У него что-то в руке.

— Что именно? — спросил Мейсон.

— Не знаю. Ведь он идет к берегу, а не ко мне.

— Продолжай наблюдение, — сказал Мейсон. — Постоянно мне звони и держи в курсе дела.

— Хорошо. Похоже, они о чем-то совещаются... Водолаз вновь погружается в воду.

— Как ты думаешь, что он нашел?
— Не знаю.
— Никак нельзя взглянуть?
— Нет.
— Может быть, это сумочка?
— Возможно. Этот предмет был найден именно там, где находилась сумочка... именно там... Эй, минутку, Перри. Он вновь возвращается. В руках — два предмета. Все очень довольны. Прокурор округа похлопывает его по плечу.
— Снимай спецодежду и иди обедать, Поль, — сказал Мейсон. — Дело сделано.

XXIV

Судья Хобарт объявил:

— Суд продолжает свою работу. Вы готовы, господа?
— Постойте, — сказал Хастингс. — Мы вчера заявили, что собираемся сегодня представить обвинительный акт, но, если суд позволит, я хотел бы задать обвиняемой еще несколько вопросов, чтобы уточнить некоторые детали и снять критику в наш адрес, произнесенную на пресс-конференции...
— Суд не интересуется критика, — прервал его судья Хобарт. — Если вы желаете представить какие-то новые доказательства, тогда суд примет решение продолжить рассмотрение дела. Есть ли какие-нибудь возражения со стороны защиты?
— Нет, — ответил Мейсон.
— Вызывается, — торжественно объявил Хастингс, — шериф Джунт.

Вы уже принесли присягу, шериф. Не стоит этого делать заново. Обратимся, шериф, к так называемой пресс-конференции, состоявшейся вчера днем. Вы слышали, какие показания дала обвиняемая прессе?

— Да.
— Имеет ли это какое-нибудь отношение к ее действиям в день убийства?
— Да.
— Что она сказала относительно выстрела?
— Обвиняемая заявила, что у нее в сумочке был пистолет, из которого она и застрелила Уилмера Джилли, затем прыгнула в воду и там потеряла сумочку. Она также сказала, что пистолет был в ее руке, и она уронила его во время прыжка в воду. Она слышала, как он сперва ударился о палубу, а затем раздался всплеск воды.
— После этого рассказа, — спросил Хастингс, — вы выезжали на место происшествия?
— Да.
— Кто-нибудь был с вами?

— Да. Опытный водолаз.
— Что он делал?
— По моему указанию он исследовал дно залива.
— Что-нибудь было обнаружено?
— Да, дамская сумочка.
— Я предъявляю вам сумочку, — заявил Хастингс. — В ней — удостоверение личности и водительские права на имя Филлис Бэнкрофт. Они сильно намокли, но записи в них можно разобрать. Вам знакомы эти документы?

— Да. Это именно та сумочка, которую показал мне водолаз.
— Мы просим приложить эти предметы к делу в качестве вещественных доказательств обвинения, — заявил Хастингс.

Судья Хобарт нахмурился и посмотрел в сторону Мейсона:

— Есть какие-нибудь возражения?
— Нет, ваша честь.
— Водолаз обнаружил что-нибудь еще? — спросил шерифа Хастингс.

— Да.
— Что?
— Пистолет.
— Что за пистолет?
— Револьвер марки «Смит и Вессон», 38-го калибра, номер 133347. Он был полностью заряжен, только одна использованная гильза. Проверка документов показала, что пистолет принадлежит Харлоу Биссинджеру Бэнкрофту, мужу обвиняемой.

— Вы провели баллистическую экспертизу?
— Да.
— И каков результат?
— Она показала, что роковой выстрел был произведен из него.
— Во время пресс-конференции, — продолжал Хастингс, — вас обвинили в том, что днем одиннадцатого не было установлено точное место, где находилась яхта, и не было исследовано дно залива в том районе. Были ли вами предприняты попытки установить это место?

— Да, сэр.
— Вам это удалось?
— Да.
— Каким образом?
— Я расспросил пилота вертолета, который первым заметил яхту и сделал аэрофотографии. Это позволило нам установить точное место.

— Вы посылали водолаза исследовать дно?
— Да, сэр.
— Он что-нибудь обнаружил?
— Абсолютно ничего.

— Ведите допрос, — торжественно объявил Хастингс адвокату Мейсону.

— Шериф, — спросил тот, — насколько я понял, водолаз обнаружил сумочку и пистолет именно там, где миссис Бэнкрофт их уронила?

— Да, сэр.

— Тем самым, подтверждается ее рассказ?

Шериф улыбнулся и ответил:

— Это зависит от того, что вы под этим подразумеваете. Ваши слова наводят меня на мысль об охотнике, который говорит вам, что стоял у дуба и выстрелил в оленя, бывшего от него в 1000 ярдах, и что, если вы хотите подтверждения, он может вам показать этот дуб.

В зале раздался смех.

— Здесь не место для шуток, шериф, — холодно произнес судья Хобарт.

— Извините. Я просто хотел сказать, что это отнюдь не подтверждает рассказа обвиняемой. Напротив, найденные предметы говорят о преднамеренном убийстве.

— Вы сказали, что у вас есть фотографии, сделанные пилотом вертолета?

— Да, сэр.

— На которых видно, где находилась яхта? Вы можете предъявить их?

Прокурор округа Хастингс протянул шерифу фотографии.

— Вот они, — произнес шериф. — Вот это яхта, а эти цифры и линии указывают на ее точное местонахождение.

— Хорошо, — заметил Мейсон. — А вы уточнили это место на геодезической карте, представленной защитой?

— Нет, но это можно сделать.

— Пожалуйста, будьте так любезны, и скажите нам глубину залива в том районе.

— Во время отлива глубина там была десять футов, — произнес после сравнения шериф.

— Какова была длина якорной цепи?

— Примерно пятнадцать футов.

— Во время обнаружения яхты был отлив, а во время убийства — прилив, так что за это время яхта, вероятно, сделала целый круг?

— Я думаю, что водолаз учел это.

— Думаете?

— Я сказал ему обследовать все дно вокруг.

— Уважаемый суд, — произнес Мейсон, — все показания данного свидетеля относительно того, что сделал водолаз, что он видел и обнаружил, не могут служить доказательством обвинения, так как они не основаны на конкретных и точных фактах.

— Если суд позволит, — воскликнул Хастингс, — мы приведем эти факты. Водолаз находится здесь, в зале суда. Я не собирался вызывать его в качестве свидетеля, но если это необходимо, я могу это сделать.

— Тогда лучше вызовите его, — сказал Мейсон, — потому что если у меня будет возможность задать ему несколько вопросов и он подтвердит показания шерифа, я возьму свои слова обратно. Иначе я буду утверждать, что это ничего не доказывает.

— Очень хорошо, — произнес Хастингс. — Вы пока свободны, шериф. Вызывается Фремонт Диббл.

Диббл произнес клятву, заявил, что по профессии он водолаз и что по указанию шерифа и прокурора округа произвел исследование дна залива в указанных ему местах.

— Что вы обнаружили на дне, у топливного причала? — спросил его Хастингс.

— Дамскую сумочку и пистолет.

— Я предъявляю вам для опознания сумочку. Скажите, вы нашли именно ее?

— Да, сэр.

— Я показываю вам пистолет. Вы обнаружили именно его?

— Да, сэр.

— Ведите допрос, — сказал Хастингс Мейсону.

— Сумочка была именно в таком состоянии, когда вы ее нашли? — спросил Мейсон.

Свидетель внимательно ее осмотрел.

— Да, сэр.

— Содержимое то же самое?

— Да, сэр.

— В ней были деньги?

— Да. В кошельке лежало три двадцатидолларовых, две десятидолларовых, одна пятидолларовая, три однодолларовых банкноты и немного мелочи.

— Они были в сумочке, когда вы нашли ее?

— Да, сэр.

— И никаких других денег?

— Нет, сэр.

— Пистолет в том же состоянии, как вы обнаружили его?

— Да, сэр.

— На каком расстоянии он был от сумочки?

— Примерно... в двадцати-тридцати футах.

— Теперь скажите, вы были именно на том месте, которое помечено мною на этой геодезической карте?

— Да, сэр.

— И именно там обследовали дно?

— Да, сэр.

— И ничего не нашли?

— Нет.

— Абсолютно ничего?

— Там, — сказал Диббл, — оказалась старая консервная банка, которую, возможно, использовали под наживку, а затем бросили в воду. Она была примерно в сотне футах от того места, где была обнаружена яхта.

— Но, учитывая, что во время прилива яхта не стояла на месте, это было, видно, ближе к ней?

Свидетель задумался и произнес:

— Пожалуй, да.

— Почему вы решили, что банка использовалась под наживку? — спросил Мейсон.

— На такой глубине, — улыбнувшись, сказал Диббл, — очень хорошо видно, так что я смог прочитать надпись на этикетке банки. Она была из-под бобов, поэтому я и решил, что она использовалась под наживку.

— Что это за этикетка?

— Обычная, вокруг всей банки, ничего особенного.

— Почему вы решили, что это старая банка?

— Ну, — улыбнулся свидетель, — я не видел, чтобы кто-нибудь рыбачил поблизости, поэтому и решил, что она пролежала на дне какое-то время.

— И этикетка все ещё была на ней? — заметил Мейсон.

— Если, конечно, подумать, — задумчиво произнес свидетель, — раз этикетка все еще была на ней, так что лучше сказать, что это банка из-под наживки, а не старая консервная банка. Все это очень спорно.

Диббл улыбнулся, повернувшись в сторону прокурора округа.

— Благодарю вас, — сказал Мейсон. — На этом все.

— Теперь, если суд позволит, — заявил адвокат, — ввиду этих свидетельских показаний, я бы хотел задать еще несколько вопросов свидетелю обвинения Стильсону Келси.

Келси, на сей раз развязной походкой, подошел и занял место свидетеля.

— Мистер Келси, — спросил его Мейсон, — вы присутствовали на пресс-конференции, когда обвиняемая изложила всю свою историю?

— Нет, сэр.

— Но вы слышали о ней?

— Да.

— И вы быстро достали акваланг, помчались на пляж, нашли место, указанное обвиняемой на пресс-конференции, нырнули, обнаружили там сумочку, в которой было три тысячи в пятидесяти-и стодолларовых банкнотах, изъяли их, и затем, чтобы подкинуть новые доказательства против миссис Бэнкрофт, бросили рядом с сумочкой пистолет, не так ли?

— Что! — воскликнул Келси. — Я...

— Ваша честь, — вмешался Хастингс, — это недопустимое ведение допроса. Этот свидетель не под следствием.

— Он будет под следствием, — заявил Мейсон, — так как еще до заявления обвиняемой один пловец по моей просьбе исследовал дно залива в указанном месте, нашел там дамскую сумочку, в которой тогда было три тысячи долларов. При этом пловец я заменил эти деньги другими, полученными мною в банке, а я их номера записал. В то время на дне близ сумочки ничего больше не было.

Так вот, кто-то быстро приехал туда, изъясил из сумочки указанную сумму и подложил орудие убийства.

Должно быть, именно этот человек был убийцей; человек, который был партнером Джилли, который добрался до яхты и во время отсутствия обвиняемой застал там своего напарника; человек, который во время прилива был вместе с Джилли, когда тот поглощал консервированные бобы, найденные в запасах яхты; а затем выкинул банку в воду. Они поссорились. Этот человек обвинил Джилли в надувательстве и застрелил его из пистолета, который миссис Бэнкрофт уронила на палубу во время прыжка в воду.

Затем этот человек оставил тело на яхте, поискал денег и ничего не нашел.

Потом убийца погреб к берегу и...

— Пойдите, — прервал его Келси, — вы не можете обвинять меня в этом, так как у «Аджакс-Делси» за мной постоянно следили.

— Так вы знали об этом? — улыбнувшись сказал Мейсон.

— Конечно.

— Но вам было известно, — заметил Мейсон, — что детектив следит за входом в «Аджакс-Делси». Разве это могло помешать вам выйти через черный ход, сесть в машину, которая находилась рядом с ним, и отправиться в порт?

— Вы не сможете этого доказать.

— Нет, смогу, — возразил Мейсон, — потому что банкноты, которые я вложил в сумочку миссис Бэнкрофт, были выданы мне банком гораздо позднее убийства. Более того, их номера были записаны. И, если я не ошибаюсь, они сейчас либо у вас в кармане, либо спрятаны где-нибудь в вашей комнате или в вашем автомобиле. Я собираюсь получить разрешение на обыск и...

Келси долго смотрел на Мейсона, оценивая сложившуюся ситуацию, затем резко вскочил и, пока все были в замешательстве, ринулся к выходу.

Скинув оцепенение, шериф бросился за ним.

Мейсон повернулся и с усмешкой взглянул на Бэнкрофта.

В коридоре раздался голос:

— Стоять! Буду стрелять! — Быстро последовали два выстрела.

Спустя несколько минут в зале вновь появился шериф, сопровождавший Келси, который был уже в наручниках.

— Так вот, если суд позволит, — продолжил Мейсон, — пусть шериф обыщет арестованного. Думаю, он найдет в его кармане пачку банкнот, номера которых совпадают с теми, которые были получены мною из банка. Вот список этих номеров.

Келси полагал, что Джилли обманул его и поэтому присвоил себе три тысячи долларов. Услышав на яхте его рассказ, он посчитал, что тот вновь обманул его и утаил от него деньги, полученные от миссис Бэнкрофт.

Если вы помните, из-за резкого толчка яхты миссис Бэнкрофт потеряла равновесие и нажала на курок. Естественно предположить, что Джилли тоже не устоял и упал и что после выстрела у него хватило ума лежать на месте, притворившись убитым.

Келси обвинил его в надувательстве, поднял пистолет, упавший на палубу, хладнокровно убил своего напарника, а затем обыскал труп. Он был крайне разочарован и удивлен, не найдя денег.

Затем он покинул яхту, добрался на лодке до берега, сел в автомобиль, вернулся к «Аджакс-Делси», вошел в него через черный вход, проник в комнату Джилли и тщательно сфабриковал доказательства, свидетельствовавшие о том, что тот принимал пищу в последний раз у себя дома, то есть до того как поехал на пристань. Таким образом, ему удалось сбить с толку следователя и заставить его поверить в то, что смерть Джилли наступила несколькими часами ранее, чем это было на самом деле.

Судья Хобарт взглянул на съездившегося от страха Келси и приказал шерифу:

— Обыщите этого человека. Посмотрим, есть ли у него банкноты, номера которых совпадают со списком, предъявленным адвокатом Мейсоном.

XXV

Спустя десять минут судья Хобарт произнес:

— Номера совпадают, мистер Мейсон. Я полагаю, мистер Хастингс, у нас вполне достаточно оснований для прекращения дела против миссис Бэнкрофт.

— Согласен, — робко сказал прокурор округа.

— Я хотел бы кое-что пояснить, — произнес Келси.

— При сложившихся обстоятельствах, всё, что вы скажете, — подчеркнул судья Хобарт, — может быть использовано против вас. Вряд ли стоит вам делать какие-либо заявления. Если же вы желаете этого, не забывайте, что ваши слова могут быть использованы против вас.

— Знаю, — упавшим голосом произнес Келси. — Я только хочу сказать, что мистер Мейсон изложил все верно, за исключением одного. Я не намеренно убил Джилли, а в целях самообороны. Я обвинил его в обмане и в получении денег, о которых мне не было из-

вестно. Так как он все отрицал, я заявил, что собираюсь обыскать его. Когда я стал подходить к нему, он схватил нож и ринулся ко мне. Тогда мне пришлось выстрелить.

— Что вы потом сделали? — спросил судья Хобарт.

— Я обыскал его и нашел немного денег, видимо, оставшихся от той тысячи, которую он получил от миссис Бэнкрофт. Он был законченным негодяем и, когда понял, что я собираюсь раскопать все до конца, попытался меня убить.

— Что вы сделали с пистолетом? — спросил судья Хобарт.

— Я его спрятал. Позднее, услышав, что рассказала миссис Бэнкрофт на пресс-конференции, я вновь зарядил его, выбросил одну пулю, достал акваланг, отправился в порт, разыскал сумочку, изъяс из нее деньги и положил рядом с ней пистолет. Я полагал, что при таких условиях имею полное право на эти деньги. Ведь именно благодаря мне Джилли удалось получить их.

Судья Хобарт повернулся в сторону адвоката Мейсона.

— Что же, по вашему мнению, произошло с пулей, которой выстрелила миссис Бэнкрофт?

— Здесь может быть только один ответ, — сказал адвокат. — Она пролетела мимо Джилли, возможно в сантиметре от его головы, а затем в открытую дверь рубки. Вспомните: Джилли поднимал якорь, двигатель работал, он зацепил цепь за кнехты, повернулся и вошел в рубку. Дверь ее, должно быть, была открытой. Через нее, вероятно, и пролетела пуля.

Судья Хобарт нахмурился и задумчиво произнес:

— Это было необычайно интересное и важное дело. Подсудимую можно поздравить с таким защитником, стратегия которого позволила в конце концов установить подлинного убийцу.

Теперь, ради интереса, я хотел бы спросить вас, мистер Мейсон, действительно ли свидетель Дрю Кёрби ошибался и с миссис Бэнкрофт вечером десятого был другой человек?

— Да, — подтвердил адвокат. — На самом деле с ней был Ирвин Виктор Фордайс.

— А что произошло с ним? — спросил судья.

— Не знаю. Может быть, он был убит, а может, просто бежал.

Поднялся Харлоу Бэнкрофт.

— Если суд позволит, я хотел бы сделать заявление.

— Пожалуйста, — произнес судья Хобарт.

— Я думаю, Ирвин Фордайс исчез, так как знал, что его разыскивает полиция в связи с ограблением станции техобслуживания.

Я хочу воспользоваться этой возможностью, чтобы публично рассказать о том, что каждый из нас называет ошибками. Я тоже сделал немало ошибок. Когда-то в юности я украл автомобиль и за это отбыл срок в тюрьме. Затем я решил, что с этим нужно кончать.

Я перед всеми заявляю, что если у Ирвина Фордайса хватит мужества прийти с повинной, я постараюсь, чтобы это был честный суд. Я не пожалею денег, чтобы лучшие адвокаты защищали его. Я попрошу мистера Мейсона быть его защитником. Если Фордайс виновен, он должен отбыть срок. Если же нет, он будет освобожден, и я назначу его на руководящее место в одной из своих компаний, чтобы дать ему возможность окончательно исправиться.

Журналисты, столпившись, окружили Бэнкрофта и принялись его фотографировать.

— Я рад, — едва улыбнувшись, сказал судья Хобарт, — что вы сделали это заявление, мистер Бэнкрофт. Вы говорили как мужчина, и я уверен, вы не пожалеете об этом.

Что касается вашего замечания о лучших адвокатах, я думаю, исход этого дела говорит сам за себя.

Миссис Бэнкрофт освобождается из-под стражи. Мистер Келси — в руках шерифа. Найденные деньги конфисковываются. Заседание суда объявляю закрытым.

XXVI

Мейсон, Делла Стрит, Поль Дрейк, Харлоу Бэнкрофт, Филлис Бэнкрофт и Розена Эндрюс собрались в конторе Мейсона.

— Я даже не могу сказать, — произнесла, вся в слезах, миссис Бэнкрофт, — что вы для меня сделали, мистер Мейсон.

Бэнкрофт, вынув из кармана чековую книжку, сказал:

— Я не могу этого выразить словами, но попытаюсь отразить в чеке.

— Я очень рад, Бэнкрофт, — заметил Мейсон, — что у вас хватило сил, решимости и мужества встать и сделать заявление в суде. Вы почувствуете, что жизнь гораздо лучше, чем вы думали раньше.

Мейсон поднялся из-за стола.

— Я хочу пожать вам руку, мистер Бэнкрофт. Приятно это сделать настоящему мужчине.

Розена внезапно поцеловала адвоката, то же самое сделала и Филлис Бэнкрофт.

Мейсон, с помадой на щеках, с улыбкой взглянул на Деллу Стрит.

— Я единоподушна с ними в чувствах, — нежно произнесла она.

**Совместное издание издательства «Прейскурантиздат»
и советско-немецкого предприятия «Маркетинг-XXI»**

Литературно-художественное издание

Эрл Стенли Гарднер

СЕКРЕТ ПАДЧЕРИЦЫ

Редактор издательства С. Г. Густова

Художник В. В. Дунько

Технические редакторы Э. А. Куманцова, Е. В. Андрюнина

Корректор Т. Г. Малиновских

ИБ № 38

Сдано в набор 24.05.91
Бум. газетная
Объем 7,0 п. л.
Зак. тип. № 321

Подп. в печать 14.11.91
Гарнитура Таймс
Тираж 400 000 экз. 1-й завод (1—200 000 экз.)
Изд. № 536
Формат 60 × 90¹/₁₆
Офсетная печать
Цена 1 р. 70 к.

Издательство и типография «Прейскурантиздат»
125438, Москва, Папкаузное шоссе, 1

1 р. 70 к.

Эрл Стенли ГАРДНЕР

СЕКРЕТ падчерицы

«Положение очень сложное. На борту яхты — труп мужчины. Он, вероятно, был убит всего несколько часов назад. Очевидно, пуля попала ему прямо в сердце.»